

ЛАТВИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ВЕЙСБЕРГС АНДРЕЙ ГУНАРОВИЧ

ЗАИМСТВОВАННАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ
ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКА

10.02.02 – языки народов СССР (латышский язык)

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

РИГА 1991

Оглавление

Предисловие	5
Введение	8
1. Фразеологическая единица – понятие, характерные черты	12
2. Происхождение фразеологии	21
2.1. Исконно латышская фразеология	23
2.2. Заимствованная фразеология	28
3. Контакты латышского языка	30
3.1. Основные понятия	30
3.2. Языковые контакты	33
4. Заимствование фразеологизмов, его способы	39
5. Типы фразеологического заимствования	52
5.1. Фразеологические кальки	52
5.2. Беспереводные фразеологические заимствования	56
5.3. Фразеологические полукальки	62
5.4. Фразеологические транскрипции	64
6. Источники и критерии заимствования фразеологизмов	68
7. Процесс заимствования, его этапы	77
8. Обогащение фонда заимствованной фразеологии в хронологическом аспекте	86
8.1. 17 век	86
8.2. 18 век	90
8.3. 19 век	94
8.4. 20 век	96
9. Гипотетические влияния на латышскую фразеологию (финно-угорские и литовский языки)	105

Ю. Фразеология заимствования из отдельных языков	III
Ю.1. Библейская фразеология	III
Ю.2. Фразеология греческого происхождения ..	141
Ю.3. Фразеология латинского происхождения ..	147
Ю.4. Фразеология немецкого происхождения ...	154
Ю.5. Фразеология русского происхождения	170
Ю.6. Фразеология французского происхождения	179
Ю.7. Фразеология английского происхождения	186
Ю.8. Фразеология другого происхождения	202
II. Заимствование и интернационализация	210
Заключение	214
Литература	220

Предисловие

Настоящая работа посвящена малоизученной проблеме заимствования фразеологических единиц (ФЕ) в латышском языке. В центре внимания автора находятся вопросы, связанные с общей теорией языковых контактов в сфере фразеологии, с механизмом перехода единиц из одного языка в другой. Разработка этих и других теоретических проблем осуществлена автором на материале латышского языка. Поэтому много внимания уделяется рассмотрению развития латышского языка в течение четырех столетий и его контактам с языками, обогатившими его фразеологический фонд.

Впервые вопросы латышской фразеологии привлекли к себе внимание в 17 веке, конечно, в чисто практическом аспекте - при составлении первого словаря латышского языка (Manzelius G., 1638). Словарь содержал дополнение *Phraseologia Lettica. Das ist Täglicher Gebrauch der Lettischen Sprache*, включавшее лишь около 30 фразеологических единиц (далее ФЕ), ибо в понимании Г. Манцелиуса фразеология представлялась речью, а не корпусом ФЕ. Но термин "фразеология" в латышском языке берет свое начало именно оттуда.

Такой чисто практический подход к фразеологии наблюдался до середины 20 века. В этот период был создан самый обширный словарь латышского языка - словарь К. Мюленбаха и Я. Эндзелина (Mullenbach K., 1923-1932), содержащий множество ФЕ всех типов. Фразеологизмы просто фиксировались в словарях без особых пояснений и выделения.

Теоретические исследования, посвященные вопросам латышской фразеологии, начались лишь во второй половине 20 века, когда А.Я. Озолс предложил выделить фразеологию в самостоятельный раздел

языкознания и очертил связанный с нею круг вопросов (Ozols A., 1959; 1967).

Вслед за А.Я.Озолсом вопросами фразеологии занимались А.Г. Лауа (Laua A., 1972; 1975) в области структурных связей и семантики ФЕ, Э.К. Кагайне (Kagine E., 1968; 1977) в области фразеологизмов говоров, А.Ф. Гринблат (1960) в области глагольных сочетаний, и вопросами сопоставления фразеологизмов разных языков Орловская Л.Я. (1968) и С.К. Раге (Кагайне Э., Раге С., 1970). Последние исследования наметили тенденцию выхода за рамки латышского языка, расширения круга проблем, рассмотрения в сравнительном аспекте специфики и общих черт ФЕ латышского и других языков. Такой подход был обусловлен также необходимостью издания фразеологических словарей.

Подробный обзор работ по теории латышской фразеологии за период до 70-х годов был дан Л.Я.Орловской (1972). Автором охарактеризованы важнейшие этапы развития теории латышской фразеологии, достижения и ошибки, отмечен разноречивой терминологии и относительное отставание в сфере фразеологической теории.

За последние двадцать лет улучшилось положение в сфере фразеологии - опубликованы три новых фразеологических словаря: русско-латышский, англо-латышский и немецко-латышский.

Продолжалась также работа по накоплению латышского фразеологического материала (Laua A., 1980). Появились исследования в сопоставительном плане (Орловская Л.Я., 1972, 1973; Raklons J., 1975; Veinberga M., 1976; Банкав А., 1988) и автора настоящей работы.

Исследования по латышской фразеологии ведутся и за рубежом (Eskert, 1987). Интересны работы В.Руке-Дравини по составлению ФЕ латышского, немецкого и шведского языков (Rūke-Dravina V., 1980, 1984) и высказанные ею положения о диахроническом развитии

латышской фразеологии

Отметим, что, так как границы фразеологии и паремиологии пересекаются, работы Э.Я. Кокаре (1978, 1980, 1988) можно считать значительным вкладом в исследование развития фразеологии латышского языка. Вместе с тем сфера фразеологии значительно шире, чем сфера паремиологии, и обладает известными особенностями, а, кроме того, эти работы носят сопоставительный характер и не затрагивают вопроса генезиса паремий.

Свое развитие получила и теория языковых контактов и лексического заимствования (Балдунчикс Ю., 1979, 1983, 1990).

Несмотря на указанные выше работы, многие аспекты латышской фразеологии изучены далеко не полностью. К ним относятся и фундаментальные вопросы сущности ФЕ, и проблема заимствования ФЕ.

Среди них особенно выделяется вопрос о заимствовании ФЕ, который рассмотрен лишь автором диссертации.

Введение

Настоящая работа посвящена малоизученной проблеме заимствования фразеологических единиц в латышском языке. Фразеологический анализ осуществлялся как в синхронном так и в диахроническом плане.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что практически все вопросы латышской фразеологии изучены крайне плохо. Более того, всеохватывающих работ, посвященных проблемам заимствования, нет и в современной балтистике. Недостаточная изученность этих проблем ведет к неоправданным суждениям о роли заимствования в фразеологии латышского языка как в историческом аспекте так и на современном этапе его развития в ситуации обширных языковых контактов. Актуальность исследования обусловлена также необходимостью точного установления фонда заимствованной фразеологии, что представляет не только теоретический но и популярно-лингвистический интерес.

Теоретическая значимость работы. Работа расширяет теорию фразеологии латышского языка, а также теорию заимствования ФЕ вообще. В ней рассмотрен ряд вопросов связанных с заимствованием фразеологии; языковыми контактами, предложена новая классификация фразеологических заимствований, уточнена терминология, специфичная для заимствования ФЕ, рассмотрена терминология, специфичная для заимствования ФЕ, рассмотрен процесс заимствования ФЕ в хронологическом аспекте, выявлены группы заимствованных единиц из отдельных языков, их особенности, разграничены процессы интернационализации и заимствования, даны статистические данные о составе фразеологии латышского языка.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые проводится комплексное всеохватывающее исследование заимст-

зованной фразеологии латышского языка, а также самого механизма заимствования ФЕ. Разработана классификация способов и типов заимствования, рассмотрено влияние отдельных языков на латышскую фразеологию. Дана историко-хронологическая и функциональная характеристика заимствованной фразеологии.

Практическая ценность. Работа представляет важность для уяснения практических вопросов заимствования и языковых контактов. Определенное значение диссертация может иметь в нормализации заимствования ФЕ. Собранный материал имеет лексикографическую ценность. Он был частично использован при составлении словаря "Англо-латышский фразеологический словарь", а позже будет использован при составлении словаря заимствованных фраз и выражений. Результаты исследования могут быть учтены при чтении вузовских курсов по языковым контактам, стилистике, фразеологии в специальных вузах, на филологических факультетах университетов, а также использованы в периодической практике.

Материал диссертации и выводы из нее могут применяться в переводческой и преподавательской деятельности.

Данные материалы составили часть лекционного курса "Языковые контакты" и основу спецкурса "Заимствование фразеологии".

Целью диссертации является исследование процесса заимствования ФЕ в латышском языке, а также фонда заимствованной фразеологии.

Оно направлено на устранение целого ряда пробелов в теории фразеологии, языковых контактов, заимствования и открывает возможности для проведения дальнейших изысканий в данных сферах.

Для достижений названной цели были поставлены следующие основные задачи:

1. Установить границы ФЕ в латышском языке, выявить главные их свойства, определить понятие ФЕ.
2. Определить критерии и границы заимствованной и исконной

фразеологии, разработать процедуру идентификации фразеологических заимствований.

3. Выявить сущность лингвистических терминов, употребляемых в сфере заимствования ФЕ, разработать классификацию способов заимствований ФЕ и типов заимствований, установить их системные связи.

4. Изучить источники заимствованной фразеологии, каналы заимствования, сферы проникновения ФЕ, факторы способствующие заимствованию.

5. Установить особенности ассимиляции фразеологических заимствований, удельный вес заимствованной фразеологии.

6. Исследовать процесс заимствования в хронологическом аспекте в течение последних 4 столетий.

7. Определить языковые семантически-тематические группы заимствованных ФЕ.

8. Изучить процессы изменения ФЕ при их заимствовании и ассимиляции, определить общее и специфическое в механизме заимствования из разных языков.

9. Выявить специфические особенности заимствования из отдельных языков.

10. Рассмотреть соотношение процессов заимствования и интернационализации.

Объект исследования. В качестве материала исследования использованы исключительно письменные источники периода четырех столетий развития латышского языка. Рассматриваемый фразеологический фонд превышает 4000 единиц, из которых примерно 1560 ФЕ рассматриваются как уясненно заимствованные (остальные являются исконными или имеют гипотетическое происхождение) и примерно 13000 употреблений этих единиц разных периодов и типов текстов.

Изучение ФЕ проводилось на материале языков балтийской, сла-

вянской, германской, романской и других групп, так как объектом исследования были и ФЕ других языков, ибо сопоставительный анализ требует разбора исходных форм единиц. Приведены и лингвострановедческие материалы по происхождению прототипов. Фактический материал получен методом сплошной выборки из периодической печати и более чем из 300 книг латышских писателей 19-20 вв., всех изданий Библии (1689-1990), отдельных работ на латышском языке 17-18 вв., многих оригиналов и переводов классических работ, содержащих прототипы ФЕ, а также из одноязычных и двуязычных словарей латышского языка и других лексикографических источников.

Основные методы и приемы исследования. Основными методами при проведении настоящего исследования служили метод фразеологической идентификации, разработанный нами метод идентификации заимствованных ФЕ, сопоставительно-исторический, этимологический и функционально-стилистический анализ. Использовано много лингвострановедческой информации.

Кроме того, производился статистический подсчет как в синхронном, так и в диахроническом аспекте. В отдельных случаях использовались также информанты.

I. Фразеологическая единица - понятие, характерные черты

Вопрос о сущности ФЕ - центральный вопрос фразеологии, в котором до сегодняшнего дня нет еще полной ясности. Хотя решение этого вопроса не является нашей задачей, краткое его рассмотрение продиктовано требованиями настоящего исследования. В советском языкознании, где эти вопросы рассмотрены наиболее детализированно, в историческом плане выделяются три концепции ФЕ.

Первая концепция основана на узком понимании ФЕ, которая трактуется как семантически преобразованное сцепление слов, соотносимое со словом и его синтаксическими функциями (Амосова, 1963 б; Бабкин, 1970; Ларин, 1977; Молотков, 1977). Эта концепция, по нашему мнению, не состоятельна, так как оставляет за пределами исследования большинство устойчивых единиц с малой или средней степенью идиоматичности (значительно более многочисленных, чем полностью немотивированные ФЕ). Остается неясными, какая область лингвистики должна заниматься этими единицами.

В.М. Аристова (1979) считает, что фразеология должна охватывать языковые факты, объединенные названием - "наука о фразе". Кроме того, граница между полностью идиоматическими оборотами и оборотами с частичной идиоматикой расплывчата, так как фразеология представляет собой совокупность выражений: от идиом - и далее по постепенно убывающей степени идиоматичности - до устойчивых сочетаний не-фразеологического характера, которые находятся на периферии фразеологической микросистемы. Идиоматичность скалярная, колеблющаяся между слабыми и сильными идиоматическими конструкциями (Gibbon, 1981, p. 22). Факт постепенного перехода, градации единиц с различной степенью идиоматичности представляет со-

бой универсальную черту фразеологии (Makkaï, 1978, p. 445), и искусственно ограничивать какую-то ее часть нам представляется неправильным.

Специфика нашего исследования также говорит против отделения полных идиом от частично переосмысленных оборотов, поскольку в заимствовании представлен весь спектр единиц.

Далее, рассматривая фразеологию в ее эволюции, т.е. в диахроническом аспекте, можно заметить, что "полные" ФЕ часто являются результатом развития устойчивого словосочетания; к тому же многие ФЕ теряют мотивированность при заимствовании, а некоторые теряют ее в ходе ассимиляции.

Вместе с тем мы не отрицаем наличия различий между идиомами и остальными ФЕ. Идиомы имеют свои характерные черты, однако "никакое искусственное ограничение фразеологических исследований одним разрядом устойчивых словесных комплексов, даже если он является центральным и наиболее специфичным, не может быть оправданным с точки зрения функциональной значимости языковых знаков различных типов в общественной коммуникации" (Чернышева, 1977, с. 42).

Во второй концепции разработанной А.В. Куниным (1970), под ФЕ понимается семантически хотя бы частично преобразованное сцепление слов, соотносимое как со словом, так и с предложением, и обладающее хотя бы минимальной устойчивостью (Орловская, 1968; Райхштейн, 1974; Чернышева, 1977; и др.). Поскольку мы придерживаемся этой концепции, она будет рассмотрена нами далее.

Третья концепция исходит из понимания ФЕ как сцепления слов и без семантического преобразования, обладающего отдельностью номинации (Архангельский, 1964; Шанский, 1969). Эта концепция фактически включает в область фразеологии все сверхсложные ус-

тойчивые комплексы, составные термины и т.п. С нашей точки зрения, такая концепция слишком широка, так как в ней отсутствует несколько категориальных признаков ФЕ и абсолютизируется признак устойчивости.

Отметим, что в зарубежной лингвистике вопрос о границах ФЕ почти не рассматривается, и понятие "идиома", которым оперируют зарубежные лингвисты, обычно употребляется в значении ФЕ и тоже расплывчато.

Итак, в настоящей работе под фразеологической единицей подразумевается относительно устойчивое сочетание слов с полностью или частично переосмысленным значением.

Исходя из дефиниции, следует выделить три основные черты ФЕ: 1) она состоит по крайней мере из двух компонентов (раздельнооформленность), 2) она устойчива и 3) по крайней мере один ее компонент использован в переосмысленном значении.

Итак, переосмысленность, или семантическая преобразованность, — основной признак ФЕ, поскольку фразеологизация является семантическим преобразованием. Под переосмыслением понимания любой отход от буквального значения переменных сочетаний слов или компонентов фразеологизма в результате семантического сдвига (Кунин, 1972, с. 72).

Переосмысленный характер значения ФЕ устанавливается путем ее наложения на переменное сочетание слов (словосочетание или предложение), которое легло в ее основу, а в случае отсутствия таких — путем сравнения значения фразеологизма с буквальными значениями его компонентов.

Переосмысленность как признак ФЕ была впервые отмечена В.А. Лариным (1977), однако он усматривал ее лишь в идиомах, т.е. в узком понимании. Так же трактуется и термин "идиоматичность" (Жуков, 1986) — как черта, характерная для идиом т.е. для одного

яруса ФЕ. Переосмысленность – понятие более широкое, чем идиоматичность, которая обычно трактуется как невыводимость значения целого из значений частей, так как переосмысленность распространяется на всю ФЕ, значение которой выводимо.

Такой подход к переосмысленности и решает вопрос об объеме фразеологии. Это понимание ФЕ в ее широком смысле, однако, подразумевает исключение простых сцеплений слов из фонда фразеологии. Выделение специальных типов ФЕ по параметру их переосмысленности нам представляется не целесообразным, хотя в работе используется и термин "идиомы", обозначающий полностью переосмысленные ФЕ.

Имеются авторы, которые употребляют другой идентичный термин – метафоричность (Вакуров, 1981; Degut, 1973).

Переосмысленность может быть полной или частичной в зависимости от того, затрагивает ли она все сочетание, или только его часть. Переосмысленность – категориальное свойство ФЕ, позволяющее отграничивать ФЕ от устойчивых нефразеологических словосочетаний. Все остальные признаки ФЕ в конечном итоге вытекают из этой основной черты (Reu, 1973, p. 98).

И с позиций заимствования переосмысление – главное свойство ФЕ, так как заимствование в большинстве случаев связано с переводом, а, как подчеркивает Я.И. Рецкер (1974, с. 146–147), "с точки зрения переводчика, переосмысление (полное или частичное) и только переосмысление является решающим критерием фразеологичности".

Относительная устойчивость ФЕ. Под устойчивостью ФЕ мы понимаем воспроизводимость словосочетания в готовом виде, что базируется на цельности номинации этого словесного комплекса и доминирует в сознании читателя (слушателя) над раздельнооформленностью ФЕ. Устойчивость представляет собой один из основных признаков ФЕ при отграничении их от свободных оборотов. А.В. Кунин (1970)

трактует устойчивость ФЕ как "объем инвариантности различных аспектов фразеологического уровня" (с. 88) и различает устойчивость употребления, структурно-семантическую, семантическую, лексическую и синтаксическую.

Однако понимать устойчивость как статичность было бы неправильно. Для ФЕ, как для любых живых проявлений языка, характерна диалектика противоположностей - устойчивость и неустойчивость. Эти свойства тесно взаимодействуют и обеспечивают функционирование и динамику фразеологического фонда (Мокиенко, 1980, с. 39). ФЕ подвижна, несмотря на свою устойчивость, причем подвижность эта может быть как узуальной, так и окказиональной.

Узуальный характер подвижности хорошо выражен в диахроническом аспекте (Селиванов, 1980, с. 7), окказиональный - как в диахроническом, так и в синхроническом плане. Таким образом, устойчивость и неустойчивость, стабильность и изменчивость - свойства соотносительные (Прошин, 1975, с. 1), хотя устойчивость и является категориальным признаком ФЕ (Rey, 1973).

Устойчивость - это мера сопротивляемости ФЕ свободному словосочетанию - ее прототипу - переменному словосочетанию, а также словам свободного употребления, с которыми ФЕ структурно связана в речи.

Другим основным свойством ФЕ является раздельнооформленность (термин, предложенный А.И. Смирницким в 1956 г.), т.е. наличие в них как минимум двух слов. Хотя компоненты ФЕ действительно представлены словами, правда специфически употребленными, однако это лишь поверхностное понимание раздельно-оформленности. Как правильно отметила И.В. Арнольд (1973, с. 166), раздельно-оформленность ФЕ заключается не только в том, что она состоит из нескольких слов, которые пишутся раздельно, но и в том, что внут-

ри ее сохраняются синтаксические отношения, которые могут актуализироваться при употреблении ФЕ в речи. Синтаксические связи между компонентами могут прерываться по заданиям сообщения. Компоненты могут в известной степени перемещаться. Возможно вклинивание слов и деформация единиц. В этой связи мы не можем согласиться с мнением А.И. Молоткова (1965, с. 78, 79), считающего, что в составе фразеологизма слова утрачивают признаки слов, свое лексическое значение, грамматические категории, синтаксическую функцию, связи и отношения между элементами (или компонентами) фразеологизма перестают быть связями между словами. По мнению этого автора, составные части фразеологизма не следует тождествовать со словом.

Спрашивается, из чего в таком случае состоит ФЕ, будучи раздельнооформленной? Каким образом возможны трансформации? Мы считаем, что, хотя слова в ФЕ утрачивают какие-то признаки своей природы, ФЕ состоит именно из слов. Концепции А.И. Молоткова в какой-то мере соответствуют лишь идиомы, которые составляют только часть фразеологического фонда языка.

Тесно связано с переосмысленностью ФЕ и как бы находится в противоречии с раздельнооформленностью такое свойство ФЕ, как семантическая целостность (то же самое иногда обозначается как монолитность, спаянность, идиоматичность, цельность номинации). Но противоречие это потенциальное, хотя и может стать реальным. Раздельнооформленность существует в плане выражения, а целостность, **неяленимость** - в плане семантики.

Семантическая целостность - это внутреннее семантическое единство. ФЕ. Семантическая целостность довольно относительная черта ФЕ - есть ФЕ, которые обладают ей в большей мере, чем другие, например идиомы.

Переосмысленность и метафорическая природа ФЕ связаны с такими свойствами ФЕ секундарного значения, как экспрессивность и эмоциональность. Большая часть ФЕ экспрессивна, что используется для усиления выразительности при выражении понятий. Тем не менее мы не можем согласиться с отнесением экспрессивности к основным признакам ФЕ, как это делают В.М. Мокиенко (1980, с. 4) и некоторые другие лингвисты. Мнение, что "экспрессивность - характерологический категориальный признак фразеологизма" (Вакуров, 1983, с. 58), нам представляется ошибочным, поскольку, несмотря на то, что экспрессивность, эмоциональность, оценочность ФЕ порождены метафорической (образной) природой ФЕ, не все ФЕ сохранили эти свойства, а эмоциональностью вообще обладает только часть ФЕ. Продолжительное употребление ФЕ, хотя и не снимает метафоричности, стирает во многих случаях ее экспрессивность, о чем свидетельствует множество клише.

С проблемой дефиниции связан и вопрос об объеме и границах ФЕ. Исходя из дефиниции, основополагающими чертами ФЕ следует считать переосмысленность, устойчивость и раздельнооформленность. То, что ФЕ представляет собой сочетание слов, позволяет отграничить ее от слов как единиц. Верхней границей ФЕ является сложное предложение, т.е. пословицы, поговорки и крылатые выражения, если они носят переосмысленный характер.

Близко примыкают к фразеологизмам и многие составные термины, среди которых выделяются термины фразеологического характера, например заимствованные aklā zarna, zalais vilnis, которые возникли вследствие метафорического переосмысления свободного словосочетания, другими словами, если составной термин семантически построен по принципу переосмысления, то его терминологическая сущность не должна служить поводом искусственного разграничения термина и ФЕ.

Проблема соотношения ФЕ и пословиц далека от решения. Многие лингвисты включают пословицы в состав фразеологии (Шанский, 1969; Чернышева, 1970; Кунин, 1970), другие же ограничивают эти понятия (Бабкин, 1970; Копыленко, 1973; Жуков, 1986).

Но, поскольку пословицы подвергаются заимствованию, так же как и более концентрированные единицы, т.е. заимствуются единицы развернутые и неразвернутые, коммуникативные и номинальные, и поскольку в пословицах практически всегда содержится переосмысление, например mazs cinītis gāj lielu vezumu, то в нашей работе пословицы, поговорки и крылатые выражения включены в фонд фразеологии.

Фразеологический фонд языка заключает в себе множество ФЕ. Во избежание описания фразеологии как хаотического скопления различных единиц создано несколько классификаций ФЕ. В латышском языке первая классификация была разработана А.Я. Озолсом (Ozols, 1959) на основе концепции В.В. Виноградова. Эта классификация базировалась на градации мотивированности компонентов ФЕ.

В дальнейшем делались попытки усовершенствовать эту классификацию, с нашей точки зрения - безуспешные. Так, классификация разработанная Э. Кагайне (Kagaine, 1968), содержала еще один класс ФЕ - фразеологические сравнения. Такой подход является необоснованным, так как уже классификация В.В. Виноградова основана на двух критериях - степени мотивации и спаянности компонентов, а добавленный новый класс выделен по принципу структуры.

Обилие классификаций, на наш взгляд, вызвано широтой спектра исследований, поскольку, наверно, ни одна классификация не может удовлетворить всем задачам.

Хотя вопрос о классификации ФЕ в нашей работе практически мало важен, в какой-то мере структурно-семантическая классификация А.В. Кунина (1972) может позволить сделать некоторые обобщения

насчет преобладания того или иного типа ФЕ в заимствованном фонде.

В этой классификации указаны 4 класса ФЕ.

- 1) номинативные, т.е. обозначающие предметы, явления и т.д.:
zelta jaunatne, mīlas trijstūris.
- 2) номинативно-коммуникативные:
pāriet Rubikonu, sēdēt vienā laivā.
- 3) междометные и модальные, т.е. выражающие эмоции, волеизъявление: arī tu, Brut!
- 4) коммуникативные, т.е. ФЕ со структурой простого и сложного предложения - этот класс включает поговорки и пословицы:
Mans nams ir mana pils, pēc mums kaut ūdens plūdi.

В латышской фразеологии представлены все классы данной системы, и ФЕ всех классов заимствованы из других языков. Вместе с тем следует отметить, что заимствование затрагивает, главным образом, ФЕ первого класса, в меньшей степени - второго и четвертого классов и очень мало - третьего класса.

Причины такого явления рассмотрим ниже.

2. Происхождение фразеологии

Происхождение фразеологизмов в разных языках до сих пор является одной из наименее изученных проблем. Лигвистическая наука, как правило, ограничивается общими замечаниями по поводу происхождения некоторых ФЕ или рассматривает основные контакт-языки в качестве поставщиков наряду с лексикой и фразеологизмами. Как отмечает А.Г. Назарян (1981, с. 41), такое положение определило в последние десятилетия односторонний характер изучения преимущественно синхроническим аспектом. Такое положение обусловила также теория эквивалентности ФЕ слову, которая, не различая эти понятия, практически сняла проблему происхождения сочетания слов как такого. Действительно, если ФЕ приравнивается к слову, то единственное различие в том, что ФЕ раздельнооформлена, и вопрос о происхождении ФЕ подменяется проблемой происхождения ее составных частей. Но в этом случае игнорируется сущность ФЕ как качественно отличной языковой единицы, ее фразеологическое значение, образно-экспрессивный характер.

Подавляющее большинство ФЕ в языке обычно возникает на национальной основе в обиходной речи народа. Источники фразеологического фонда языка чрезвычайно разнообразны, отражая исторические процессы развития языка, культурную, общественную и материальную жизнь народа.

Вместе с тем каждый народ, имеющий хоть какой-то контакт с другими народами, заимствует от него языковой материал. Таким образом, можно подразделить фразеологический фонд языка на фразеологизмы исконного происхождения и заимствованные из других языков. Такая классификация ни в какой мере не является единственной, а отражает лишь основные источники в контексте наших исследований.

Но существует множество единиц, совпадающих в двух и более языках, которые у нас нет никаких оснований считать заимствованными, так как помимо заимствования существует и другой путь межъязыковой интернационализации фразеологического фонда в разных языках, а именно путем независимого развития идентичных фраз. В самых отдаленных языках можно найти полные эквиваленты - ФЕ, совпадающие во всех отношениях.

Такой полигенез можно объяснить общими тенденциями метафоризации и других способов переноса, "общностью жизненного опыта и отражающих его процессов мышления, общностью, однотипностью отдельных форм видения мира у самых разных народов, в том числе и народов, не имеющих между собой никаких языковых контактов" (Солодуб, 1982, с. 108). Вместе с тем рассматриваемые нами языки принадлежат к европейскому ареалу, и единство многих процессов в природе и общественной жизни отражается и во фразеологии.

Вопрос об этой группе, хотя и не входит в круг рассматриваемых нами, все таки важен, ибо во многих случаях грань между заимствованием и независимым параллельным развитием трудно уловима.

Большинство ФЕ базируется на метафоре, метонимии и других тропах, т.е. механизм рождения ФЕ во всех языках универсален. Фразеология представляет собой лингвистическую универсалию. Вместе в тем большинство ФЕ - мотивированы (хотя и мотивированность в синхронном плане может быть утрачена). Таким образом, совпадение экстралингвистических стимулов, лежащих в основе ФЕ, ведет к совпадению самих ФЕ. Множество ФЕ, например, связаны с телом человека, где такие компоненты, как "глаз", "рука", "голова" являются семантическими стержнями (Солодухо, 1984, с. 20) фразеологических гнезд. Вообще представляется, что группа соматических ФЕ является одной из самых старых, и число межъязыковых эквивалентов в ней весьма значительно:

nokārt galvu	лат.
hang (down) one's head	англ.
den Kopf hängen lassen	нем.
baissier le tête	франц.
вешать голову	русск.

Много параллелей в ФЕ тематических групп животных, домашних работ, терминологии ухода, природы.

Эта тенденция особенно касается компаративных ФЕ, например:

balts kā sniegs	tarkšķēt kā žagatai
white as snow	chatter like a magpie
weiss wie Schnee	schwätzen wie eine Elster
blanc comme neige	bevarder comme une pie
белый, как снег	трещать, как сорока

Межъязыковой параллелизм, таким образом, объясняется во-первых, общечеловеческими характером логико-мыслительных ассоциаций, во-вторых, универсальными лингвистическими свойствами фразеологии и в-третьих, близкими жизненными и природными условиями.

Эти межъязыковые эквиваленты являются результатом независимого развития, т.е. они национальны по своему происхождению.

2.1. Исконно латышская фразеология

Фразеология исконного происхождения формировалась из нескольких источников. А. Озолс (1967, с. 452) указывает, что ее источниками являются фольклор и разговорный язык. В качестве первого рассмотрим латышские народные песни (даины), Они представляют собой памятник древне-латышской литературы и, следовательно, фразеологический состав их следует считать исконным. Однако, необходимо отметить, что вопрос о фразеологизмах в народных песнях неоднозначен. Во-первых, язык народных песен специфичен и судить на его

основании о древнейшей фразеологии латышского языка было бы не-объективно. Во-вторых, в народных песнях фразеологический матери-ал в современном понимании вообще представлен крайне скудно.

В народных песнях много метафорических образований, но гово-рять об их стабильности вне контекста очень трудно. На эту осо-бенность указал уже А. Озолс, подчеркнув, что фразеологическая семантика народных песен - это семантика, обусловленная контек-стом. "Окончательная семантика фразеологизмов еще не освободилась полностью от контекста и поэтому эти фразеологизмы еще не полностью самостоятельные единицы как эквиваленты слова" (Озолс, 1959, с. 235). Это высказывание нуждается в комментарии. Во-первых, фразеологизм не должен быть эквивалентом слова - это дань А.Озолса популярной теории эквивалентности. Но еще более значим вопрос о том, можем ли мы вообще говорить об обороте как о фразеологизме, если его семантика контекстуально обусловлена и сам оборот не стабилен.

Таким образом, обороты народных песен - это релятивные ФЕ и в синхронном плане довольно свободные обороты. В народных пес-нях мы видим много зародышей будущих ФЕ, например:

dieva dāvana, salds miegs, vīrs kā ozols, baltas dienas
melns dienas, sirds kust.

И если ФЕ современного языка содержит такой зародыш в народных песнях, ее можно довольно уверенно считать исконной.

Довольно скудный материал А. Озолс классифицирует по системе Виноградова: идиомы (*dieva dāvana, sirds kust*), фразеологичес-кие единства (*acis mest, dieva vārdi*), фразеологические сочетания (*darba cilvēks, sīks lops*) - но указывает на специ-фические черты - широкое распространение фразеологических сравне-ний (*vīrs kā ozols*) и традиционных уплотнений, которые в

отсутствие абстрактных синонимов обозначают разные понятия (*tēvs-māmiņa* - родители, *krievi-leiši* - инородцы, *puīši* - meitas-молодежь). В общих чертах можно сказать, что обороты фразеологического типа в результате полисемии слов, абстрагируясь, теряли свое конкретное значение.

Вторым источником исконных фразеологизмов является разговорный язык. Источник этот теоретически неоспоримый, а практически трудно прослеживаемый, так как состояние разговорной фразеологии в 17 - 18 вв. практически не отражено в письменных источниках.

В словарях разговорной фразеологической материал (как и фразеология вообще) представлен скудно, например: в словаре Д. Манцеля, (1638) -

tikai āda un kauli (236); ne mana cūka, ne mana druva (252)
visas iekšas apgrīžas (216); kurš putns agri ceļas, agri slauka deguntiņu (267)

в книге Г. Стендера "Augstas gudrības grāmata. (1796) -

muti aizbāzt (40),
skādi darīt (21);

в немецко-латышском словаре (1782) -

nezināt kur dēties (983),
staigāt tēva pēdās (2);

в словаре Г. Бергмана (1806) -

postā iet (134);

в словаре Г. Стендера "Lettische Lexikon" (1789) -

svilpo nu vecais (267)
dzerama nauda (176),
apakš otra kājām būt (135),

В 19 веке фразеологизмы в периодике и литературе богаче отражены, чем в словарях.

Таким образом, можно согласиться с утверждениями об источниках исконной фразеологии в принципе, но практическое определение разговорных ФЕ и выяснение их происхождения представляется очень трудным и во многих случаях невозможным.

Помимо двух групп, указанных А. Озолсом, имеются еще некоторые источники исконной фразеологии.

Существует группа ФЕ, которая основывается на названиях и персонажах наиболее популярных произведений латышской литературы. Отметим, что таких фразеологизмов в латышском языке не очень много (для сравнения отметим, что из произведений Шекспира в английский язык вошло более 100 ФЕ). Эти застывшие формы имеют разную степень употребления. Многие ФЕ укоренились в языке, например:

atraitnes dēls (В.Плудонс), savs kaktiņš, savs stūrītis zemes (Я. Пурапуке), melnais brunīnieks (А. Пумпур, Я.Райнис), kailā dzīvība (А. Упит), purva bridējs (Р. Блауман), gaismas pils (Аусеклис) trešais tēva dēls (сказочный мотив).
Jau tā nav pietiekami daudz to ļoti zinātkāro, augšuptiecīgo atraitnes dēlu. (Pad. Jaunatne, 5.9.1987). Nabaga atraitnes dēls paša spēkiem beidz vidusskolu, izmācās par arhitektu, uzceļ greznu blokēku, apprec skaistu un gudru namsaimnieka meitu. (Daugava, 1939,8,780.lpp). Laicens te dzied slavas dziesmu Latvijas ražai, ko latvju zemnieks ievācis, mīlēdams un kopdams savu kaktiņu un savu stūrīti zemes. (Burtnieks, 1935,II,695.lpp) Ar steigu vien tie dzīrās celt jaunu skolu, gaismas pili ... (K.Ieviņš. Putras Dauķis, 2.R.,1985, 210.lpp)

Употребляемость других оборотов ограничена, т.е. они еще не установились в языке как самостоятельные единицы. Эти единицы можно считать хорошо известными литературными аллюзиями с признаками ФЕ,

например:

mūžības skartie (А. Чак) zelta zirgs (Я. Райнис),
salna pavasari (Р. Блауман), pērļu zvejnieks (Я. Порук),
Dullais Dauka (Судрабу Эджус), putni bez spārniem (В. Лацис).
Lai neatlaidība, darbs, intelektuālais un estētiskais stip-
rums ir mūsu "Daugavas" zelta zirgs, kāpjot futbola stikla
kalnā. (Sports, 9.I2.1986).

Vai "Daugava" arī trešo sezonu pēc kārtas spēs kāpt pirmās
līgas stikla kalnā? (Sports, 19.II.1986).

Katram ir savs stikla kalns, kurā jāuzkāpj. Un ne jau prin-
ceses dēļ.) (Padomju Jaunatne, 9.4.1986).

Ja nu Jānis bērnībā nebija nekas cits kā tāds dvēseļu
Dullais Dauka. (Māksla, 1987, 3,30. lpp).

Практически все эти литературные ФЕ укоренились в языке лишь
в 20 веке.

Существует группа ФЕ, которые связаны с историей латышского
народа, его культурой, реалиями:

kalendāru nemieri, līst kā pa Jāņiem, Kurzemes katls, baltā
māja, stūra māja, dziesmu karš, например:

Tiešām amizanti ir pieremt, ka "baltā" vai pat "stūra māja"
pati būtu inscenējusi LTF varbūtējo pagriezienu uz pilnīgu
Latvijas neatkarību! (Atmoda, 2.I0.1989).

ФЕ dziesmu karš берет свое начало уже в 1873 г. в связи с
первым Латышским праздником песни:

To tagad pierāda vislabākie dziedātāju kori, kas pēc goda
mantojumiem lielajā "dziesmu karā" vēl aizvien dodas "karā",
dziesmu bruņās metušies. (Auseklis. Izlase, 1955. 185.lpp).

А оборот kalendāru nemieri в прямом смысле означает на-
родные волнения в Риге в 1584 - 1589 гг. в связи с введением ново-
го календаря. Этот оборот стал обозначать любое волнение народа, свя-

занное с той или иной исторической датой:

Iespējams, ka sabiedrība ir nostiprinājusies savi stereotipi...kas īpaši paspilgtinājusies aizvadīto gadu "kalendaru nemieru" laikā. (PJ, 24.2.1989).

2.2. Заимствованная фразеология

Заимствованная фразеология является результатом влияния других языков на латышский.

Заимствование ФЕ – это один из путей обновления фразеологического фонда языка. Вообще образование новых единиц возможно или за счет внутренних ресурсов языка (структурным или семантическим путем), или за счет заимствования из других языков. Так, заимствование ФЕ является нормальным процессом и показателем развития фразеологического фонда языка, свидетельством его жизнеспособности, отражающим динамику языка под внешним влиянием, а непрерывное изменение языка – это первое условие его существования (Косериу, 1963).

Заимствование обогащает значимую сторону языка-рецептора, расширяет стилистический диапазон языка, внедряет в язык образы, символы и реалии других языков, таким образом расширяя национальные границы языка.

Латышский язык заимствовал множество ФЕ в разные периоды своего развития и из разных языков.

Хотя доля заимствованной фразеологии не составляет очень большой части фразеологического запаса языка, однако положение меняется когда мы рассматриваем ФЕ в конкретном текстовом употреблении, т.е. если мы изучаем частотность использования. Исследования показывают, что в этом случае удельный вес заимствованной фразеологии резко возрастает, составляя примерно 50%, а в газетно-публицис-

тических материалах достигает даже 70%, т.е. заимствованная фразеология (особенно интернационализмы) обладает большей фреквентностью, она более популярна. Так, в газетно-публицистических материалах 70 - 80 гг. наблюдается следующее положение (подсчет велся на основе примерно 2000 употреблений ФЕ):

исконная фразеология - 32%,

заимствованная фразеология - 68%,

интернационализмы - 52%.

Интернациональные фразеологизмы составляют 76% заимствованной фразеологии.

3. Контакты латышского языка

3.1. Основные понятия

Тенденция роста контактов между народами, взаимодействия языков носит вырастающий характер, что выдвигает задачу изучения ее особенностей.

Проблема языковых контактов включает множество вопросов лингвистического, социального, этнографического, психологического и исторического характера. Она прямо связана с историей и культурой народа, его историческими и культурными контактами. С лингвистической точки зрения она тесно связана с такими понятиями, как двуязычие в его разных формах, интерференция, конвергенция и т.д.

Сам термин "языковые контакты", предложенный А. Мартине и введенный в широкое употребление У. Вейнрейхом (Weinreich, 1953, p. 148), различными авторами интерпретируется по-разному (Вейнрейх, 1972; Розенцвейг, 1972; Жлуктенко, 1974; Аристова, 1979; Журавлев, 1982; Greenberg, 1971; Haugen, 1972; Appel, 1987; Behiste, 1988).

Это объясняется, по нашему мнению, смешением, противопоставлением или игнорированием двух форм языковых контактов, а именно - этнической и культурной. Разные классификации и виды языковых контактов подробно проанализированы Д.А. Жлуктенко (1974), поэтому мы не будем специально останавливаться на этом.

Под языковым контактом обычно понимают речевое общение между двумя языковыми коллективами (Розенцвейг, 1972, с. 3; Семенова Л.Н., 1975, с. 109). Несомненно, что такие этнические контакты, возникающие на территории или стыке территорий расселения народов, приводят к широкому обмену языковым материалом, к интерференции в условиях обширного двуязычия (как, например, латышско-русское двуязычие) (Семенова, 1973; Блинкена, 1984).

Вместе с тем заимствование, представляя собой явление социальное, в основе своей является индивидуальным. Процесс этот протекает в каждом отдельном двуязычном носителе (по крайней мере на начальном этапе), поскольку, как указывал Э. Хауген (1972, р.344), "каждое заимствование по-видимому, делается сначала каким-то одним человеком, а затем перенимается и повторяется многими другими".

Как метко отметил Г.В. Степанов (1976, с. 74), контактируют не системы и структуры, а их носители, так как именно носитель-билингв или коллектив билингвов – тот общий член (Журавлев, 1982, с. 161) двуязычия, который способен объединить тот или иной языковой материал двух и более языков в рамках одного языка в сфере речи.

Этот индивидуальный характер заимствования способствует и второму виду заимствования, основанному не на этнических контактах, а на культурных, экономических и политических связях между народами. Эти связи между странами могут быть как при этническом контакте, так и в отсутствие прямого географического соприкосновения, когда носителями двух (или более) языков являются отдельные лица.

Таким образом, под языковым контактом мы понимаем совокупность лингвистических и экстралингвистических явлений, происходящих при этническом или культурном соприкосновении народов и их языков.

Заимствование в результате языковых контактов может происходить как в прямом виде, т.е. когда один язык заимствует материал из другого, так и косвенно, при посредничестве другого языка.

Как уже было отмечено, проблема языковых контактов тесно связана с двуязычием.

Под билингвизмом (полилингвизмом) мы понимаем знание двух (или более) языков и использование их (или их элементов) в речи.

И билингвизм может иметь две формы – массовый (обычно при этническом соприкосновении с другим народом) и индивидуальный (групповой) (обычно при культурном соприкосновении с языком другого народа).

Есть лингвисты предлагающие другие определения для того же явления, например, различающие искусственный и естественный билингвизм (Карлинский, 1980, с. 10).

Всякое заимствование начинается с интерференции.

Интерференция трактуется нами как процесс отклонения от нормы в результате языкового контакта, обуславливающий изменения в структуре, значении, свойствах в составе единицы. Во фразеологии это обычно проявляется либо как появление новых ФЕ иноязычного происхождения, которые восполняет номинативный вакуум в языке, либо как появление новых ФЕ, которые являются параллельными уже существующим в языке единицам (что не всегда желательно), либо как замена элементов в уже существующих ФЕ под "натиском" иностранного языка, например:

Es neskraidu pa ielām, nedauzu spuldzes, neaizdzenu moskvi-
cīšus, nedodu kādam pa feisu (Cīņa, 16.5.1985).

Pagājušā nedēļā tepat parkā vienam sadevām pa feisu
(Liesma, 1986, II).

Английский компонент "face" – "feiss" (варваризм) вытеснил в указанных примерах латышский компонент в просторечной ФЕ – "sadot pa purnu".

Как правило, интерференция – речевое явление, т.е. она носит окказиональный характер, и вышеуказанный пример как заимствование не является нормой для латышского языка. Тем не менее она сви-

детельствует о натиске английского языка в настоящее время. Интерференция – процесс объективный при языковом контакте.

Как отмечает В.М. Аристова (1980, с.8), заимствование происходит на уровне первичных элементов, т.е. элементов, способных к самостоятельному перемещению из языка в язык. ФЕ полностью можно считать первичным элементом, ибо они представляют собой целостные единицы, хотя и раздельнооформленные (о чем наглядно свидетельствуют вышеупомянутые примеры интерференции). ФЕ заимствуются в целом виде, т.е. единицей заимствования является значение.

И наконец рассмотрим конвергенцию языков. В результате заимствования проявляется тенденция сближения фразеологических фондов разных языков. Тем не менее говорить о гибридизации или смешении фразеологии (Thomason , 1988) в случае латышского языка невозможно.

3.2. Языковые контакты

Уже в 1886 г. Г. Пауль (Paul) отметил, что заимствование из одного языка в другой основывается на каком-то минимальном двуязычии людей. Для серьезного заимствования до новейших времен фактор обширного двуязычия представляется необходимым.

Мы различаем этнические и культурные контакты. Этнические контакты иногда называются контактными взаимодействием языков или проксимальными контактами.

Этнические контакты ведут к сближению языковых систем, что выражается в нарастании параллельных языковых элементов всех или нескольких уровней; обычно затрагиваются фонетический, лексический, фразеологический, семантический, а в случае продолжительных контактов – и морфологический, и синтаксический уровни. Этнические контакты латышского языка являются довольно развитыми и в первую очередь

с такими языками, как немецкий и русский, а в историческом долгосрочном аспекте и с шведским, польским, литовским, финно-угорскими языками, хотя последние, если иметь в виду фразеологию, в большой мере гипотетические, так как предшествуют развитой письменности.

Историческая ситуация латышского языка и контакты рассмотрены ниже. Здесь охарактеризуем лишь его доминирующие этнические контакты. В исторических условиях, сложившихся в Латвии уже с 17-18 вв., часть населения была вовлечена в латышско-немецкое двуязычие. Начиная с 19 века к немецкому присоединился и русский язык. Таким образом, в период формирования национального языка в более образованных кругах и в городах существовало триязычие, люди довольно свободно пользовались латышским, немецким и русским языками. Через два последних языка происходило и большинство заимствований, и это триязычие с 19 века можно охарактеризовать как коллективное. В некоторой степени уже в 30-е годы 20 века и особенно после второй мировой войны немецкий язык потерял свои позиции, и начиная с 50-х годов можно говорить о латышско-русском двуязычии, причем нарастающим и в некоторой степени уже опасным для латышского языка.

Отметим, что при этнических контактах довольно трудно определить время появления того или иного заимствованного элемента в языке, ибо заимствование почти всегда сперва закрепляется в разговорном (устном) языке и только после этого появляется в письменном языке. К тому же элементы, заимствованные в результате этнического контакта, более тяготеют к разговорному, чем к литературному языку.

Этнические контакты латышского языка почти всегда были внутрорегиональными. Маргинальные контакты на стыке двух народов имели

небольшое значение в обогащении фразеологического фонда.

Помимо этнических контактов языковые единицы из одного языка могут проникать в другой (главным образом в письменном виде) в результате культурных, экономических и других связей разноязычных народов, не имеющих территориальной близости. Дистантное взаимодействие возникает между языками при отсутствии какого бы то ни было непосредственного контакта их носителей и двуязычия (по другой терминологии - дистантные, дистальные (Бертагаев, 1972, с. 83). На такое явление указывал еще О. Есперсен (Jespersen, 1925, с. 192): "Наиболее глубокие языковые смещения объясняются не столько смещением народов, сколько регулярными контактами в области культуры".

Именно культурные контакты латышского языка приобретают все большее значение в 19-20 вв., что обусловлено возросшими возможностями международных культурных, политических, туристических и других связей, а также ростом знания среди латышей иностранных языков. Чем больше контактов народ имеет с другими народами, тем сильнее языковые контакты и тем больше язык заимствует из других языков (если нет особого противодействия).

Мы считаем, что регулярные контакты в области культурной жизни, в ее самом широком понимании, обуславливают взаимодействие языков при отсутствии их прямого соприкосновения. Эти контакты осуществляются, в первую очередь, через печатное слово - в 19-20 вв. - через газеты, журналы, книги. Определенную роль в наши дни играют и такие средства массовой информации, как радио и телевидение. В этих сферах очень большое значение имеет перевод. Переводчик (в самом широком смысле слова - переводчик художественной и научной литературы, политический обозреватель,

черпающий информацию из иностранных источников, и т.д.) осуществляет контакт двух (или более) языков, попеременно используя их, даже если способ, каким он "пользуется", является несколько специфичным (Мунен, 1978, с. 37).

Ясно, что язык, с которого сделан перевод, в какой-то мере неизбежно влияет на язык перевода. Это может затрагивать сферы фонетики, грамматики, но в самом большом масштабе отражаться в лексике и фразеологии. Если интерференцию в сфере фонетики и, особенно, грамматики во многих случаях можно считать результатом некачественного перевода, то инновации в сфере лексики и фразеологии в какой-то мере неизбежны.

Как указывал И. Кашкин, "переводная книга часто обогащает язык родной литературы новыми понятиями" (1977, с. 457). По нашему мнению, именно переводная литература обогащает язык не только новыми для данного языка понятиями, но и уже готовыми, отражающими эти понятия ФЕ, поскольку отсутствие в языке перевода понятия, выраженного ФЕ, требует создания новой ФЕ, так как это понятие не всегда можно передать или достаточно полно передать словом или свободным словосочетанием. Последнее часто сопровождается исчезновением образности, меткости, стилистической окраски, что, конечно, нежелательно.

Спрашивается, может ли вообще небольшое число людей, активно вовлеченных в культурное двуязычие, серьезно влиять на язык? Такому влиянию способствует ряд факторов: во-первых, переводчики, как правило, связаны с сферой массовой информации; во-вторых, переданные ими новшества, их речевые особенности часто являются объектом подражания; в-третьих, довольно высокий уровень знания иностранных языков вследствие исторических условий тоже способствует ассимиляции нововведений. В результате этого языковые контакты из индивидуальных превращаются в групповые, хотя и дистант-

ные.

Своего рода классическим примером культурных контактов является Библия. Она и была первым наиболее важным источником заимствования ФЕ, обогатившим латышский язык материалом древнееврейского и греческого языков. Хотя перевод был осуществлен 300 лет назад и социальная ситуация была совсем иной, Библия была самым массовым изданием, язык Библии является своего рода эталоном для священников, которые популяризировали его в массах. Конечно, многие библейские единицы заимствованы, наверно, из немецкого и русского языков вследствие дальнейших культурных, а в иных случаях и этнических контактов, по крайней мере эти языки содействовали заимствованию.

Латышский язык имел также культурные контакты со всеми основными языками Европы, главным образом через переводы с них, обучение в школах (английский, французский). Культурные контакты осуществлялись также с языками, с которыми латышский был в этническом контакте. Эти же языки в большой мере были языками-посредниками (в начальном периоде развития латышского языка) и языками, содействующими заимствованию, так как довольно стабильный фонд фразеологических интернационализмов, вошедший в эти языки, крайне стимулировал заимствование этих же ФЕ в латышском языке.

Мы различаем прямые и косвенные контакты латышского языка. Языки, с которыми латышский язык был в этническом контакте, имели прямые контакты с латышским языком. Конечно, теоретически допустимо, что отдельные ФЕ из языка, этнически контактирующего с латышским, заимствуются из другого языка, т.е. косвенным путем, однако это не систематическое явление, а скорее курьез, исключение, которое подтверждает закон.

Язык, с которым латышский язык имеет культурные контакты, может обогатить латышский язык новыми ФЕ в результате как прямых

так и косвенных контактов. Так, например, англо-латышские языковые контакты всегда были почти исключительно культурными, в 19 веке они были косвенными (при посредничестве русского и немецкого языков), но в 20-30-е годы 20 века они помимо косвенных становились и прямыми. И в наши дни они частично прямые, частично косвенные (через посредничество русского языка). Косвенные контакты могут быть еще сложнее. Так, контакт с греческим языком был преимущественно многоступенчатым: греческий - латинский - немецкий или русский - латышский. В роли посредников выступали главным образом немецкий и русский языки, причем немецкий доминировал в этой роли до 20 века, а русский полностью перенял функции языка-посредника после второй мировой войны. В настоящее время языком-посредником выступает практически лишь русский, в малой степени - английский.

Контакты латышского языка в основном были односторонними, т.е. латышский язык заимствовал, но не давал своего фразеологического материала другим языкам. По крайней мере это характерно для 19-20 вв. Языковые контакты латышского языка большей частью были перманентными (или постоянными, длительными), что объясняется довольно постоянными контакт-языками.

4. Заимствование фразеологизмов, его способы

Приступая к анализу заимствованной фразеологии, лингвист сталкивается с серьезной терминологической проблемой. Хотя заимствованная фразеология уже значительное время является объектом исследования, в вопросах терминологии и даже в самых понятиях наблюдается большая путаница и разнобой. Взгляды на процессы заимствования весьма противоречивы, о чем свидетельствуют работы многих авторов.

Между тем без разработки конкретных концепций невозможен серьезный анализ заимствованной фразеологии.

Суть проблемы состоит в определении содержания и соотношения таких терминов, как фразеологическое заимствование, собственно заимствование, полужаимствование, перевод и т.д. Этими терминами в разных комбинациях оперируют как зарубежные, так и советские авторы, которые прямо или косвенно затрагивают фразеологию в условиях языковых контактов и билингвизма (Флекенштейн, 1963; Пономаренко, 1965; Вейнрейх, 1972; Hristea, 1968; и др.). Сама природа языкового контакта предполагает в числе других процессов наличие этих явлений.

В этой связи нам представляется целесообразным рассмотреть развитие основ теории фразеологического заимствования, ее основные характеристики, точки опоры, последовательность исследований.

Уже в 19 в. Ф. Миклошич писал, что фразеология европейских языков вытесняет число славянские фразы, и народы Европы, так сказать, приобретают общую идиоматику. Этот процесс он назвал "неоевропеизмом" (Miklosich, 1865).

Автор уловил процесс интернационализации фразеологии по-

средством заимствования, и сегодня несомненно можно говорить не только о всеевропейской фразеологии, но и о всемирном фонде, так как она испытывает американское влияние. Это явление более чем через 100 лет отметил венгерский лингвист С. Дечи (Deszy, 1973), характеризуя интернациональную фразеологию как культурный слой Европы.

Свою лепту в развитие практической фразеологии внес немецкий ученый Г. Бухман, который в 1864 году выпустил сборник заимствованных в немецком языке фразеологизмов под названием "Крылатые слова". Такого рода практические исследования фонда заимствованной фразеологии продолжают до сих пор и развиваются как за рубежом (Geflügelte Worte, 1985; Morris, 1972; Brewer's, 1968) так и в СССР (Ашукин, 1987).

Теория и терминология заимствованной фразеологии были далее исследованы К. Санфельдом-Енсенем (Sandfeld-Jensen , 1912), который различает между такими понятиями, как свободная, неологическая калька, собственно калька, полукалька.

В 1915 году выходит в свет фундаментальная работа Ф. де Соссюра (de Saussure , 1955), в которой автор останавливается на проблеме кальк, полукальк, и кальк-неологизмов.

Для теории фразеологического заимствования важной является работа Б.О. Унбегауна (Unbegaun , 1932), который различает понятия калька (calque), семантическая калька (calque sémantique) и фразеологическая калька (calque phraseologique). Унбегаун также выделяет кальки, заимствованные образованными людьми (речь фактически идет о культурных языковых контактах, и кальки, заимствованные народами (результат массового билингвизма). Он противопоставляет понятия "структурная калька" и "семантическая калька". Автор первым отмечает, что тенденция фразеологи-

зации (*decalquage*) при заимствовании в славянских языках сильнее, чем в латинском и неолатинских языках, и меньше проявляется в германских языках, где предпочтение отдается переводу путем использования деривата или сложного слова. (Наши наблюдения показали, что последнее неточно).

Таким образом, Унбегаун выделил несколько очень важных проблем - соприкосновение фразеологии и лексики, заимствование литературное и массовое, соотношение этих понятий и т.д.

Теоретические результаты Унбегауна получили дальнейшее развитие в работе В. Бетца (*Betz* , 1936). Он выделяет несколько понятий процесса заимствования - *Lehnwort* (заимствованное слово), *Lehnbedeutung* (семантическая калька), *Lehnbildung* (не точный перевод части сложного слова), *Lehnschöpfung* (трудно классифицируемое понятие, еще дальше уходящее от оригинала) и наконец *Lehnübersetzung* (калька). В этой работе практически не затронуты проблемы фразеологического заимствования.

Ш. Балли (*Vally* , 1950), рассматривая франко-немецкие языковые контакты, приходит к тем же заключениям, что и Унбегаун. Он полагает, что имеются различия в разных языках насчет возможностей сложносочинения и фразеологизации. Балли также подразумевает под калькой и слова и выражения, не дифференцируя их.

В другой работе (Балли, 1961) Балли пишет, что при переводе с одного языка на другой калька используется, повидимому, чаще, чем заимствование, в тех случаях, когда необходимо передать общие идеи, абстрактные понятия, чувства. Автор подчеркивает, что идиоматические выражения, обороты, состоящие из нескольких слов, переходят из одного языка в другой почти всегда в

виде кальки. Очень важна мысль Балли о том, что было бы ошибкой слишком четко разграничивать заимствование и кальку - они различаются по форме, но почти не различаются по происхождению и по своим основным свойствам, они вызваны в жизнь одной и той же причиной и играют одинаковую роль в пополнении словаря. Важно и мнение Балли на счет того, что кальки не лучше и не хуже заимствований и в той же степени заслуживают (или не заслуживают) нападок пуристов, и что происхождение и современное употребление - разные вещи.

К. Шуман (Schumann, 1958) развивая терминологию Бетца, выделяет 7 типов калек (Lehnprägung): калька (Lehnübersetzung), калька-метонимия (Lehnübertragung), семантическая калька (Lehnbedeutung), калька-оборот (Lehnwendung), синтаксическая калька (Lehnsyntax), полукалька (Teillehnwort) и очень специфический тип - калька-дополнение (Lehngliedzusatz), что представляет собой расширение кальки.

Р. Зетт (Zett, 1970) классифицирует все кальки (Lehnprägungen) по 7 типам, как бы вобрав в свою систему все предыдущие. Как правило, последние лингвисты практически не отделяют фразеологические и лексические кальки.

И наконец Н. Молнар (Molnar, 1985) на историческом материале дает на сегодняшний день самую исчерпывающую классификацию калек в зарубежной лингвистике. Он рассматривает термин "калька" как общее обозначение, включающие в себя все другие типы заимствования, которые были обозначены Бетцом термином "Lehnprägung". Итак, понятие кальки, по Н. Молнару, исключает собственно заимствования и иноязычные слова, а включает реальную структуральную кальку, полукальку, кальку-неологизм,

семантическую кальку, фразеологическую кальку, синтаксическую кальку и феноменологическую кальку - параллельный оборот, у которого нет точного соответствия в исходном языке. По Молнару представляется, что лишь последние 3 типа могут быть выше уровня лексем.

В статье Т. Уэйд (Wade, 1980) детально рассмотрен вопрос о заимствовании и калькировании, причем много внимания уделено фразеологическому заимствованию. Автор ввел новый термин - косвенное заимствование (indirect loan), который распространяется на все типы калькирования, причем, к уже проанализированным типам автор прибавляет новые - кальку-сокращение и псевдо-кальку, во многом напоминающую феноменологическую кальку Молнара. Теоретические выводы обусловлены практическим материалом немецкого и русского языков в диахроническом и синхронном аспектах. Автор также рассматривает влияние языкового пуризма в связи с заимствованием и калькированием.

Э. Хауген в своих многочисленных работах (Haugen, 1950, 1966, 1972) выходит из теории смешивания языков (Sprachmischung), выдвинутой Г. Паулем (Paul, 1937). Эту особенность обуславливает тот факт, что Хауген исследует материал неанглийских народов, попавших в американские условия, т.е. довольно специфическую ситуацию. Хотя в ранних и поздних работах и имеются вариации и различия, но главные типы заимствования остаются теми же - заимствование (loanword) и заимствование-перенос (loanshift), причем первые, как правило, слова, которые далее подразделяются на чистые заимствования и смешанные заимствования, а заимствование-перенос подразделяется на семантические кальки (extensions) и кальки-создания (creations) - образования, в которых слова и морфемы подвергнуты реоргани-

зации с целью соответствия образцу (модели) другого языка. Хауген разделяет также заимствования, на те, которые нужны, и те, которые заклеены пуристами как ненужные.

Интересна также мысль автора, что если соответствующее слово в языке-рецепторе похоже по звуку на исходный элемент, то обычно перенимается значение слова, а если нет, то заимствуется новое слово. Этот вопрос далее будет рассмотрен детально.

Р. Экерт (Eckert, 1987) в своих исследованиях в области исторической фразеологии затрагивает вопрос разграничения заимствованной фразеологии и фразеологии параллельного развития, а также семантической эволюции фразеологии.

Б. Карстенсен (Carstensen, 1979) подразделяет воздействие одного языка на другой на очевидное и скрытое. Под очевидным влиянием имеется в виду заимствование слов и фраз в неизменном виде или с незначительными изменениями, как в форме морфем, так и в виде слов и выражений. Под скрытым влиянием понимаются кальки (Lohnübersetzung), полукальки (Lehnübertragung, Teillehnübersetzung) и кальки-создания (Lehnschöpfung), синтаксические кальки (Lehnsyntax) и заимствованный оборот (Lehnwendung), причем фразеологическое заимствование может быть включено не только в последнюю группу но и в вышеупомянутые, что представляется нецелесообразным с точки зрения классификации.

Р. Глезер (Glaser, 1986) в своей объемной книге "Фразеология английского языка", которая является как бы собранием всех работ этого автора, не обращает специального внимания на заимствование. Она употребляет термин *Lehnübersetzung* (калька), но более детально вопросы заимствования не рассматривает. Заимствования из других языков в неизменном виде обозна-

чены термином " foreign " и характеризуются как бы употреблением только в письменном виде или в специальности. Интересно, что эта группа рассматривается лишь в стилистическом аспекте как стилистически повышенный тип.

В Советском Союзе теоретические исследования по проблемам заимствования ФЕ появились лишь в 50-60-е годы, причем главное внимание уделялось вопросам калькирования (Шанский, 1955; Ефремов, 1960; Флекенштейн, 1963; Пономаренко, 1965). Кальки обычно противопоставлялись заимствованиям, а нетранслитерированные ФЕ в поле научного интереса попали еще позднее (Бабкин, 1966; Князева, 1970). В 70-80-е годы появился ряд работ, охватывающих большой круг вопросов (Пономаренко, 1978; Солодухо, 1977, 1982). Теоретически советская школа в принципе базируется на основных выводах зарубежных исследований. Как правило, много места отводится проблемам классификации и разграничения типов заимствованных ФЕ. Поэтому более детально основные взгляды будут отражены в ходе рассмотрения самих понятий.

Итак, первым и наиболее важным вопросом в настоящей работе является само понятие "фразеологическое заимствование" (как процесс и как результат) или заимствование ФЕ (как процесс). Нам представляется, что этот термин, являясь обширным, охватывает все типы ФЕ иноязычного происхождения, а также все способы заимствования из других языков. Такая концепция фразеологического заимствования предполагает, что все остальные виды заимствования ФЕ являются его частными случаями или способами заимствования. Итак, фразеологическое заимствование - это ФЕ, образованная на основе полного или частичного материального заимствования иноязычного прототипа либо построенная собствен-

ным словарным материалом по иноязычной модели или на основе иноязычной мотивировки, и образуя новое структурно-семантическое целое. Фразеологическое заимствование охватывает все способы и типы заимствования.

При такой постановке проблемы встает вопрос о соотносительности понятий фразеологического заимствования и фразеологической кальки.

Некоторые лингвисты включают кальку в сферу заимствования как частный случай, другие же рассматривают ее как промежуточную форму между исконными и заимствованными элементами (Матвеев, 1966, с.213-214).

Такой взгляд обусловлен тем, что хотя в диахроническом плане фразеологическая калька представляет собой заимствование, но в синхроническом плане она существует как элемент родного языка и ее иноязычная природа не часто ощущается, так как полная калька состоит из исконных элементов языка-рецептора. Это имеет в виду Л.А. Пономаренко (1978, с.29), называя кальки гетерогенными образованиями. Вместе с тем существует противоположное мнение, отрицающее какую-либо связь между такими понятиями, как калька и заимствованная ФЕ. "При калькировании не заимствуется и даже не учитывается материальная (звуковая) оболочка иноязычного слова, не заимствуется также его вещественное значение, как это происходит при усвоении иноязычного звукового комплекса в единстве с выражаемым им содержанием". Именно это, по мнению Л.П. Ефремова и составляет отличительную сторону калькирования как особого лингвистического явления и не позволяет рассматривать его как разновидность заимствования (Ефремов, 1961, с. 117; 1960, с.16; 1974, с.29). Аналогичного мнения придерживается Н.М. Шанский (1969, с.134-135) и И.О. Наумова

(1982, с. II3-II4) которая аргументирует его тем, что "иноязычное происхождение фразеологических калек совершенно не чувствуется".

Мы не можем согласиться с такой точкой зрения по следующим соображениям:

во-первых, и кальки, и другие заимствования являются иноязычными по происхождению. Принцип заимствования присутствует в обоих случаях, только в первом случае он выражается в заимствовании модели ФЕ, ее формы и семантики (как это показал Месамед, 1984, с. 17), а во втором - в заимствовании иноязычных лексем;

во-вторых, калькирование не является чисто механическим актом перевода. При калькировании часто происходит освоение и употребление нового значения по аналогии со значением из другого языка;

в-третьих, то, что иноязычное происхождение фразеологических калек, якобы, "совершенно не чувствуется" (что нам представляется не всегда верным), еще не дает основания исключать его. По аналогии можно было бы сказать, что совершенно не чувствуется и иноязычное происхождение многих слов, но из-за этого они не перестают быть заимствованными;

в-четвертых, отрицая связь между калькой и заимствованием, трудно объяснить сущность полукальки, которая в таком случае будет полужаимствованием, полуйсконным творением. С нашей точки зрения, полукалька - это комбинированный тип заимствования;

в-пятых, такой подход исключает возможность семантического заимствования, а семантика - один из ярусов, элементы которого могут перемещаться из одного языка в другой (Крысин, 1965, с. 108-109), и вспомним высказывание Ш. Балли, приведен-

ное выше, о мотивировке и функциях кальки и заимствования.

Итак, фразеологическое калькирование – это заимствование ФЕ путем точной или измененной передачи модели (структуры и лексических значений) иноязычного прототипа средствами заимствующего языка, например, английское flower children – латышское puķu bērni, латинское tertium non datur – латышское trešais nav dots.

Фразеологическое калькирование – один из способов фразеологического заимствования.

Таким же спорным является вопрос о соотношении перевода, калькирования и заимствования.

Общеизвестно, что при необходимости перевода ФЕ переводчик может сделать выбор между несколькими возможностями – подискать эквивалентную или аналогичную ФЕ в языке перевода, перевести ФЕ дескриптивно, калькировать ФЕ (Рецкер, 1974, с.161; Крупнов, 1976, с.112-135; Влахов, Флорин, 1980, с.183). Таким образом, калькирование является одним из видов перевода ФЕ.

Однако нельзя смешивать калькирование как процесс при переводе и калькирование как способ заимствования ФЕ. Хотя первое иногда и может привести ко второму, отождествлять эти процессы нельзя (Алтайбаева, 1983, с.25). На различия между ними указывает также Д.С.Сорокин: "При буквальном переводе мы имеем дело с простым сопоставлением в речи единиц одного языка с единицами другого языка, а при калькировании речь идет о появлении новых, постоянных единиц в одном языке под влиянием другого" (1965, с.164).

Категория устойчивости отсутствует в ФЕ при переводном калькировании, так как это процесс речевой, то есть индивидуальный. Не исключено, конечно, что калькированная единица со

временем может стать и языковой, то есть общепринятой, однако такая возможность является лишь потенциальной и чаще всего не реализуется.

Вместе с тем обозначение обоих процессов одним термином кажется неудачным, ведущим к возможной путанице, и мы предлагаем термин окказиальное калькирование, выдвинутый Р.П. Зоривчак (1976, с.13) для обозначения речевого калькирования при переводе. Таким образом мы избавляемся от полисемантичности в терминологии и отделяем фразеологическую кальку, являющуюся следствием языковой интерференции и заимствования, от фразеологической кальки - окказионализма - отдельного случая окказионального калькирования, как факта речи. Например: to be born with a silver spoon in the mouth Anglija ar sudraba karoti mutē! Zobu viņai vairs nav, lai karoti saturētu, bet nav arī gribas šķirties no tās. (Dž. Golsvertijs. Modernā komēdija. Sudraba karote. Rīgā, 1977, -70.lpp).

Другим способом заимствования является заимствование ФЕ, в ее исконной форме, т.е. беспереводное заимствование, или заимствование фразеологизмов без перевода (Назарян, 1987). Это понятие обозначается лингвистами и как заимствование с полным фонографическим сходством с оригиналом (Солодухо, 1982, с.25) и как фразеологическое собственно заимствование (Пономаренко, 1978, с.20) и как "foreign" (Gläser 1986), а в русском языке из-за разницы в орфографических системах русского и западно-европейских языков - как нетранслитерированное заимствование (Аристова, 1980, с.32), например: fair play, chercher la femme, alma mater, Sturm und Drang, last but not least, status in statu, и т.д. в их иноязычном употреблении в латышском тексте.

Так же как параллельно фразеологической кальке существует понятие окказиальной кальки, обладающей теми же свойствами, но отличающейся устойчивостью (окказиональное и узуальное явления), так и параллельно заимствованиям ФЕ в их исходной форме существует фразеологические вкрапления, т.е. факты речи, а не языка. Использование термина "вкрапление" для обозначения заимствованных ФЕ нам представляется неправильным, так как этот термин подчеркивает чужеродность (Иванов, 1985, с.71), однократность явления, а многочисленные заимствованные ФЕ этого типа имеют устойчивость всех уровней и употребляемость, намного превышающую устойчивость и употребляемость массы коренных выражений, например: *ubi bene, ibi patria, happy end, finita la comedia, tabula rasa, mens sana in corpore sano, memento mori, bel canto*

и т.д. Связь между этими понятиями та, что каждое беспереводное заимствование сперва представляло собой вкрапление в язык-рецептор, а множество вкраплений так и не стало заимствованными ФЕ, например: "Cash and carry" *karš*. (Jaunākās Ziņas, 6.3.1940); *Dž. Bušs nosauca R. Reigana ekonomisko politiku par "woodoo economics" ("šamara ekonomika")*. (Rīgas Balss, 13.10.1987).

И третьим способом фразеологического заимствования является транскрипция ФЕ. Этот способ представляет собой транскрипцию компонентов ФЕ, с небольшими отклонениями от исконного звучания, например:

Džons Bušs с английского John Bull (Джон Буль - англичанин); dons Kihots с испанского Don Quijote (донкихот - фантазер, самоотверженно борющийся за идею добра).

Параллельно существует и окказиональная транскрипция ФЕ, т.е. появляется единицы, не обладающие устойчивостью в языке-

рецепторе:

Žanna d'Arka - с французского Jeanne d'Arc (Жанна д'Арк - женщина - лидер и мученица), Džons Smits с английского John Smith - (Джон Смит - средний англичанин).

Таким образом, существуют 3 способа фразеологического заимствования:

- 1) калькирование ФЕ,
- 2) беспереводное заимствование ФЕ,
- 3) транскрипция ФЕ.

Эти три способа носят системный характер, так как охватывают все возможности фразеологического заимствования, являются взаимосвязанными и показывают степень глубины различий между оригиналом и заимствованием.

5. Типы фразеологического заимствования

Вследствие употребления трех способов заимствования ФЕ возникают 4 типа заимствованных фразеологизмов. Три из них соответствуют способам заимствования, а четвертый – комбинированный – является результатом калькирования и фразеологической транскрипции и носит название фразеологической полукальки.

Итак существует 4 типа фразеологических заимствований:

- 1) фразеологическая калька,
- 2) беспереводное заимствование,
- 3) фразеологическая транскрипция,
- 4) фразеологическая полукалька.

Как и способы заимствования, его типы демонстрируют постепенный переход от заимствования ФЕ в ее исходной форме к фразеологической кальке, которая полностью состоит из исконного языкового материала.

5.1. Фразеологические кальки

Фразеологические кальки являются основным и самым многочисленным типом фразеологических заимствований.

Как уже было указано, под фразеологической калькой мы понимаем ФЕ, возникшую в результате точной или изменной передачи модели (структуры и лексических значений) иноязычного прототипа средствами заимствованного языка. С лексической точки зрения каждому компоненту модели должен соответствовать компонент кальки. Вместе с тем суть фразеологического калькирования не состоит в подражании грамматико-синтаксической структуре модели (Палий, 1981, с.47). Именно поэтому мы предпочитаем термин "калька"

термину "буквальный перевод", который может наводить на мысль о полной тождественности кальки и ее прототипа. По тем же соображениям следует считать неудачным определение кальки как съёмки прототипа (Шанский, 1955).

Требует рассмотрения также вопрос о структуре фразеологической кальки. С одной стороны, при калькировании словосочетаний помимо значения заимствуется структура словосочетания (Логинова, 1976, с.85), с другой - возможны изменения в структуре кальки.

Такие противоречия объяснимы, если принять во внимание диалектику калькирования, а именно тот факт, что при калькировании борются две тенденции: буквальной передачи особенностей модели и приспособления к структуре языка-рецептора (что обеспечивает вхождение и закрепление данной кальки в воспринимающем языке) (Пономаренко, 1976, с. 105). В большинстве случаев превалирует вторая тенденция и грамматический, лексический строй оригинала при заимствовании разрушается, вследствие чего понятие "калька" включает возможность вариаций в структурно-семантическом воспроизведении оригинала. Возможность отличия кальки в некоторой степени от исходной ФЕ подчеркнута некоторыми лингвистами (Алексеев, 1970, с.15; Семенова, 1973, с.138). На наш взгляд, важной чертой кальки является сочетаемость элементов: "калькированные фразосочетания (языка-рецептора) получают статус новых семантических единиц в результате заимствования лексемной и семантической сочетаемости языка-источника" (Алтайбаева, 1983, с.26). Этот факт косвенно подтверждается той особенностью словообразовательного калькирования, что оно осуществляется лишь в сфере производных слов. Корневые слова, как правило, не калькируются, так как на части не разлагаются и

не представляют собой факт сочетаемости (Хегай, 1964, с. 297; Шаахмедов, 1974, с.9).

Вследствие сочетаемости элементов фразеологическая калька получает черты прототипа, а определенные вариации в структурном воспроизведении оригинала помогают лучшему внедрению кальки в язык перевода и не противоречат сущности фразеологической кальки, которая представляет собой передачу структурно-семантического комплекса в целом под импульсом иноязычной ФЕ. Звуковая оболочка иноязычных слоев при чистом калькировании исчезает. В сфере семантики изменения возникают, но не очень часто. Заимствованные кальки могут обретать другое значение. В латышском языке такого рода семантические изменения мы обнаружили, главным образом, в случае окказиональных калек. Например, английское словосочетание *champion of peace* (борец за мир), в котором первый компонент созвучен латышскому слову "šempions" (победитель), калькировалось как "miera šempions", а не *cinītājs par mieru* (*miera cinītājs*).

Представляет интерес применяемое в отдельных случаях в сфере фразеологии понятие "семантическая индукция", предложенное Д.С. Сорокиным (1965, с.164-165) и обозначающее появление новых значений в исконных словах под влиянием прототипа единицы в языке-источнике. Такое употребление английской ФЕ *one way road* в переносном смысле "односторонне выгодное" привело к появлению такого же значения у латышского эквивалента - *vienvirziena ceļš*.

"Vienvirziena ceļš" versijas uzdevums ir ne tikai viltot agresoru neveiksmju cēloņus un progresīvo spēku panākumu īstos avotus, bet arī sagatavot atkāpi no normalizācijas magistrāles. (Planētas pulss, 1976, Rīga, 1977, 59.lpp).

Как отмечает В.М. Мокиенко (1983, с.121), эффект "семантической неправильности" весьма важен для первого момента фразеологического калькирования, ибо создает напряжение, которое содействует быстрому усвоению кальки.

Чем же обуславливается доминирующее положение калькирования при заимствовании? Ясно, что беспереводные заимствования не могут выполнять все задачи заимствования, они всегда обладают несколько экзотической окраской и остаются чужим элементом в языке-рецепторе.

К тому же каждый развитый язык при возможности обходится своим языковым материалом. Как справедливо указывает Л.А. Пономаренко (1978, с.12), язык, стремясь к своей оптимизации, предпочитает увеличивать комбинации, т.е. кальки, а не заимствовать.

Окказиональное калькирование является удобным способом перевода, особенно если переводимая ФЕ более или менее логична. Этим обусловлена большая роль окказионального калькирования при переводе, и это один из путей постоянного пополнения фонда калькированных ФЕ. Несомненно и то, что калькирование (артистическое и лингвистически удачное) обладает большими преимуществами по сравнению с объяснительным (описательным) переводом, который, как правило, связан с полной утратой образности (Соловьев, 1968, с.125).

Фразеологические кальки, главным образом, характеризуются большей абстракцией, чем другие типы заимствования, в меньшей степени связаны с национальным элементом языка источника, как, скажем, полукальки, тем не менее есть кальки, которые отражают их происхождение, хотя в большинстве случаев эти кальки перешли национальные рубежи и стали интернациональными ФЕ с абстрагированной семантикой, например:

maizi un izrādes! - panem et circenses!

(хлеба и зрелищ!). Латинская фраза, связанная с римской историей и обозначающая клич римской черни;

piektā kolona - quinta columna

(пятая колонна). Испанская фраза периода гражданской войны;

zelta jaunatne - jeunesse dorée

(золотая молодежь). Фраза, появившаяся во время французской революции в конце 18 века и обозначающая контрреволюционную молодежь;

ēnu kabinets - shadow cabinet

(теневой кабинет). ФЕ английского происхождения, связанная с традицией формирования кабинета оппозиции в парламенте.

Все эти фразеологические кальки потеряли их национально ограниченный характер и могут использоваться вне контекста, связанного с языком происхождения.

5.2. Беспереводные фразеологические заимствования

Фразеология, заимствованная в ее полной форме - с полным фонографическим (звуковым и графическим) сходством с оригиналом, еще до недавнего времени совершенно не исследовалась в работах по лингвистике (исключение составляли словари иноязычных слов и выражений). Беспереводные заимствования считались чужими, посторонними элементами в языке. Этот взгляд наиболее полно выражен Н.Н. Амосовой (1963, с.81): "Словосочетания, состоящие из слов, не существующих в английском словарном составе, и оформленные грамматически по нормам иноязычной морфологии и синтаксиса, нет оснований считать элементами английского фразеологического фонда". Подобные утверждения о чуждости иноязычных элементов

высказаны и Н.М. Шанским (1972, с. 238) и А.Д. Райхштейном (1980, с.24).

Причиной такого взгляда был как бы случайный, окказиональный характер употребления этих ФЕ, о чем свидетельствует и иногда употребляемый термин "вкрапление". Так, С. Влахов и С. Флорин (1980, с.263) термином "вкрапление" обозначают как давно укрепившиеся в языке иноязычные ФЕ, так и окказиональные ФЕ и даже целые абзацы иноязычных текстов. Такой подход преувеличивает роль иноязычного грамматического и фонетического оформления и недооценивает семантический аспект, а также просто функционирование языка. Нам представляется, что ФЕ этого типа является неотъемлемой частью фразеологии языка-рецептора. Она существует во всех европейских языках и носит интернациональный характер. Как указывает А.М. Бабкин (1970, с. 219), мнение о случайном употреблении этих выражений основано на том, что лексикографические источники обычно не содержат серьезной информации по этому вопросу. Этот тип заимствования имеет и другие обозначения, рассмотренные выше, которые, на наш взгляд, являются менее адекватными. Так, термин "непосредственное заимствование" (предложенный В.В. Акуленко, 1972) может ввести в заблуждение, поскольку он служит для обозначения и иноязычных элементов, пришедших в язык без участия других языков, т.е. привести к смещению способа заимствования и источника или пути прихода.

То же самое относится к термину "прямое заимствование" (Шанский, 1955; Амосова, 1963).

За последнее время ситуация в сфере изучения заимствования этих ФЕ улучшилась (Князева, 1970; Берлизон, 1972) и

беспереvodные ФЕ и под другой терминологией - ксенонимы (Копыленко, Попова, 1978), иноязычные сверхсловные комплексы (Петрушева, 1989) исследуются во многих аспектах.

Отметим, что в латышской лингвистике отсутствуют какие-либо исследования по этому вопросу, и число беспереvodных ФЕ в словаре иностранных слов далеко не соответствует числу их в употреблении (лишь 750 беспереvodных слов и выражений).

В латышском языке существует много беспереvodных ФЕ. Источником этих ФЕ (часто и фразеологических интернационализмов) является, главным образом, латинский язык, например: *alma mater, deus ex machina, terra incognita, memento mori, persona non grata, tabula rasa, modus vivendi* и т.д. Но во фразеологический фонд языка входят и многие беспереvodные заимствования из так называемых новых языков, в первую очередь из французского, английского, немецкого, итальянского, например: *tête á tête, fifty fifty, fata morgana, Sturm und Drang*. Надо отметить, что заимствованию ФЕ этого типа из русского языка препятствуют различия в орфографии и другие обстоятельства (о них дальше), что является своеобразным барьером, и такие ФЕ в латышском языке, так же как в западноевропейских языках, практически не наблюдаются.

Характерной чертой фразеологических заимствований этой группы является эквивалентность оригинала и заимствования, поскольку ФЕ переносится без звуковых, графических, семантических или структурных изменений. По нашему мнению, можно говорить о стилистических различиях. В исходном языке ФЕ является либо нейтральной, либо обладает определенной стилистической окраской. При заимствовании она получает дополнительную стилистическую окраску, так как в тексте (речи) она будет

существовать как экзотический, неассимилированный элемент.

Если слово сравнительно легко ассимилируется языком, то заимствованные ФЕ в их исходной форме всегда ощущаются как иноязычные по причине их немотивированности для народа-рецептора (Пономаренко, 1978, с.301). Вместе с тем знание иностранных языков, частое употребление и наличие параллельных калек могут полностью снять эту немотивированность.

Но отсутствие ассимиляции (можно говорить лишь о фонетической парциальной ассимиляции) не мешает заимствованию ФЕ этого типа. Они являются частью фразеологического фонда языка-рецептора (в нашем случае - латышского языка), так как с течением времени органически вживаются в новую языковую систему, грамматически врастают в язык-рецептор, подвергаются трансформации.

Все это обуславливает необходимость включения беспереводных оборотов в корпус национальной фразеологии и в словари.

В этой связи мы не можем согласиться с мнением Р.М. Вайнтрауба, 1971, с. 12), считающего, что иноязычные фразеологические единицы приживаются в языке только в калькированном виде. Приживаются и ФЕ беспереводные, о чем свидетельствует их употребление в литературе, в разговорном языке.

Отметим, что беспереводные фразеологические заимствования обладают большой устойчивостью, так как их форма и значение тождественны. В то же время следует указать на возможность параллельного существования калек тех же самых ФЕ.

Часто, особенно на ранних стадиях заимствования, автор дает и заимствованную ФЕ, и кальку, учитывая, что не все читатели могут знать иноязычную ФЕ. Существование рядом с беспереводными ФЕ их калек указывает на расширение языковых контактов или на динамику процесса заимствования, поскольку одна форма за-

имствования может постепенно вытеснить другую.

Тем не менее мы не можем согласиться с мнением Н.М. Шанского (1969, с.124), что фразеологические заимствования этого типа не только немногочислены и ограничены в сфере своего употребления письменной речью, но и представляют собой явление переходящее.

Во-первых, число этих заимствований не так уж мало, о чем свидетельствует двухтомное издание словаря иноязычных выражений русского языка.

Во-вторых пласт этих заимствований пополняется, например: brain drain, play off, heavy metal, au pair.

В-третьих, беспереводные ФЕ составляют неоднородную массу. Существуют ФЕ книжного (*testimonium paupertatis, stiff upper lip*) газетно-публицистического (*Sturm und Drang, idée fixe*) терминологического (*persona grata, status quo*) и разговорного характера (*to be or not to be, va banque*).

Более того, эти ФЕ представляют собой разные грамматические конструкции:

1) **субстантивные словосочетания:**

terra incognita, salto mortale;

2) **адвербиальные словосочетания:**

in brevi, tête á tête;

3) **глагольные и адъективные словосочетания:**

last but not least, semper idem.

Они различаются и по цели высказывания:

1) **повествовательные предложения (большинство ФЕ):**

finita la commedia, better late than never;

2) **вопросительные предложения:**

quo vadis? who is who?

3) побудительные предложения:

*laissez faire, cherchez la femme,
divide et impera;*

4) восклицательные предложения:

O, tempora, o mores! O, sancta simplicitas! Mehr Licht!

И, наконец, не всегда укоренение калькированных форм ФЕ сопровождается отпадением их беспереводных прототипов, так как они обладают специфическими стилистическими особенностями, которые часто нужны для создания желаемого колорита. Беспереводные ФЕ и их кальки существуют в языке как стилистические синонимы, так как "иноязычные сверхсловные комплексы" носят более книжный характер" (Петрушева, 1989, с.8), часто отличаются большей точностью и обладают определенной престижностью.

Некоторая чужеродность, отсутствие полной ассимиляции обуславливают такое свойство беспереводных ФЕ, как тяготение к краткости. Среди корпуса заимствований этого типа доминируют двухкомпонентные и малокомпонентные ФЕ. Это ясно проявляется в статистическом обзоре компонентного состава беспереводных ФЕ в латышском языке.

Язык происхождения	Компонентный состав							Всего единиц
	2	3	4	5	6	7	8	
Греческий	1		1					2
Латинский	39	30	22	7	4		1	103
Немецкий	2	2						4
Французский	18	8	3			2		31
Английский	28	13	2	1	1	1		46
Испанский	1							1
Итальянский	12	3						15
Всего n-компонентных единиц	101	55	28	8	5	3	1	202

Таким образом, из всех беспереводных заимствований половину составляют двухкомпонентные единицы. С увеличением числа компонентов сокращается число ФЕ. Можно считать, что между количеством заимствований и их компонентным составом существует обратная зависимость. Такая статистика совпадает с показателями Э.М. Солодухо (1982), касающимися интернационализмов в сфере фразеологии, и представляется универсальной.

5.3. Фразеологические полукальки

Фразеологические полукальки включают в свой состав элемент (или элементы) калькирования и элемент (или элементы) фразеологической транскрипции, т.е. представляют собой тип заимствования, возникший в результате употребления двух его способов. Это убедительно демонстрирует отсутствие глубокого водораздела между способами заимствования.

Полукальки возникают в случае "непереводимости" одного или нескольких компонентов ФЕ. "Непереводимость" эта не абсолютная, однако существуют факторы, способствующие ей. Обычно ФЕ содержат имена собственные или слова, характерные для иноязычной действительности, например:

Potjēmkina vādžas - потемкинские деревни (русс.);

Satan, atkāpies - *hyrage Satan* (отойди от меня, сатана)
(греч.) (Матф. 4,10);

bīta paaudze - the beat genera- (бит-поколение)(англ.).
tion

Фразеологические полукальки составляют довольно большой процент заимствованных ФЕ, хотя и их доля очень различна в корпусе заимствований из разных языков, например, они составляют почти 55 % фразеологических заимствований из греческого языка.

Мы никак не можем согласиться с Л.А. Пономаренко (1978, с.11) в том, что настоящих полукалек очень мало и что всем языкам свойственно предпочтение полного калькирования и полного заимствования процессу образования полукалек.

Отметим, что, удельный вес национально окрашенных или мотивированных ФЕ почти во всех языках составляет всего несколько процентов от общего числа ФЕ, так как основная масса лишена какого-либо экстралингвистического, национального своеобразия и носит общий для многих или всех языков характер (Райхштейн, 1982, с.104). Но именно эти национально своеобразные ФЕ заимствуются, так как передать их специфику готовыми эквивалентами другого языка невозможно. Очень часто именно полукальки выступают в этой функции, сохраняя больше близости к иноязычному прототипу, чем калька, например:

trešais reihs - das dritte Reich (третий Рейх);

tēvocis Sems - Uncle Sam (дядя Сэм);

Kartāga ir jāsaģrauj - Carthaginiem esse delendam

(Карфаген должен быть разрушен);

melnā sotņa черная сотня.

Фрезологические полукальки вообще семантически почти всегда тождественны прототипу и в этом случае как бы сохраняют среднее положение между кальками, которые часто развивают отклонения от оригинала, и беспереводными заимствованиями, которые почти всегда семантически идентичны оригиналу. Как исключение можно привести полукальку fikvā ideja (французское idée fix), которая имеет в латышском языке смысл - "неожиданное, быстрое решение", хотя и в конце 19 века еще сохраняла оригинальную семантику - "навязчивая идея". Замена семантики произошла из-за созвучности лексического заимствования из немецкого

"fikss" (быстрый).

Проблема полукалек имеет еще одну особенность: во многих случаях встает вопрос - чем является то или иное заимствование - калькой или полукалькой, ибо в заимствованной единице есть компоненты, заимствованные из языка источника.

Если эти элементы существуют в языке как самостоятельные лексические единицы и проникли в латышский язык до появления в нем калек ФЕ, мы не можем считать эти единицы полукальками, так как непереведенная часть ФЕ является фактически переведенной. Это полные фразеологические кальки:

džungļu likums - jungle law - закон джунглей (англ.);
sezonas nagla - clou de la saison - гвоздь сезона (фр.);
sturmēt debesis - Himmel stürmen - штурмовать небо (нем.).

5.4. Фразеологические транскрипции

Фразеологические транскрипции занимают как бы промежуточное положение между кальками и беспереводными заимствованиями. Они стоят ближе к последним по фонетическим и семантическим характеристикам, сохраняя большее тождество с оригиналом. Но, подчиняясь грамматике и письменности языка-рецептора, они хорошо интегрируются в языке-рецепторе, снимая чужеродность заимствования. Заимствованные транскрипции из западноевропейских языков графически мало отличаются от прототипов и минимальные различия обычно соответствуют правилам воспроизведения слов иноязычного происхождения в латышском языке. Отметим, что фразеологических транскрипций в "чистом" виде вообще очень мало, хотя фразеологическая транскрипция как способ употребляется при создании полукалек, которые широко распространены.

Как правило, фразеологические транскрипции - это имена

собственные, которые вследствие метонимизации обрели статус ФЕ, например:

- Džons Buls - John Bull (Джон Буль - англичанин);
Šerloks Holms - Sherlock Holmes (Шерлок Холмс -
детектив);
dons Kihots - Don Quijote (дон Кихот - упрямый
борец за что-то);
Žanna d'Arka - Jeanne d'Arc (Жанна д'Арк - волевая,
самостоятельная женщина);
Ivans Ivanovičs (Иван Иванович - русский).

Как видно из примеров, имена собственные потеряли свой единичный характер и стали обозначать представителя народа, специальности, профессии, и т.д. Итак, фразеологические транскрипции являются транскрибированными компонентами ФЕ с небольшими отклонениями от исконного звучания, вызванными особенностями передачи звуков языка - источника звуками латышского языка.

Типы заимствования взаимосвязаны. Так, например, существует прочная связь между беспереводным заимствованием и фразеологической калькой, ибо в латышском языке имеется множество парных заимствований - и калька и беспереводное:

- fair play - tīra spēle, Sturm und Drang - vētras un dzīvu,
no pasarán - viņi netiks cauri, salto mortale -
nāves cilpa, и т.д.

Связь между отдельными типами заимствования особенно наглядна при диахроническом подходе, ибо многие заимствования как бы проходят пару стадий. Часто первое употребление - беспереводное в пояснении, потом пояснение в случае беспереводного употребления исчезает или становится самостоятельным, или калька закрепляется, а беспереводное заимствование исчезает.

Рассмотрим эти процессы на нескольких примерах.

Так, например, ФЕ veselā miesā veselš gars сперва закрепила в латышском языке в форме кальки:

Jau vecie romieši runāja: "vesals prāts atrodams tik vien veselās miesās". (Tēviņa, 1884-8).

Pie vecajiem grieķiem miesās vārguļa cilvēks nevarēja būt pilnīgi izglītots, jo viņu sakamais vārds bij, ka tikai veselīgā miesā mājot veselīgs gars. (Austrums, 1885, 2).

Un šai uzvarai jānāk pa priekšu, lai tiktu otras cienīgi. Tad būs veselā miesā veselš gars. (Sporta žurnāls, 1925, 7).

И только в наши дни беспереводная ФЕ употребляется свободно, параллельно кальке:

Mens sana in corpore sano. (Liesma, 1968, II).

Первое употребление следующей ФЕ- парное: и беспереводное и в виде кальки; в языке сохранились оба, хотя калька употребляется чаще:

Un Eplantes sakams vārds: "time is money" (laiks ir nauda) paliek visu taisnībā. (Latviešu Avīzes, 1873, 48).

Praktiskie angļi nevien saka, bet to arī dzīvē izved, ka laiks ir nauda. (Zemkopis, 1910, 24, 16. jūn.).

Pats kapteinis rūgti smīn: "Tie tur apakšā saka, ka laiks esot nauda, nē, laiks ir dzīvība". (Brīvā Zeme, 1936, 131).

Laiks ir nauda, bet naudas gandrīz vairs nav. (P.J. 30.10.1984).

Vai nav burvīgi? "Time is money", viņi saka (Zvaigzne, 1989, 87).

Существует связь между фразеологической транскрипцией и беспереводным заимствованием. Часто первое употребление - беспереводное или применяются оба вида, к тому же, как правило, фразеологическая транскрипция - двухкомпонентная ФЕ с функцией агента, а беспереводное заимствование не связано ограничениями, но, как правило, не является двухкомпонентным фразеологизмом с функцией агента, т.е. именем собственным, например:

Bet ja kādas dzīvei svešas idejas arī sakarsētu galviņas, tad no tādiem var iznākt tikai Don Kichoti (Don Quixote), kas cīkstās ar vēju dzirnavām un ved karu ar aunu bariem. (Dienas Lappa, 1886, 76).

Как видно, между типами заимствований существует известное разделение сфер.

6. Источники и критерии заимствования фразеологизмов

Исследование заимствованной фразеологии немислимо без установления языка-источника ФЕ, путей прихода ее в язык-рецептор (в нашем случае - латышский). Следовательно, поднимается вопрос об источнике той или иной ФЕ, о языке-первоисточнике, о языке, из которого ФЕ заимствована, о прототипе. Иногда несколько этих понятий могут сойтись к одному языку и одному употреблению ФЕ, но в большинстве случаев это не так. Поэтому важно выделить несколько терминов для обозначения этих понятий.

Этимологический язык-источник - это язык, в котором впервые возникло образование, впоследствии прямо или посредством других языков попавшее в рассматриваемый нами язык, т.е. латышский. Иными словами, это язык первоисточника ФЕ - язык прототипа.

Так, ФЕ gulbja dziesma - греческого происхождения kykneion asma ; поверье, будто лебеди поют перед смертью, мы можем найти в баснях Эзопа (6 в. до н.э.), в трагедии Эсхила "Агамемнон", в работе Цицерона "Об ораторе" (3,2,6-8) мы находим сравнение смерти Лициния Красса после произнесенной им речи с лебединой песней. Однако заимствована ФЕ в латышский язык наверняка из немецкого Schwanengesang.

ФЕ alfa un omega берет свое начало в греческом языке (Новый Завет, Апокалипсис, I,8), ибо она основана на первой и последней букве греческого алфавита. То, что библейский перевод в латышском языке не содержал ФЕ, оформленную так - es esmu A un O! (Jara atkl.gr. I,8) , свидетельствует о том, что ФЕ пришла не через библейский перевод, а другим путем,

однако этимологический язык-источник - греческий.

Исторический язык-источник - это язык из которого язык-рецептор (латышский) перенял ФЕ. В результате прямых языковых контактов исторический язык-источник может совпадать и с этимологическим языком-источником, а при посредственном заимствовании - это язык-посредник или последний в цепи посредников. Например, беспереводная ФЕ common sense заимствована из английского языка, но в английский язык ФЕ заимствована из латинского sensus communis. Таким образом, калька veselais saprāts может быть заимствована как из латинского, так и из английского языков.

Другой пример: vieta zem saules (место под солнцем) этимологически происходит из французского языка (place au/sous le soleil) и встречается в сочинениях Паскаля (1670), Беранже (1827), Бальзака (1832) в довольно гуманистическом смысле. Но настоящее оживление ФЕ претерпела в 20 веке, когда после речи в Рейхстаге канцлера Б.Булава в 1897 году ФЕ (Platz an der Sonne) обрела империалистическую окраску и вскоре калькировалась в латышском языке. Так, немецкий язык в этом случае является историческим языком-источником этой ФЕ.

Прототип фразеологического заимствования - это первоначальный образец в этимологическом языке-источнике, т.е. первое употребление фразы. Прототипом фразеологического заимствования может служить ФЕ. Например, английская ФЕ corridors of power (коридоры власти), является названием книги Ч.П. Сноу, появившейся в 1964 году и вскоре переведенной на латышский язык "varas gaiteni".

Прототипом фразеологического заимствования может быть и

переменное сочетание, т.е. словосочетание, которое в его первичном употреблении не имело свойств ФЕ и лишь впоследствии превратилось в ФЕ. Например, выражение kauls no mana kaula, miesa no manas miesas (Mozus 1;2-23) в Библии употребляется в первом смысле - Бог вынул у спящего Адама ребро, из которого создал женщину.

И наконец существует множество заимствованных ФЕ, не имеющих прототипов в установленном языке происхождения. Так, например, ФЕ Trojas zirgs, имеющая параллели и в немецком языке (Trojanische Pferd), из которого, по нашим наблюдениям, она заимствована, и в русском (троянский конь) и в английском (the Trojan horse) и во французском (cheval de Troie), не имеет прототипа в греческом языке - в эпосе Гомера - ни в форме ФЕ, ни в форме переменного сочетания. Такая же ситуация в случаях многих ФЕ, тематически связанных с Библией, например Noasa šķirsts, neticīgais Toms.

В некоторых случаях можно установить исторический язык-источник, а этимологическим языком-источником в случае отсутствия прототипа, согласно дефиниции, становится язык, носителям которого принадлежат реалии, мотивировки, стимулы, отправные идеи, образы и т.д.

Отметим, что большинство этих ФЕ - фразеологические полукальки, содержащие имена собственные и т.д. И хотя в некоторых случаях этот критерий может и не соответствовать истине в полной мере (о чем дальше), представляется, что этот путь наиболее приемлем как рабочая дефиниция. Так, например, ФЕ brūnais krēklis восходит к немецкой фразе braun Hemd, означающей нациста, члена ударных отрядов нацистской партии в соответствии с коричневой формой членов этих отрядов.

Отметим, что довольно много случаев, когда ситуация еще сложнее. Так, в латышском языке существует ФЕ homēriski smieklī, которая заимствована либо из русского (гомерический хохот), либо из немецкого (*homerisches Gelächter*). Хотя, кажется, эта единица имеет греческое происхождение, в самом греческом языке ее нет. В эпосах "Илиада" и "Одиссея" употребляется другое словосочетание - asbestos gelōs - в значении "долгий неостанавливаемый смех". И в латышских переводах эпоса ФЕ не употребляется:

nerimās smieklī nu skaļi (Илиада, I, 599);
sacēlās smieklī bez gala (Одиссея, 8,326);
Atēna sacēla tobrīd neapvaldītus smieklus (Одиссея,
20,346).

Таким образом, ФЕ не греческого происхождения, а французского - *rire homérique*. Французский является этимологическим языком-источником.

Происхождение ФЕ iet uz Kanosu (идти в Каноссу) представляется спорным. Э. Солодухо (1982) трактует ее как семантическое фразеологическое заимствование, т.е. образование под действием мотивировок - стимулов действительности как достояний иноязычных народов, но без опоры на какую либо сложившуюся иностранную языковую форму, модель как таковую (с. 140). Таким образом выдвигается идея, что эта ФЕ является новообразованием исконного порядка. Эта ФЕ основана на историческом факте: в 1077 году Генрих IV, германский император, чтобы избежать низложения, отправился пешком в Каноссу в Северную Италию, чтобы принести покаяние папе. Однако как ФЕ этот факт оформился в конце 19 века, когда протестантская Пруссия повела борьбу с католицизмом и римским папой. И 14 мая 1872 года Бисмарк во время дебатов по этим вопросам

сказал, что они в Каноссу не пойдут, после чего выражение вошло в язык. Таким образом прототип дальнейших заимствований - речь Бисмарка, а этимологический язык-источник - немецкий - nach Canossa gehen.

Благодаря многочисленным публикациям в периодике, речь и сама ФЕ стали хорошо известны в Латвии и калька в течение пары лет вошла в фразеологический фонд латышского языка (о чем дальше). Таким образом, немецкий язык в этом случае сыграл для латышского роль исторического языка-источника, а то, что ФЕ содержит реалию итальянскую, еще не свидетельствует о ее происхождении. Как видно, во многих случаях установление этимологического источника является сложным и трудным.

Эти соображения определяют важность выдвижения жестких критериев определения первоисточника и отбора фразеологических заимствований.

1. При беспереводном заимствовании факт заимствования из конкретного языка налицо в форме материальной оболочки ФЕ языка-источника. Например:

tabula rasa, alma mater	- из латинского языка;
fata morgana, tutti frutti	- из итальянского языка;
tête á tête, enfant terrible	- из французского языка;
Union Jack, common sense	- из английского языка;
Sturm und Drang, Drang nach Osten	- из немецкого языка.

2. В случае транскрибированных ФЕ приспособленный иноязычный материал также свидетельствует о языке происхождения, ибо, как правило, эти единицы являются именами собственными (donis Kihots, Pitera Pens, Žanna d'Arka), происхождение которых хорошо известно.

3. В случае фразеологических полукалек мы имеем транскри-

бирванный элемент или элементы (bīta raudzē , с англ. beat generation, taisīt scēnu с франц. faire une scène, ciest fiasko с итальянского far fiasco), которые указывают на язык происхождения.

4. Но в случае фразеологической кальки ситуация намного сложнее. Если принять во внимание тот факт, что многие заимствованные фразеологизмы являются интернациональными, то встает вопрос, как определить язык-источник при отсутствии критериев, указывающих на него. Фразеологические кальки, сделанные по существующему в латышском языке беспереводному заимствованию, можно с уверенностью считать заимствованными ФЕ из этого языка, если исходные формы не являются кальками с другого языка, как в вышеизложенном случае с "common sense".

Например:

Veselā miesā vesels gars - Mens sana in corpore sano

(Здоровый дух в здоровом теле) - с латинского языка;

Meklējiet sievieti! - Cherchez la femme

(ищите женщину) - с французского языка;

Tā dara visas - Così fan tutte

(так все они поступают) - с итальянского языка;

Vīpi netiks sauri! - no pasarán!

(они не пройдут!) - с испанского языка;

Vētras un dziņu periods - Sturm und Drang (Periode)

(период бури и натиска) - с немецкого языка;

Mans nams ir mana pils - My house is my castle

(мой дом - моя крепость) - с английского языка.

5. Во многих случаях происхождение ФЕ можно установить на основе зафиксированной информации о ней во фразеологических источниках других языков (которые более детально рассматрива-

ют эту проблему) или путем проверки в переводах первоисточников (особенно это касается Библии и античной литературы), т.е. установлением прототипов. Например:

būt septītās debesīs,
to be in the seventh heaven,
im siebenten Himmel sein,
être au septième ciel ,
быть на седьмом небе (Аристотель. Из греч.яз);

dienišķā maize,
daily bread,
das tägliche Brot,
pain quotidien,
хлеб насущий (Матф. 2,6).

6. В отдельных случаях, особенно в стадии проникновения, в репортажах, корреспонденциях и т.д. заимствование ФЕ сопровождается формальным признаком этого процесса, а именно - вводной фразой: как говорят в Англии (Америке, Франции, Испании, у нас здесь ...). Например:

Vašingtona ir ierēdru, jeb kā viņus šeit sauc - "balto arkaklišu" pilsēta (PJ, 23.3.1975);
... saglabāja stingru kontroli pār prezidentu, izmantojot tā dēvēto "virtuves kabinetu", kura locekļi - Reigana tuvākie draugi ... (Planētas Pulsis, 1981, Rīga, 1982, lpp.214).

7. Известно также происхождение многих ФЕ, недавно созданных писателями, историческими личностями, политическими лидерами и т.д. Например:

piektā kolona,
the fifth column,

die fünfte colonne,

cinquieme colonne,

пятая колонна

была заимствована из испанского языка - quinta columna
Она возникла во время гражданской войны в Испании после выступления генерала Мола, утверждавшего, что помимо четырех колонн, движущихся на Мадрид, есть еще пятая в самом Мадриде - тайные агенты, проводящие подрывную работу и диверсии.

Интересна также история происхождения ФЕ zudusī paaudze (потерянное поколение) с его франко-английскими корнями (*génération perdue, lost generation*). "Определение принадлежит безымянному французу ... слова эти услышала Гертруда Стайн, американская писательница ... и обмолвилась ими как-то в разговоре с Хемингуэем ... тот взял их эпиграфом к "Фиесте" (Анастасьев, 1981, с.9).

В последнее время ФЕ с терминологической направленностью, особенно в сфере политики, укореняются в течение нескольких дней или недель и заимствуются также очень быстрыми темпами.

Так, ФЕ *nulles variants - the zero option* (нулевой вариант), появившаяся в речи президента США Рейгана 19 ноября 1980 года, до конца года уже твердо вошла и в латышский, и в русский языки. Например:

Grūti pieņemti arī ASV viedokli par tā dēvēto "nulles variantu" (Planētas Pulss, 1981, lpp. 224.);

... Tad pēc tā dēvētā "0" varianta milzu pārsvars būtu NATO pusē (Planētas Pulss, 1981, lpp.225.).

То же случилось с ФЕ zvaigžņu kari - Star Wars (звездные войны).

8. Довольно надежным критерием могут служить исконно

национальные элементы, входящие в состав ФЕ – реалии, имена собственные, историцизмы с мотивировкой, аллюзии и т.д. Эти заимствования часто являются фразеологическими полужалками, например:

Visvarenais dolārs - almighty dollar (всемогущий доллар);

potjomkina sādža - потемкинские деревни.

Тем не менее, как указывалось выше, не всегда эти национальные элементы свидетельствуют о принадлежности ФЕ к определенному языку.

Так, бывшая ФЕ ķelnes ūdens (в настоящее время odekolons) содержащая имя немецкого города, является калькой французского eau de Cologne, а ФЕ visi ceļi ved uz Romu - французского происхождения, а не латинского или итальянского - tous le chemins vont à Rome (все пути ведут в Рим).

9. В отдельных случаях помогают сохраненные элементы языка с которого заимствована ФЕ – синтаксические связи, не свойственные языку-рецептору, конструкции словосочетаний, семантические казусы, Например:

uz to labāko - с нем. aufs beste,

pienemt mērus - с франц. prendre des mesures.

7. Процесс заимствования, его этапы

Сам процесс заимствования, на наш взгляд, полезно разделить на этапы, что применительно к фразеологии пока еще не было осуществлено.

Что касается заимствования лексики, то большинство лингвистов подразделяют этот процесс на три этапа: использование (проникновение), собственно заимствование (усвоение) и интеграция (укоренение). В терминологическом плане наименований этапов наблюдается большое разнообразие, но приведенные названия в целом отражают общее понимание процесса (Мартинек, 1971; Жлуктенко, 1974; Аристова, 1978; Рыжикова 1979; Балдунчикс, 1983).

Есть и другой подход к этому вопросу – различие только двух этапов заимствования – использование и собственно заимствование (Глемжене, 1973) или заимствование и освоение (Майоров, 1967; Биржакова, и др., 1972; Коротких, 1980).

По нашему мнению, в случае фразеологии предпочтение следует отдать двухэтапной классификации. Это обусловлено особенностями и различиями фразеологического заимствования по сравнению с лексическим. При лексическом заимствовании новая лексема, которая вводится в состав языка-рецептора, чужда и непонятна носителям языка, тогда как при фразеологическом заимствовании (особенно калькировании) ФЕ часто мотивирована и понятна с первого появления. Если при лексическом заимствовании период вхождения может быть очень разным, то, как показало исследование, ФЕ в большинстве случаев либо усваивается довольно быстро, либо вообще не усваивается.

Итак, мы предлагаем выделить два этапа заимствования ФЕ:

I) использование новой ФЕ в речи (фактически это явление

окказиональное; в случае кальки - фразеологическое окказиональное калькирование);

2) укоренение ФЕ, вхождение ее в систему языка, установление разнообразных связей с исконными единицами.

Конечно, такое деление является формальным и не отражает динамики непрерывных изменений в языке, но диалектически любое движение есть совокупность промежуточных состояний, в которых в тот или иной момент находится данное явление. Между этими этапами существуют различия, которые удобнее рассмотреть отдельно.

Какова же мотивировка первого окказионального использования иноязычной ФЕ в потенциальном языке-рецепторе? Как отмечает Ю.В. Рождественский (1990, с.251), словотворчество (что подразумевает и заимствование ФЕ) с целью изменить состав лексики есть частично сознательное действие, частично стихийное. Сначала заимствование, по-видимому, осуществляется одним человеком (сознательный процесс), а затем принимается и повторяется многими другими (стихийный процесс), и, возможно, весь процесс повторяется снова и снова (Хауген, 1972, с. 344). Такого же мнения придерживается Дж. Гринберг (Greenberg, 1971, p.186-187). Итак, "первичное" заимствование - явление сингулярное, вызванное какими-то соображениями билингва. Отметим, что, на наш взгляд, не всегда, и даже не очень часто ФЕ используется с целью дальнейшего укоренения ее в языке-рецепторе. При переводе художественной литературы фразеологическое заимствование является результатом стилистических особенностей текста, отсутствия переводной единицы, контекстуальной ситуации, иногда и интерференции исходного языка. Вообще первичное окказиональное использование может мотивироваться либо необходимостью восполнить недостающие звенья в фразеологической системе языка (отсутствие ФЕ, имеющейся в другом языке), либо стилистическими или экстралингвисти-

ческими соображениями. Как правило, экстралингвистические мотивировки доминируют при первом использовании ФЕ в языке заимствования. К таким мотивировкам можно отнести:

1) необходимость номинации при переводе новых явлений, понятий, предметов в форме ФЕ, вызванная их отсутствием в латышском языке, например:

nāves cilpa - salto mortale;

know how;

ķelnes ūdens (odekolons) - eau de Cologne;

ziņņu opera - soap opera.

Проиллюстрируем последний фразеологизм примерами времени его заимствования, которые наглядно показывают нужность этой ФЕ и целенаправленность авторов в ее освоении:

Satraukumu radīja tas, ka sēru dēļ no televīzijas programmām pazuda "ziņņu operas", bezgalīgie televīzijas seriāli ... (P.J. 18.2.1986);

"Ziņņu operas" (pavīgļa, frivola satura izklaidējošas programmas) tagad papildina Džордža Villa ... variācijas par pretpadomju tēmu. (V. Hermanis. Divatnē ar globusu. R., 1984, 95.lpp.);

Spoži sākušais demokrātu kandidāts kļuva par ikdienišķu "soap opera" ("ziņņu operas") varoni. (P.J. 13.1.1988.);

2) психологические и социальные мотивировки, языковой снобизм, т.е. стремление к частому употреблению иностранных фраз из-за престижа иностранного языка и т.д. Например:

dzelzs lēdija - с англ. the iron lady (железная леди);

Par "dzelzs lēdiju" dēvētā premjerministre ārpolitikā

kā pamatvirzienu izvēlējās ... (Cīņa, 27.4.1985);

Ziniet, kā cilvēki viņu iesaukuši - par "tečerieni"
jeb dzelzs lēdiju ... (Lauku Dzīve, I.1987.10.lpp.);

Atnākusi kolēģe, par kuru līdz tam slimniece domājusi -
Ista "dzelzs lēdija" , bez smaida, bez sirsnības.

(P.J.I2.I.1988.).

Встречаются тексты, где можно найти обилие иностранных
выражений, обычно это фразеологические вкрапления, например:

50. gadi, kad jauni cilvēki rakstīja - Look back in
anger! -, sen aizgājuši nebūtībā. Tagad vajadzētu mē-
gināt - Look forward! Around the corner! Varbūt tur vairs
nestāv bārdains vīrs ar rungu rokās. (Avots, 10,1988).

Однако явление это не новое, уже в 19 веке можно найти
множество употреблений, где ясно чувствуется влияние языкового
снобизма:

... Šo apdarīto gaitu neapturēs nekādi izbailu brēscieni,
ko sacel, mūsu labo ģimiliju tētiņi, viņu "dames d'honneur"
un jūsmeligās jaunkundzītes. (Dienas Lapa, 1894, II9).

3) стилистические соображения при переводе - для создания
нужного эффекта, сохранения контекста, каламбуров и т.д.

Например: в романе О. Уайльда обыграна ФЕ strawberry
leaves (титул герцога). При переводе этой ФЕ описательно
была бы разрушена структура и смысл широкого контекста. Пере-
водчик калькировал английскую ФЕ:

- Man jau apnikušas zemeņu lapas.
- Tās jums piedien.
- Tikai sabiedrībā.
- Jūs neiztiktu bez tās - piebilda Lords Henrijs.
- Es arī nedomāju šķirties kaut no vienas lapiņas

(O. Vaields. Doriana Greja gīmetne. Rīga, 1976. lpp.222).

Отсутствие комментариев по поводу этой ФЕ создает трудности понимания данной окказиональной кальки читателем, так как она не мотивирована. В следующем примере ФЕ отлично вписывается в контексте:

britu lauva - the British Lion (Британский лев);

... jo Tešeres valdībai, kas šai konfliktā uz bijušās koloniālās impērijas drupām grib nodemonstrēt, ka "britu lauva" vēl spēj rūkt (Cīņa, 15.4.1982).

4) влияние чужой среды (интерференция в речи людей, работающих за границей, в иноязычной среде, много читающих на иностранном языке и т.д.). Например:

melnā Marija - Black Maria (черный ворон)

при существовании в латышском языке ФЕ melnā Berta:

Noteiktajā laikā parādījās "Melnā Marija"; kā Londonā sauc policijas automobili. (Brīvā Zeme, 1936.17.jūl.).

Iespējams, ka druknais policists stiepa avižu pārdevēju uz "Melno Mariju", bet kalsnais centās pacifistam izraut no rokām pretkara skrejlapas (PJ, 7.9.1974).

Интересно, что ФЕ той же семантики заимствована и из русского языка - melnais krauklis/melnā vārna (черный ворон).

Visus kopā "melnā vārna" aizveda uz cietumu, kur mūs novietoja 25-gadnieku notiesāto kamerā (Zvaigzne, 21, 1989).

Часто автор руководствуется несколькими мотивировками сразу, а иногда и вообще не уделяет внимания заимствованию (интерференция).

Способствующими заимствованию факторами можно считать высокий престиж того или иного языка в определенный период, а также процесс интернационализации фразеологии (существование данной ФЕ

в нескольких иностранных языках, которыми владеет переводчик).

Если ФЕ имеет эквивалентную или аналогичную ФЕ в языке перевода, то обычно она не заимствуется. Как отмечают Ж.П. Винне и Ж. Дарбельне (1978, с.164), такое заимствование наблюдается у так называемых двуязычных народов, языки которых находятся в постоянном контакте. По нашим наблюдениям, подобная тенденция в сфере фразеологических контактов латышского языка проявляется не очень часто.

В качестве примера можно привести перевод "war games" как "kara spēles " вместо "manevri ", который в последнее время часто начинает появляться на страницах газет и в лексике политических комментаторов. Например:

"Kara spēļu" klaji provokatorisko noslieci rāda tas, manevri notiek tikai piecu kilometru attālumā no Nikaragvas robežas (PJ,5.4.1985).

Иногда, переводчик может ошибаться, столкнувшись в тексте с так называемыми "ложными друзьями переводчика". Так, английская ФЕ champion of peace переводится как miera cīnītājs (борец за мир), а не как miera čempions , так как слово champion в английском языке полисемантично. Именно такая ошибка видна в следующем примере:

Jāpiebilst, ka tas nav pirmais gadījums, kad ar sociāldemokrātijas tiešu atbalstu Nobela miera prēmija piešķirta tamlīdzīgiem "miera čempioniem" kā M. Beginam un A. Sadatam, arī A. Saharovam un vēlāk notiesātajam K. Tanakam (Karogs, 1985, Nr. 1, lpp. 129-130).

В некоторой степени эта тенденция проявляется в русско-латышском языковом контакте, однако, как правило, кальки русского языка не вытесняют латышские ФЕ, а заимствуются параллельно латышским лексическим единицам, например:

<u>pacelt jautājumu</u>	(поднимать вопрос) вместо	<u>jautāt</u>
<u>pievest piemēru</u>	(привести пример) вместо	<u>minēt</u>
<u>iznest lēmumu</u>	(вынести решение) вместо	<u>izlemt/nolemt</u>

Здесь можно ставить вопрос о целесообразности этого процесса, но формально он не нарушает нормы латышского языка.

Интродукция ФЕ и ее использование в первой фазе заимствования обычно сопровождаются формальными признаками. К ним относятся:

- 1) оригинальная орфография,
- 2) оригинальная орфография и кавычки,
- 3) кавычки (часто остаются и при полном заимствовании, так как ФЕ пересмыслена,
- 4) пояснения в скобках,
- 5) пояснения в последующем тексте.

Прохождение ФЕ первого этапа заимствования, т.е. ее первичное, пробное окказиональное употребление, еще не означает, что она закрепится в языке. Действительным фактом национального языка новая ФЕ становится значительно позже, когда фразеологическое заимствование, как результат творческого акта его создателя, существующее на первом этапе только для него, превращается в достояние целого языкового коллектива (Солодухо, 1982, с.142-143).

Имеется ряд факторов, которые определяют закрепление заимствованной ФЕ в языке, стимулируют его или противодействуют ему. Эти факторы те же, что и при вхождении фразеологических неологизмов в общенародный язык, поскольку эти процессы идентичны. Эти факторы можно подразделить на два вида: I) собственно языковые

(интралингвистические), 2) внешние по отношению к языку (экстралингвистические) (Бурмистрович, 1972).

К первым относятся такие свойства ФЕ, как соответствие ее (речь идет о кальке, полукальке и транскрипции) требованиям языка и тенденциям его развития; иными словами, удача новой ФЕ во всех отношениях – грамматическим, фонетическом (благозвучие, ритмика), лексическом и семантическом.

Некоторую роль может играть также этимология (Смилтена, 1989). Например, относительную легкость закрепления русских и германских заимствований можно объяснить генетической близостью или исторической сближенностью языков.

К факторам второго вида относятся такие свойства ФЕ, как актуальность обозначаемого явления, необходимость ФЕ, среда пользования ею, а также исторические условия, личность создателя ФЕ (и личность переводчика), обстоятельства создания ФЕ, возможности распространения, одобрение ФЕ специалистами определенной сферы пользования, одобрение лингвистами, конкретное взаимодействие языков и характер этого взаимодействия.

Группа экстралингвистических факторов прямо влияет на судьбу заимствованной ФЕ и их следует считать решающими (Маковский, 1971, с.124). Так, при совпадении ряда условий почти гарантировано быстрое заимствование ФЕ и ее вхождение в общеупотребительный фонд фразеологии. Главным фактором нам представляется актуальность.

Ассимиляцию и укоренение ФЕ может ускорить также личность человека, употребившего ФЕ. Так, исторические фигуры придают силу не очень известными и заимствованными ФЕ. Например, ФЕ dzelzs priekšcars - iron curtain (железный занавес), считающаяся английской, существовала в 18 веке во Франции и в

19 веке в Германии, но в переносном смысле была мало-употребительной. В начале 1945 года эта фраза была произнесена Геббельсом, далее подхвачена Черчиллем и обрела свой нынешний статус после его фултонской речи (1946 г.), хотя зафиксировано употребление ФЕ уже в 1920 г. (П. Сноуден).

ФЕ tirgotāju nācija - a nation of shopkeepers (нация лавочников) была первый раз употреблена А. Смитом в его работе "Богатство нации" в 1776 году, а популярность и известность (и в самой Англии) получила после выступления Наполеона I.

Интересно, что ФЕ dzelzs lēdija - iron lady (железная леди) - русского происхождения и впервые была употреблена в этом смысле в газете "Красная звезда" от 23.01.1976 года. Однако появление ее было одноразовым и так бы и осталось окказиональным, если бы сама М. Тетчер не приняла ее как почетный титул в своей речи от 31.01.1976 года (Butler, Sloman, 1980, с.255) и не одобрила ее использование. С этого дня ФЕ вошла в общеупотребительный фонд фразеологии английского языка и калькировалась в другие языки, в том числе и в латышский. Похожим примером является уже рассмотренная история ФЕ « iet uz Kanosu »

8. Обогащение фонда заимствованной фразеологии в хронологическом аспекте

8.1. 17 век

Латышский язык вместе с литовским и древнепрусским (исчезнувшим в конце 17 века) принадлежит к группе балтийских языков индоевропейской семьи языков. Латышский язык возник как результат слияния нескольких языков племен, живущих на территории сегодняшней Латвии. Взаимная близость этих племенных языков, внутренняя миграция и ряд других факторов способствовали ассимиляции селов, земгалов и куршей. Этот процесс, по-видимому начался еще до немецкой экспансии (12-13 вв) и завершился в конце 16 - начале 17 века. Надо полагать, что из упомянутых языков куршский язык был последним, который влился в новообразовавшийся язык латышской народности (об этом свидетельствует тот факт, что в 17 веке куршский язык уже не упоминается как отдельный или в противопоставлении латышскому). Постепенно ассимилировался и финно-угорский народ - ливы, обитавшие в Западной Видземе и северной Курземе, язык которых исчезает в 20 веке.

Таким образом, нам хотелось показать, что изучение процессов развития латышского языка следует начинать с 17 века, когда закончилось его формирование как языка латышской народности. В пользу этого свидетельствует и наличие письменных источников, позволяющих рассмотреть сам язык в его развитии.

Латышский литературный язык первоначально формировался в двух различных вариантах: 1) как народный язык, стихийно сложившийся, выступавший в устном народном творчестве и сохранившийся в нарядных песнях (дайнах), о чем нет других письменных свидетельств раннего периода; 2) как письменный язык, кото-

рый начал функционировать с 16 века, формировался, главным образом, под влиянием немецких священников и получил название старолатышского письменного языка; он пополнил латышский язык абстрактными понятиями, нелатышскими конструкциями и т.д.

Древнейшим известным в настоящее время рукописным латышским текстом является "Отче наш" Гисберта (1507). Первая печатная латышская книга относится к 1526 году (не сохранилась). Первый сохранившийся образец печатного текста "Отче наш" Газенгегера содержится в книге С. Мюнстера "Космография" (1550). Первыми сохранившимися до нашего времени латышскими книгами являются католический (1585) и лютеранский (1586) катехизисы. Старолатышские тексты раннего периода отражают, главным образом, язык Риги и ее окрестностей. Но судить по этим работам 16 века о латышском языке было бы неправильно.

17 век в судьбе Латвии был переломным. Если до 1621 года вся Латвия на протяжении нескольких десятилетий находилась под властью Польши, то в 1621 году Швеция завоевала Видземе и Ригу и начался долгий период раздела Латвии между Польшей и Швецией, а позже - и Россией.

К тому же латышские крестьяне с 13 века находились под гнетом немецких помещиков, которые сохранили свое господство и после распада Ливонии.

Шведский период в Видземе был благоприятным для развития как в экономической, так и в духовной сфере. В 17 веке были созданы первый словарь латышского языка (Г. Манцель "Lettus", 1638) и первая грамматика (И. Регегузен, 1644).

17 век вообще является веком духовной литературы. В развитии языка выделяются три фигуры - Г. Манцель. Кр. Фирекер и Э. Глик. Первые два деятеля находились под покровительством курземских герцогов, последний - под покровительством шведского

короля.

Фразеология представлена в первых письменных источниках очень бедно. Но, уже в первом словаре латышского языка Г. Манцеля приводятся некоторые фразеологизмы - gaužus asarus ēdis (с. 240), sakāms vārds (с. 73).

Дополнение к словарю "Phraseologia Lettica. Das ist Täglicher Gebrauch der Lettischen Sprache" (Riga, 1638) содержит сгруппированный по темам разговорный материал языка, диалоги. Хотя под фразеологией Г. Манцель понимал употребление языкового материала (кстати, это понимание сохранилось до начала 20 века), в словарь попало около 30 ФЕ разговорного характера, вероятно услышанных автором в речи латышских крестьян, например:

āda un kauli (кожа да кости, с. 236);
visas iekšas apgriežas (все нутро переворачивается,
с. 216) и т.д.

Среди них заимствованных единиц нет.

Кр. Фирекер является основателем церковной поэтики. В его работах содержится довольно много оборотов, взятых из народных песен, разговорного языка, например:

augt augumā, ļaut vaļas, remdēt bēdas, pa prātinām,
nemt galu.

Встречаются и библейские фразы, хотя они еще не потерпели переосмысления и были лишь зародышами будущих ФЕ, например:

debess manna, mīļais Jēzuliņš, stipra pils.

Но главной книгой духовой литературы конечно являлась Библия и ее первые частичные переводы сыграли выдающуюся роль в развитии латышского языка. Как подчеркивает Р. Бордхафом (Wardhaugh, 1987), от перевода Библии во многих случаях зависело развитие того или иного языка.

По сравнению с позднейшим переводом Библии Э. Глика перевод частей Библии Г. Элгера (1640) в рукописи является несовременным. Тем не менее в нем целый ряд ФЕ и зародышей будущих ФЕ, например:

redzēt skabargu iekšān tava brāļa acs, bet balķi paša aci nenomanīt, ārst, palidzi sev pati, ne no maizes dzīvo tas cilvēks, ko kas sēs, to tas ierļaus, trīsdesmit sudraba graši, pastara diena (Evangeliem, 1961)

Э. Глик является переводчиком Библии, которая вышла в свет с 1685 - 1689 гг. и позднее обогатила латышскую фразеологию многочисленными ФЕ (см. раздел о ФЕ библейского происхождения).

В 17 веке издается также другая религиозная литература, появляются переводы церковных песен с немецкого языка (М. Лутер, П. Герхарт).

Словарь Г. Элгера (1683) содержит исключительно лексический материал, а приведенные им пояснения, хотя местами и носят метафорический характер, невозможно считать фразеологическими, например:

tirāns - nabago ļaužu ēdājs, cenzors - grāmatā raudzenieks.

Словарь Я. Лангия (1685) в фразеологическом аспекте уже богаче, но фразеология в нем выделена в редких случаях. В словаре довольно много материала взято у Манцеля, в том числе и фразеологизмы, например:

lācis auzās (20) (Phras. Lettus, 276), brauc tikušie,
brauc braukdams (36) (Phras. Lettus, 364).

Есть и другие ФЕ:

izdevībās braukt (53) (precībās braukt), nelabs, pikts,
niknis gais (71) (negais), vienis prātis stāvēt (438).

Много заимствований из немецкого (трудно сказать, существовали ли они в языке, или это интерференция в язык самого Лангя), например:

mieru salauzīt (I63), Fried verstören;

mājās piemeklēt (I62), heimsuchen;

āran mācīties (I0), aupwendig lernen,

Подробнее о немецких заимствованиях будет сказано в главе о немецком влиянии на латышскую фразеологию. В словаре можно найти и библейскую ФЕ dienīšķa maize (440), хотя и в религиозном контексте.

Следует еще раз подчеркнуть, что остается неясным, в какой степени фразеология, содержащаяся в ранних словарях, отражает состояние языка и что является результатом интерференции в речи их авторов.

Обобщая, можно сказать, что именно в 17 веке началось заимствование фразеологии в латышский язык, заимствование, которое главным образом связано с духовной литературой и библией.

8.2. 18 век

18 век является веком постепенного присоединения частей Латвии к Российской империи (в 1710 г. - Видземе, в 1722 г. - Латгале, в 1795 г. - Курземе). Однако нельзя сказать, что в связи с этим кардинально меняются контакт-языки латышского языка. Более того, замена шведской власти русской приводит к усилению влияния немецких помещиков, которые получают полную власть на местах.

Вместе с тем все более расширяется издательская деятельность. По-прежнему издается довольно много религиозной литературы, переиздаются Библия, отдельные ее части, религиозные песни и т.д., вследствие чего в языке укрепляются библейские мотивы и фразеология. Письменность и язык 18 века характеризуется устойчивостью (Ozols, 1965).

Под влиянием немецких просветителей-рационалистов появляется и светская литература: публикуются календари, поучения, разные сборники информации по практическим вопросам сельского хозяйства, кухни, и т.д. Характерно для всех этих изданий то, что метафорические приемы в них отсутствуют. Так, в объемистой книге Г. Стендера " *Augstas Gudrības grāmata* " (1774), которая является настоящей энциклопедией для крестьян, фразеология представлена исключительно плохо:

skādi darīt (с.21), liels gabals (с.29), kaulu kaulos satriekt (с.32), muti aizbāzt (с.20), ciets pilsāts (с.65), asinis uz debesīm brēc (с.96), zemes tārpini (с.162), pasaules ēka (с. 163), taisnus ceļus iet (с.201, 239), - вот почти и все, что более или менее можно считать фразеологическим; остальные сочетания являются библейскими аллюзиями непереносного смысла -

ūdens plūdi (с.240), Bābeles tornis (с.210), ko sējis, pļaus (с.240) или составными терминами - zītariska uguns (с.31), uguns vēmējs kalns (с.83), stāvu zvaigznes, gāju zvaigznes (с.157), gaisa ceļš, piena ceļš, salmu ceļš (с.161), caurais vējš (с.200),

которые обычно позднее заменялись словами или другими выражениями.

Примерно такое же положение и в других книгах светского

содержания. Тем не менее видно, что библейская фразеология начинает проникать, пока еще в виде мыслей и цитат, в тексты другого содержания.

В противовес этой просветительской деятельности возникает довольно обширная литература по религиозной тематике так называемых "общин братьев" - "brāļu draudzes".

Немецкий язык на протяжении всего 18 века остается почти единственным языком, оказывающим большое влияние на латышский. Словарь Ланге (1777) содержит довольно большой фразеологический материал. Во введении автор дает критику ошибок в употреблении латышской фразеологии, допущенных церковными деятелями под воздействием немецкого языка, указывает в нескольких местах ошибочность употребления слова dzīt под влиянием немецкого treiben (elkdievību dzīt, maucību dzīt и т.д.). В словаре довольно широко представлен пласт поговорок и пословиц народного происхождения, частично сохранившихся в современном языке:

kam āboli, tam mielotāji (4), dzīvs miris uz darbu krist (90), niknas zāles visur ielasās (170), kas vilkam mežā ceļu rāda (392), baro nu suni, vilks jau pie aitām (392), meliem ir isas kājas, drīzi var panākt (192).

Много и двухкомпонентных фраз: miega meli (192) (пустая фантазия), sēnalu vācietis (290) (в последующее время kārklū vācietis), sirds skabardziņš (300) (300), aplīkam runāt (20), acis mest uz, acis trīs, ar acīm mest, aču mirklis, acīm redzot (44).

Последние две ФЕ могли быть и заимствованиями (augenblick, augenscheinlich). Есть и ФЕ фольклорного происхождения - tautas meita (392).

Немецко-латышский словарь (1782) также содержит приличное число ФЕ нейтрально-разговорного стиля:

skaidra nauda (141), tēva pēdās staigāt (2), nezināt kur dēties (983), daudz nebēdāt par kaut ko (27), augsti asti celt (87).

Но наиболее важен словарь 1789 г. - Lettisches Lexicon Стендера. В аспекте фразеологии он содержит самый богатый материал, особенно двухкомпонентные сочетания, которых несравненно больше, чем в любых других словарях этого периода. Это указывает на огромную роль сочетаний в языке. Здесь можно найти много ФЕ фольклорного происхождения - baltas dienas redzēt, līdz šo baltu dienu (16), saule lec, tek (238)

гипотетические старые финские заимствования bārdū dzīt (50), kāzas dzert (49), библейское maucību dzīt (51) . Много разговорных соматических фраз; например с компонентом "acs " (глаз) acis mest uz ko, ar acīm mest, ar acīm dzīvot, bez acīm būt, acīm redzot, ne acu galā/ ne savās acīs neredzēt, acu mirklis (II-I2).

Как видно, по сравнению со словарем Ланге пласт ФЕ серьезно расширен.

Некоторые ФЕ поясняются как типично латышские -

tas kož kaulā, kaulu kambaris, kaulus lauž,

что боль в костях у латышей ассоциируется с болезнью. Много ФЕ, которые в наши дни стали лексическими единицами:

caurais vējš (35I), vēja dzirnas (35I), acu mirklis (I2), asins dzērājs (7) /asinssūcējs?/, dzerama nauda (176).

8.3. 19 век

В 19 веке территориально Латвия входила в состав Российской империи. Война с Францией начала века особого влияния на латышский язык не оказала, разве что посредством русского языка, который в 18 - 19 вв. ассимилирует много галлицизмов. Власть в Латвии оставалась в руках немецких баронов, судопроизводство и образование осуществлялись на немецком языке (за исключением низших школ).

Вместе с тем в начале 19 века появилась латышская периодическая пресса, газеты, еженедельники, которые в большой мере подготовили почву для дальнейших событий, стандартизировали язык на основе среднелатышского диалекта.

В середине века началось младолатышское движение, возникли общества, театры, появились значительные художественные произведения, переводы с других языков, новая латышская интеллигенция возглавляла борьбу за будущее латышской нации и, конечно, за язык.

Началась большая работа по очищению языка от немецкого влияния, за утверждение статуса латышского языка. Младолатыши стремились приблизить к разговорному письменный язык, который еще во многих отношениях нес в себе старолатышские традиции. Языковой пуризм, развернутый ведущими деятелями интеллигенции, имел довольно ясную антигерманскую направленность. Это интересно в том смысле, что под пуризмом обычно понимают стремление к очищению литературного языка от иноязычных заимствований, неологизмов, а также естественного проникновения в литературный язык ненормированных лексических и грамматических элементов, между тем именно в этот период происходило широкое заимствование, связанное с ознакомлением латышей с культурой других на-

родов, с классической литературой и т.д. Таким образом, пуризм был направлен против немецкого влияния, но в то же время словарный состав быстро пополнялся заимствованиями из других языков, главным образом интернационализмами.

Что касается фразеологии, то пуризм почти не затрагивал сферу ФЕ, ибо большинство заимствований существовало в виде кальки, а калькирование в какой-то мере является скрытым способом заимствования. Более того, именно в это время в латышский язык проникли и утвердились многие беспереводные ФЕ. Итак, в середине 19 века сформировались основы национального литературного языка.

В последней четверти века удалось остановить сильнейший процесс германизации, но его место заняла руссификация: школы (даже начальные) и суды перешли на русский язык со всеми вытекающими отсюда последствиями для языковых контактов. Но латышский язык уже сформировался как язык нации, язык истинно художественной литературы, язык беспрецедентного собрания дайн. Вышли в свет многочисленные словари, появились латышские лингвисты, филологи. Культурные контакты начали играть ведущую роль в обогащении языка новыми ФЕ, хотя пока еще в большинстве случаев через языки-посредники - немецкий и русский.

В 80-90-е годы сформировался современный латышский национальный литературный язык с развитой фразеологической системой, включающей в себя множество заимствованных ФЕ.

Именно вторая половина 19 века явилась периодом широкого заимствования единиц. Так, хотя настоящие переводы многих произведений классической литературы появились лишь в 20 веке, но уже с середины века периодика пестрела аллюзиями к классическим сюжетам, литературе и т.д. Многие авторы целеустремленно обогащали язык этими оборотами, в результате чего во второй половине

века такие единицы, как

dons Kihots, Augija stāļi, Damokla zobens, prokrusta gulta, cīnities ar vējdzirnavām, iet uz Kanosu,

и многие другие уже являются неотъемлемой частью фразеологического фонда латышского языка. Параллельно в язык вливается множество беспереводных фраз, преимущественно латинского и французского происхождения.

Проследить за развитием языка (особенно в сфере фразеологии), пожалуй, значительно легче по периодике, чем рассматривая словари, которые сохраняют характерную для них консервативность и предлагают минимальный обзор фразеологии.

8.4. 20 век

Языковые контакты латышского языка в 20 веке весьма обширные и в большой степени связаны с исторической ситуацией. В начале 20 века Латвия являлась частью русской империи с вытекавшей отсюда ролью русского языка в административной и других сферах жизни. По-прежнему параллельно русскому свое место сохранял немецкий язык; власть баронов, городской элиты все еще была велика, хотя революция 1905 года серьезно поколебала ее. В первую мировую войну Латвия вновь оказалась под немецкой оккупацией, что привело к прямым немецко-латышским контактам; часть населения эвакуировалась в глубь России и возвратилась после войны с неизбежным "грузом" русской интерференции. 20-летний период между войнами был периодом стабильности. В 30-е годы вышел в свет монументальный словарь Эндзелина-Мюленбаха, который показывает богатство латышской фразеологии, хотя фразеологизмы в нем не выделены как единицы и корпус заимствованных единиц ограничен из-за пуристического подхода авторов. Развер-

нулась серьезная работа по очищению языка от ненужного русского и немецкого влияния, в том числе и во фразеологии. Однако языковой пуризм не всемогущ, и хотя некоторая часть нежелательных заимствований была из языка удалена, само заимствование продолжалось. Оставалось традиционным и знание большей частью населения трех языков.

Возросла также роль английского языка, который постепенно начал вытеснять немецкий как главный иностранный язык (в том числе и в школах).

Ориентация Латвии на Великобританию и США проявилась также в экономической сфере - торговле, пароходстве, что отразилось и на языке. В Риге были учреждены английский и французский институты по обучению языкам. Развивались контакты с другими странами.

В 1940 году Латвия была присоединена в СССР и началась новая волна русского влияния. В 1941 - 1945 гг. вновь усилилось немецко-латышское двуязычие. После 1945 года произошел постепенный переход к латышско-русскому двуязычию. Первые десятилетия после войны характеризовались жесткой изоляцией от внешнего мира, что отразилось на языке и привело к сокращению процесса фразеологического заимствования. В 60-е годы влияние английского языка на латышский язык начало постепенно возрастать, причем оно проявлялось в основном письменным путем, как непосредственно, так и посредством русского языка. Вновь вернулись в язык старые фразеологизмы и началось заимствование новых единиц из других языков.

В 20 веке усиливается влияние на язык культурных контактов по сравнению с воздействием этнических контактов. Мы полностью согласны с А.Л. Райхштейном, что "культурный и идео-

логический обмен между народами, межъязыковые контакты и соответственно заимствование и калькирование лексических и фразеологических единиц протекают с различной силой в различных сферах коммуникаций. Они максимально интенсивны в политической, экономической, научно-технической, культурной областях" (Райхштейн, 1979, с.5). Наиболее динамичное заимствование ФЕ происходит в публицистической литературе, особенно в прессе, так как "пресса более непосредственно и быстро воспринимает все то новое, что появляется в современном языке, а ее авторы - многотысячная армия корреспондентов, журналистов, редакторов, и т.д. - активно участвуют в обновлении словаря" (Розен, 1976, с.12). Благодаря массовым тиражам пресса становится главным популяризатором неологизмов (в том числе и заимствований) во многих областях общественно-политической, экономической и культурной жизни. Интересно, что заимствование письменным путем мало отражается на разговорном языке и просторечии. В этих областях доминируют простые, устные языковые контакты и заимствования (в случае латышского языка - русско-латышские языковые контакты).

В 20-30-е годы в Латвии была весьма оперативная пресса, печаталось огромное число переводов (переводилась почти вся классика мировой литературы и множество "несерьезной" литературы). Такая оперативность неизбежно приводила к некачественному переводу, к интерференции, в том числе и в сфере фразеологии. Окациональные кальки, нужные и ненужные, заполняли газеты, журналы и книги. Например, в предложении

Viena lieta ir skaidra - Hitlers ir nokavējis autobusu

(Jaunākās Ziņas, 5.4.1940)

использована оказиснальная калька английской ФЕ to miss

the bus , в предложении

Jau vairākkārt esam uzsvēruši, ka stratēgiski un saimnieciski Austrijai Eiropā ir "atslēgas pozīcija"

(Rīts, 12.07.1935) -

окказиональная калька английской ФЕ key position.

Другой отличительной стороной заимствования ФЕ 20 века и особенно его второй половины является исключительное положение английского языка.

Престиж языка, его распространенность играют большую роль при заимствовании: чем выше престиж языка, тем охотнее выучиваются и перенимаются отдельные его элементы (Lambert , 1977). Английский язык в этом отношении занимает уникальное положение: он является родным языком более чем 350 миллионов человек (Shipley , 1977, p. 12), государственным языком ряда стран на всех континентах (Великобритания, Ирландия, США, Канада, Австралия, Пакистан, Новая Зеландия, Сингапур, Малазия, ряд стран Западной, Восточной и Южной Африки и др.), используется в качестве второго языка во многих странах, одобрен как ведущий иностранный язык в школьных программах почти всех стран (English , 1984, p.2), обладает исключительным богатством выразительных средств, обширным словарным запасом и самым большим числом публикаций.

Как уже было отмечено, при переводе окказионально калькируется большое число ФЕ. Несмотря на множество факторов, обуславливающих заимствование, в подавляющем большинстве заимствуются ФЕ, новые в языке-источнике. Заимствование давно укрепившихся единиц в наши дни минимальное. Это определяется, во-первых, высокой ролью фактора актуальности при заимствовании и, во-вторых, быстрыми темпами языковых контактов в результате научно-

технической революции, особенно в сфере международных связей.

Те же факторы определяют вторую специфическую черту фразеологических калек 20 века, заключающуюся в том, что относительное число калек номинативно-терминологического характера значительно превышает число фразеологических калек коммуникативного характера (исходя из соотношения этих двух групп в языке-источнике и латышском языке); следует также указать на большое число калек общественно-политического характера, которые все время повторяются в прессе.

ФЕ терминологического направления, особенно по модели прилагательное + существительное, являются весьма продуктивными как в английском и русском (и не только в них), так и при заимствовании в латышском языке.

В этой связи следует рассмотреть вопрос о соотношении ФЕ и терминологических сочетаний. Одно, как-будто, исключает другое, так как термин в принципе не обладает образностью, экспрессивностью, находясь в терминологическом поле. Но мы не придерживаемся взгляда, что экспрессивность является главным критерием ФЕ. Гораздо более важен критерий устойчивости, а этим качеством терминологическое сочетание и ФЕ обладают в равной мере. "Часто встречающееся в лингвистической литературе противопоставление идиоматических сочетаний и терминологических обозначений несправедливо. Термины как раз близки к идиомам своей семантической автономностью и независимостью от контекста" (Капанадзе, 1965, с.54).

При переосмысленном значении составные термины не отличаются от ФЕ принципиально. Различия между ними не органичные, а функциональные, поскольку термины действуют в более узкой сфере. Другими словами, эти различия не больше, чем те, кото-

рые отделяют термины от других лексических групп, так как и простые и составные термины характеризуются ограниченностью:

а) употребления (применяются людьми одной профессии);

б) сферы номинации (обозначаются только реалии, относящиеся к профессиональной деятельности) (Прохорова, 1974, с. 285). К этому можно добавить, что один из способов образования терминов - переосмысление (метафора, метонимия), в результате чего эти термины являются идиоматичными. Например:

abolīna lapa - clover leaf (клеверный лист) (англ.).

Терминологические сочетания нескольких тематических сфер не свободны от оценочного момента и коннотативности, так как вызывают разные ассоциации у людей с разным мировоззрением (особенно политико-экономическая терминология). Например:

brīvā pasaule - free world (свободный мир) (англ.).

Таким образом, отсутствует четкий рубеж между некоторыми терминологическими сочетаниями и ФЕ.

Отметим также, что многие ФЕ терминологического характера не имеют точных лексических соответствий в языке - только ими можно обозначать явления и понятия действительности.

Например:

dzelzs priekškars - iron curtain (железный занавес) (англ.);

klusā daba - stilleven (натюрморт) (гол.).

Это означает, что эти ФЕ заполняют пробелы в номинации - "номинативный вакуум" (термин; принятый А.Г. Герингом, 1983, с. 13), что вообще не очень свойственно ФЕ.

В этой связи отметим, что мы никак не можем согласиться с мнением Л.П. Ефремова (1960, с.23), что "калькирование общественно-политических и научно-технических терминов относительно редко приводит к успеху, что является еще одним доказа-

тельством того, что этим способом воспроизводится, а не заимствуется вещественное значение иноязычного оригинала". Анализ материала показал, что в 20 веке именно в этих сферах наблюдается подавляющее большинство фразеологических калек.

Другую группу терминологических сочетаний составляют сочетания, которые при употреблении в "родном" терминологическом поле не являются ФЕ, так как у них полностью отсутствует переносное значение.

Однако в результате развития науки и техники в эру НТР, которая порождает массовое использование и популярность терминологии, развивается тенденция к употреблению ее в метафорическом смысле (Гладкая, 1980, с.133) в нетерминологическом контексте. Такое употребление сперва вызывает стилистический эффект - составной термин при его окказиональном употреблении как бы "зажигается" в новых контекстуальных условиях. Например:

Būsu priecīgs, ja republikā varētu izkustināt no "nāves punkta" dažu medniekiem un makšķerniekiem svarīgu preču ražošanu (Sports. 17.06.1987).

При частом использовании терминологическое сочетание становится фактом другой сферы языка (газетно-публицистической, разговорной или общелитературной). В результате употребления в другой тематически-функциональной области терминологическое сочетание может детерминироваться или ретерминироваться (Шувалова, 1978, с.6) в другой терминологической сфере, или "обслуживает" обе сферы; однако называть устойчивое словосочетание при его переносном (узуальном) использовании термином нельзя, хотя ФЕ и сохраняет с ним смысловую связь (Сидоренко, 1978, с.88).

В общих чертах переход терминологических сочетаний в ФЕ

заключает в себе следующие этапы:

а) "трансформацию" терминологического сочетания в не-терминологический контекст;

б) употребление терминологического сочетания в переносном смысле;

в) закрепление переносного значения путем регулярного употребления в общелитературном языке (Соловьева, 1981, с. 33).

Однако мы не можем согласиться с высказыванием Ю.Ю. Авалиани и А.М. Эмировой (1973, с. 68), что только при утрате всякой связи с реалиями они полностью покидают терминологические системы и приобретают статус собственно ФЕ. Такой подход противоречит диалектической природе ФЕ терминологического характера, которая содержит в себе элементы обеих категорий - и фразеологической и терминологической, и, более того, игнорирует первую группу терминологических сочетаний, рассматриваемую выше.

Как правило, функциональный круг ФЕ расширяется, переносное значение усиливает абстрактный характер, подводит словосочетание под широкий круг жизненных, чаще бытовых явлений (Сидоренко, 1978, с. III-II2).

Рассмотренные процессы касаются, главным образом, проблемы фразеологии в языке-источнике. При заимствовании же чаще всего переносится уже готовая ФЕ терминологического характера, обладающая экспрессивностью (тип первый), и терминологическое сочетание - фразеологизм (омоним), которое можно употреблять как в терминологическом, так и в переносном смысле.

Так, например, английская ФЕ dark horse, обозначающ-

шая в конном спорте лошадь с неизвестными скаковыми качествами, пройдя вторичную метафоризацию, приобрела политическую семантику (неизвестный кандидат на президентских выборах) и используется для характеристики неизвестного кандидата в любой сфере. Об этом свидетельствует и путь ФЕ от специального жаргона (1860) через разговорную речь (1900) к литературному языку (1940). При заимствовании этой ФЕ произошла ее смысловая генерализация - она начала применяться в самом широком значении. Например:

tumšais zirdziņš - dark horse (темная лошадка):
Starptautiskajā olimpiskajā komitejā Birmingemū dēvē
par "tumšo zirdziņu" (Sports, 22.8.1985).

(речь идет о кандидатурах городов на место проведения олимпийских игр);

Trijās nedēļās no nepazīstama "tumšā zirdziņa" līdz
valsts izlases dalībniekam (PJ, 24.5.1985);

... Rīgas "Celtnieka" meistarkomandai vispirms vajadzēja
savaldīt un tad arī apseglot (lasi - uzvarēt) pirmās
līgas "tumšo zirdziņu" - Voronežas vienību "Atoms" (PJ, 26.
2.85).

Таким образом, в общих чертах 20 век характеризуется расширением влияния русской и английской фразеологии и уменьшением, вплоть до полного прекращения, влияния на латышский язык немецкого как главного контакт-языка.

9. Гипотетические влияния на латышскую фразеологию

(финно-угорские и литовский языки)

Конкретных случаев гипотетического влияния на латышскую фразеологию очень много, что распространяется и на такие языки, как немецкий и русский. Вместе с тем существуют языки, влияние которых неоспоримо, особенно в ранние периоды развития латышского языка, однако конкретные данные о заимствовании получить трудно. Некоторые лингвисты вообще отрицают возможность таких исследований как спекулятивных в период до начала развитой письменности, т.е. 400 лет назад (Rūķe-Draviņa, 1985, p.228). К таким гипотетическим влияниям относится и финно-угорское.

Финно-угорские элементы в латышском языке (и в его говорах) исследованы довольно хорошо (Ваба, 1989, Rāge, 1970; Breidaks 1970, 1977), но главным образом на уровне лексики, где определение заимствований не представляет больших трудностей. Выявить фразеологические заимствования намного труднее, поскольку эти процессы, как правило, давние, и определение фразеологических заимствований идет, главным образом, на основе сравнения и сопоставления, и фразеологические параллели в латышском и эстонском или финском языках не всегда свидетельствуют о языковом контакте.

Между тем существование древних связей между балтскими и финно-угорскими племенами неоспоримо и наверняка оставило следы во фразеологии. Как известно, первые контакты между этими племенами возникли в третьем тысячелетии до нашей эры. Вторая волна балтских племен влилась в обжитую финнами Прибалтику в 6-8 вв. нашей эры. Хотя существует мнение, что при соприкосновении племен балты оказались более сильными и оттеснили финнов на север, можно предполагать, что финские племена в Прибалтике остались и

постепенно ассимилировались в балтских племенах. Процесс этот в Латвии по-настоящему завершается лишь в настоящее время ассимиляцией ливов. При такой ассимиляции неизбежно всасывание элементов языка.

Уже в начале 20 века Я. Эндзелин в работе "Латышские предлоги" (1906, с.137-138) писал, что в латышском языке замена префиксов наречиями встречается чаще, чем в литовском, например:

nākt zemē - maha tulema / votma;

raut pušu - katki kiskuma;

dabūt rokā - kātte saama;

kājā vilkt - jalga ranema.

Эти выражения - старые единицы латышского языка. Так, например, ФЕ dabūt rokā встречается в самом раннем известном произведении поэта Кикуля Екаба (1777).

... ko mēs riktīgi rokā esam dabūjuši. (Kikuļu Jēkaba dziesmas, Rīga, 1982, 73. lpp)

И позже в работах Я. Эндзелина можно найти отдельные указания на взаимодействие языков, допуская возможность, что такие ФЕ, как no galvas mācīties, bārdū dzīt, uz grūtām kājām, mutes dot, turēt prātā и др. могли быть заимствованными (1939, с. 218).

В работе, которая прямо посвящена влиянию ливского языка на латышский Я. Эндзелин отмечает, что "взаимное влияние латышского и ливского (или эстонского) языков проявляется и в семасиологии, и во фразеологии. Близость в этих сферах может быть частично случайной или обусловленной сходными условиями жизни" (1970, с.8-9). В этой связи Я. Эндзелин дает как примеры ФЕ no galvas (лит. iš galvos, эст. peast),

mates dot (эст. suud andma , финск. antaa suuta). Но исследователь допускает, что в других случаях такая близость, возможно, объясняется влиянием ливов или эстонцев, приводит в качестве примеров такие ФЕ, как rokā dabūt (эст. kätte saama), bārdū dzīt (эст. habet ajama), labā roka (эст. hea/parem A.B./ kāsi), zobus vadzī kārt (эст. hambad varna ranema).

Самым определенным образом о влиянии финно-угорских языков в сфере фразеологии Я. Эндзелин высказался в статье 1951 года (с. 301-302), где кроме уже упомянутых можно найти сведения о таких ФЕ, как pāri darīt (эст. üle tegema). Высказано предположение, что упомянутые выше и эти ФЕ возникли в латышском языке под влиянием ливского или эстонского языка, поскольку таких ФЕ нет в литовском, немецком и русском языках.

В этой же работе есть гипотетическое высказывание о возможном финно-угорском происхождении целого ряда ФЕ -

dot par ādu, ciemā iet, putnu ceļš, uguns pakulās, sirds nejem pretī, no sirds dibena (? A.B.), zobus vadzī kārt, gariem zobiem ēst, pa zobam, skaidrā naudā, ēst ar saldu muti, kāzas dzert, krustu nest, viss viens.

Сравнивая эти высказывания с другими, можно видеть, что суждения о происхождении многих ФЕ довольно меняющиеся.

С. Раге (1973, с.14-16) высказывает гипотезу, что такие фразеологизмы, как putnu ceļš, būt pa zobam, ēst ar saldu muti - финно-угорского происхождения. Указана и ФЕ kārt zobus vadzī адекватна которой только эстонская ФЕ hambaid varna riputama. Но и С. Раге оставляет открытым вопрос о том, является ли эта ФЕ результатом независимого развития языка или заимствованием и если заимствована, то из какого языка.

Отметим, что и ФЕ maksāt ragā наверняка представляет собой случай фразеологической транскрипции maksta raha.

Заканчивая обзор финно-угорских влияний, отметим, что как в эстонском, так и в латышском языке много параллелей - заимствований из немецкого языка (Kagaine, Rāge, 1971, 107.1pp), что часто сближает корпус ФЕ этих двух различных языковых семей.

Литовский язык, который является своего рода "старшим братом" латышского, тоже, по-видимому, оставил свой след в латышской фразеологии. Но этот вопрос представляется еще более сложным, так как, помимо географического и исторического соприкосновения, между этими языками имеется и близкая генетическая связь. Существует множество параллельных фразеологизмов всех типов, которые из-за генетической близости обоих языков, кажутся идентичными и по форме, и по смыслу, и по звучанию, например:

pūst miglu acīs - pūsti miglā i akis;

dieva pirksts - dievo pirštas;

vīrs kā ozols - vyras kaip ažuolas;

kā akmens no sirds - kaip akmuo nuo širdies;

no galvas līdz kājām - nuo galvos iki kojų;

galu galā - galų gale.

Многие из этих ФЕ имеют близкие или идентические параллели и в других языках, и вообще пласт соматических и компаративных единиц близкого типа восходит к древнейшему слою фразеологии, т.е. это ФЕ или независимого развития, или протобалтийского происхождения, т.е. вопрос является открытым и наверняка таким и останется.

В некоторых случаях возможно сравнение единиц. Так, ФЕ

dzīvo kā niere pa taukiem/taukos является омоложенным вариантом старой dzīvot kā īkstis taukos, которая имеет четкую литовскую параллель gyvena kaip inkstas taukuose. Омоложение произошло вследствие немецкого влияния путем замены слова "īksts" заимствованием "niere".

ФЕ lāpīt pagiras несмотря на то, что слово "pagiras" литовского происхождения, представляется исконно латышским творением, так как литовский язык обходится глаголом "pagirioti".

ФЕ dot valū (duoti valiū) и savā valā (savo valiai), надо полагать, литовского происхождения: первую из них подробно анализирует Бренце (Brence, 1963, с.260).

В обоих языках много и паремиологических параллелей:

vārna vārnai acī nekāb} - varnas varnui akies nekirs;

katrs pats savas laimes kalējs - kiekvienas yra savo laimēs kalvis.

Мы можем согласиться с высказыванием Э. Кокаре (1980, с. 24), что параллели латышских и литовских паремий по большей части носят двойной характер: во-первых, это прямые заимствования новейших времен и, во-вторых, параллели, присущие интернациональным типам, в которых мы встречаемся со старым генетическим сходством, и образованием, самостоятельно возникшие по старой унаследовательной модели в разные времена. Группа прямых заимствований по численности уступает второй. Контакты с литовским в основном маргинальные, и в литературный язык элементы попадали довольно редко через диалекты, говоры.

Латышский язык наверняка имел контакт со шведским и польским языками в сфере фразеологии, однако точные данные об этом получить трудно. В 19-20 вв. засвидетельствованы лишь отдель-

ные случаи окказиональных заимствований, например, окказиональная калька шведской ФЕ:

Nav labi būt pirmai: mazā norvēģiete Gerda Hellande - Bjeinstade nervozē un pēkšņi - plakš! - nokrīt uz sēžamās vietas. Publikā iešalcas līdzcietības saucieni: "Ah - iestādīja bieti!" Labāk neklājas arī otrai norvēģietei: arī viņa, kā zviedri saka; "iestādīja bieti" - nokrita uz sēžamās vietas (Jaunākās Ziņas, 1938, 34).

или польское беспереводное заимствование:

Nozuduši arī "chlopie" un "upadam du (do A.B.) nog".
Jaunie laiki prasa citas īpašības - darbības (Balss, 1883, 48).

10. Фразеология, заимствованная из отдельных языков

10.1. Библейская фразеология

Как и во многих европейских языках (Харазиньска, 1987), в латышском языке никакой другой литературный источник не дал так много фразеологизмов, как Старый и Новый Завет. Установить число этих фразеологических заимствований трудно, так как существует множество вариантов ФЕ, статус многих единиц колеблется между аллюзией на библейский текст и установившимися в языке ФЕ. Более того, многие варианты ФЕ так далеко отошли от библейского прототипа, что их источник трудно установить. Существуют многочисленные ФЕ без библейских прототипов, но связанных с Библией. Большая часть фразеологических заимствований библейского происхождения укоренилась в языке, полностью ассимилировалась. Число таких фразеологических заимствований достигает примерно 250.

Долгое время Библия была почти единственной книгой чтения и слушания, если принять во внимание, что и другая религиозная литература в большой степени основывалась на текстах и языке Библии. Таким образом, в течение многих десятилетий Библия параллельно устному народному фольклору служила для латышского народа образцом письменного языка. Поэтому библейские легенды, мотивы, наряду с особенностями языка, глубоко проникли в латышскую культуру и литературу.

Как пишет Т. Зейферт: "И когда позже появились писатели из среды самого народа, которые отражали жизнь народа (Нейкен, братья Каудзитес, Апсишу Екабс, Порук), они имели уже духовный мир, который строился на фундаменте Библии. То международное, что уже распространилось на весь мир, в известной мере стало

народным. Рассказы, типы, символы, которые стали достоянием всех культурных народов Европы, с переводом Библии стали в полной мере известны и латышам" (1922, с. 285).

Таким образом, с позиций литературоведения перевод Библии имел огромное значение для развития литературных представлений и образов.

Полный перевод Библии (1685-1689), как и у многих других народов, является первым крупным памятником латышского языка - краеугольным камнем старолатышской письменности и старолатышского языка.

Таким образом библейская фразеология, отражающая элементы как языка, так и литературы и культуры, представляет собой первый слой заимствованной фразеологии, который имеет точные прототипы.

Просмотрев многочисленные издания Библии (Šaurums, 1935), можно прийти к заключению, что за 300 лет фразеология в библейских переводах изменилась минимально. Более того, и существующие в языке фразеологизмы библейского происхождения являются исключительно стабильными, сохраняя тождество с первыми переводами. Самый ранний перевод частей Библии (частично Евангелий и посланий апостолов) Г. Элгера содержит меньше фразеологического материала, чем перевод Глика. При этом сравнение показывает, что в обоих переводах многие ФЕ или их зародыши переведены идентично:

ar akmeņiem nomētāt, pazudušā avs, šķirt avis no āžiem,
kvēlainas ogles uz galvas krāt, likt svenci apakš pūra.

Но есть и различия:

pakšakmens (Элгер) - stūrakmens (Глик);

viltīgi Prophetes - viltīgi pravieši;
trīsdesmit sudraba groši - trīsdesmit sudraba gabali;
balss tā saucētāja iekšān tuksnesī - balss tāda sludinātāja ir tuksnesī; kalpot mamonam - kalpot mantai.

Перевод Глика (осуществленный им в течение 8 лет с одним помощником в сравнении с переводом М. Лютера, который работал над ним с несколькими помощниками 13 лет) с точки зрения фразеологии является очень удачным: он установил библейский фразеологический фонд латышского языка, который, за исключением семантики, сохранился в почти нетронутом виде. Отметим, что фразеология в значительно большей степени, чем лексика, сохраняет старые и даже архаические формы и элементы - это черта, характерная для фразеологии.

Конечно, с течением времени менялись и ФЕ, но грамматические изменения (как синтаксические, так и морфологические) в большой мере определялись общими тенденциями развития языка. Диахронические изменения на лексическом уровне малочисленны и касаются отдельных единиц. Например, словосочетание saucēja balss tuksnesī (глас вопиющего в пустыне) в первом переводе Библии (1689) появляется в следующем виде:

Viena balss tāda sludinātāja ir tuksnesī (Jesaja, 40, 3);

Tur ir balss viena sludinātāja tuksnesī (Mat., 30, 3).

Изменения произошли в издании 1739 года:

Viena balss tāda saucēja ir tuksnesī.

Tur ir balss viena saucēja tuksnesī.

Дальнейшие изменения касаются уже грамматической конструкции.

Похожие изменения произошли и в ФЕ mazgāt rokas nevainībā

(умывать руки).

В Евангелии от Матфея мы видим проис-

хождение этого фразеологизма.

Когда Понтий Пилат дал согласие на казнь Иисуса Христа, он pēma ūdeni un mazgāja rokas ļaūžu priekšā sacīdams "Es esmu nevainīgs pie šī taisnā asinīm" (Mat., 27,24).

Но фразеологическое оформление этого оборота есть в Псалтыре (26,6;73,13). В переводах до 20 века эта ФЕ имеет следующие лексические компоненты: Es mazgāju savas rokas iekš nepoziedzības (Ps., 26,6).

Аналогичным изменениям подвергались ФЕ смертный грех и корень зла:

nāves grēks - grēks uz nāvi (Jāņa I.vēst., 5,16);

ļauņuma sakne - sakne visa ļauna (Tim. I.vēst., 6,10).

Однако самые серьезные диахронические изменения произошли на фразео-семантическом уровне – полисемия, вариантность, фразеологический эллипсис, изменение значения, лексикализация.

Исходя из типов заимствования, следует отметить, что в библейских переводах, как и в библейской фразеологии, отсутствуют транскриптивные и беспереводные ФЕ. В Библии фразеология представлена исключительно кальками; в языке довольно много полукалек, которые являются укоренившимися аллюзиями на библейские персонажи, собственные имена, например:

Ījaba vēsts, Kaina zīmogs, Noasa šķirsts, Metuzāla vecums, Zālamana lēmums, Jērikas stabules, Ēdenes dārzs, nabaga Lācars, kalpot mamonam, Sodoma un Gomora, sūtīt no Pontija pie Pilāta.

Своего рода исключениями являются две полукальки debesu manna (см. дальше) и paradīzes dārzs/vārti которые существуют уже в Библии.

Долгое время библейские обороты использовались, главным образом, в религиозных контекстах, но в середине 19 века библейская фразеология обрела истинно фразеологический статус, независимый от контекста:

Ķēl tikai, ka šī nākotne nav domājama, kā tuvu esošā - bez upuriem un viņu gādnieku sevišķām pūlēm, bet ka arī šē jāsēj, lai varētu plaut, jāsēj tiem, kam spēja (Kr. Valdemārs. Par latviešu un igauņu pievilksanu jūrniecībai. /1857/ - Grām.: Kr.Valdemāra rakstu izlase. R., 1938. 290. lpp).

Рассматривая ФЕ, связанные с Библией, видим, что эта связь может быть очень разной - от прямой до далекой аллюзии.

I. Первую группу составляют ФЕ, имеющие прямые фразеологические прототипы в Библии, т.е. уже в библейском тексте эти словосочетания претерпевают метафорический перенос.

redzēt skabargu cita acī, bet neredzēt balķi savā

(видеть соринку в чужом глазу, а в своем не видеть и бревна).

Bet ko tu redzi skabargu sava brāļa acī, bet balķi savā paša acī neieraugi? (Mat., 7,3).

Tāpēc, mīlie brēcēji, ņemiet to mācību vārā: Papriekš izvelc balķi no savas acs un tad raugi skabargu no sava brāļa acs izvilkt (Sēta, daba, pasaule. III) Tērbata, 1860, 79. lpp).

Tā raugi, iznāk: otra acis skabargas skatītājs bieži pats sava balķa sajūst nespēj (Padomju Jaunatne, 21.01.86) Zemes sāls (соль земли).

Jūs esat zemes sāls, bet ja sāls nederīga, ar ko tad sālis? (Mat., 5,13).

"Liekulīgi pasludinādams inteligenci par zemes sāli", rakstīja Raskolņikovs, "Jūs atņēmat iekšējās brīvības" minimumu rakstnieka, zinātnieka, gleznotāja darbam (Liter. un Māksla, 04.09.1987).

Vilks avs drēbēs / drānās (волк в овечьей шкуре).

Sargaities no viltus praviešiem, kas pie jums nāk avju drēbēs, bet no iekšpuses tie ir plēsīgi vilki (Mat., 7,15).

Kristus tādus ļaudis sauca par vilkiem avju drēbēs un par nobaltētiem kapiem (R.Kaudzīte, M.Kaudzīte. Mērnīku laiki. R. 1964, 65.lpp) /1879/.

Vai tie nebija visistākie padomju varas ienaidnieki, vilki avju ādās, kas tur rīkojās? (I. Sokolova. No tautas tautai. R., 1977, 93. lpp).

2. В библейском тексте имеется много словосочетаний, употребленных в прямом значении, но со временем они обрели в языке метафорический перенос и стабильность, превратившись в ФЕ.

Mest (pirmo) akmeni / akmeņus uz kādu (бросить (первым) камень).

Kas no jums ir bez grēka, tas lai pirmais met akmeni uz viņu (Jāņa, 8,7).

Tādēļ viņi arī tik ātri maina savus uzskatus, tik ātri ceļ debesis un mētā akmeņiem ... (Baltijas Vēstnesis, 1900,86).

Puškina nāve, - turpina I. Gordins, - ir spilgtākais piemērs, kā apmētāja ar akmeņiem pravieti (Rīgas Balss. 12.08.1986).

Aiz septiņiem zieģeļiem / zīmogiem (за семью печатями).

Tad es redzēju labajā rokā tam, kas sēd uz goda krēsla, grāmatu, aprakstītu iekš- un ārpusē, apzīmogotu septiņiem zīmogiem (Jāņa parād. 5,1).

Tamdēļ (tādēļ?) viņam diženā pūra bagātais pārļu un zītara, zelta un dimantu saturs, kas sirdi iepriecina un prātus pacilā, palicis septiņiem zieģeļiem aizzieģelētais noslēpums (Pārstrauta Jānis un viņa "Domas par tautiskās dzejas nodibināšanu, no Kalnīnīka. R., 1882).

"Gudrinieki" Līnos bija iepēmuši īpašu istabiņu, kur tie turpināja savas debates par sauli, mākoņiem un par "septiņiem zieģeļiem" (J. Poruks. Kopoti Raksti, 2,R., 1924, 297. lpp).

Kurš arbitrs tiesās kārtējo spēli - tas ir noslēpums aiz septiņiem zīmogiem (Sports, 25.01.1987).

Jo darba un līdz ar to dzīves vērtības un jēgas apzināšanās Vikai ir palikusi slēgta aiz septiņiem zieģeļiem (Sieviete, 1987, 7, ,17. lpp).

Kauls no kaula (miesa no miesas)(КОСТЬ ОТ КОСТИ (ПЛОТЬ ОТ ПЛОТИ)).

Un tas dievs sacīja: šī nu ir kauls no maniem kauliem, un miesa no manas miesas ... (I. Mozus, 2,23).

... katru rakstnieku apspriežot tie bez noguršanas nepnikuši sauc un gaviļē, ka "tas ir kauls no maniem kauliem un miesa no mūsu miesas!" (Dienas Lapa, 1893, 200).

Viņš, spēka pilns zemes rūķis, kauls no zemnieku kaula, alka vērienīgāka darbalauka, plašāku apvāršņu (V. Pūce. Nelaikā piebaidīts. R., 1982, 28. lpp).

3. Третью группу составляют ФЕ, не имеющие прямых прототипов в Библии (обычно они содержат отдельные слова, взятые из библейских мифов, и т.д.). ФЕ возникла как аллюзия на мифы, события, явления в Библии и обрела стабильность в языке. Так, в Библии нет словосочетания *Bābeles tornis* (I. Mozus, II, 1-9) (вавилонская башня). Выражение возникло из библейского мифа о попытке построить в Вавилоне башню, которая должна была достигнуть неба. Когда строители начали свою работу, разгневанный бог "смешал их языки", они перестали понимать друг друга и не смогли продолжать строительство.

... tagad jautā arī pēc tā, kā gan tās dažādās valodas patiesi un pēc mūžīgiem likumiem cēlušās (nav mana vaina, ka augstais Bābeles tornis jau par zemu priekš filologijas stāvokļa) un kā sader un t.pr.

(A. Kronvalds. Runa. 1871.g.) - Kronvalda Rakstu izlase, R., 1937, 333-334. lpp.).

Bet lasi viņu visadas svizes, klausies viņu dažādas valodas: tev izliksies kā pie Bābeles torņa (Austrums, 1885, 5, 271. lpp.).

"Kādu tad jūs, Gravas jaunkundz, šodien Bābeles torni cēlāt; man visa jūsmīgā runa par Puškinu sajuka"...

(P. Rozītis. Valmieras puikas. R., 1936, 53. lpp.).

"... visādos paveidos "daudzkrāsainajā" izdevniecībā, sava veida Eiropas latviešu Bābeles tornī vieniem viņš bija par vieglu sverams, citiem problematisks ...

(Dzimteres Balss, 12.03.1987).

Noasa škirsts (I. Mozus., 6,7) (Ноев ковчег).

Выражение возникло из библейского мифа о всемирном потопе, во время которого спасся только Ной со своей семьей и

животными, так как бог заранее научил его построить ковчег.

Словосочетания Noasa šķirsts в Библии нет.

Kā satriekts Noasa šķirsts aizpeldēja kādas liellaivas atliekas (Ē. Adamsons, Smalkās kaites., 1937, 134.lpp.).

Ātri šķūnis pildījās ļaudīm, it kā kad ūdens plūdi būtu uznākuši un šķūnis būtu bijis glābjošais Noasa šķirsts (Balss, 1880, 4).

Un tāpat katra kārtā ir kā Noasa šķirsts, pilns ar tīriem un netīriem radījumiem (Latvija, 1913, 241.lpp.).

Vai "Noasa šķirsta principu", iespēju robežās cenšoties nevienu autoru "neatstāt aiz borta" (un tomēr "aiz borta" vienmēr kāds neizbēgami paliek!)? (Liter. un Māksla, 06.09.1985).

Otra Noasa šķirsta nebūs.

Otrais Noasa šķirsts neizklūs sveikā no kodolplūdiem (Dzimtenes Balss, 26.02.1987).

Neticīgais Toms (Jāņa, 20, 24-29) (Фома неверный).

В Евангелии от Иоана один из апостолов Фома, когда ему рассказали о воскресении распятого Христа, заявил, что не поверит этому, пока не увидит на его руках ран. Словосочетания в Библии нет.

Še man būtu vārdu vietā jāuzraksta tikai punkti, tūkstošiem punktu, kur Tev, daiļā lasītāja un neticīgais Toms - lasītājs, būtu pašiem jādomā un jāsejūt, cik neizmērojami dziļš, salds un brīnišķīgs bija šis spārnotās ligavas skūpsts (Poruks. Kopoti Raksti. I.R., 1924, 170.lpp./1895).

Kur nu šis dabūs lakatiņu - kāds neticīgais Toms

piezīmēja (Ž.Grīva. Zem albatrosa spārnēm.R., 1956, 50.lpp.).

Tad Veltā pamodās spīts: "Es tiem neticīgajiem tomiem parādīšu" (Karogs, 1979, II, 130.lpp.).

Taču arī neticīgajam Tomam no sirds novēlu padomāt par to ... (Liesma, 1985, 4.20.lpp.).

Однако эти три большие группы лишь поверхностно отражают соотношение библейских переводов и фразеологии языка. Наиболее значимые процессы происходят в самих фразеологизмах и они направлены, главным образом, на расширение фразеологического фонда. Наиболее часты следующие изменения.

I. Вариантность

Она имеет разные истоки и функции. В диахроническом аспекте выделяется проблема архаизмов в составе ФЕ.

Как уже было указано, фразеология долго сохраняет архаические элементы (в латышском языке эта тенденция затрагивает, главным образом, лексический состав ФЕ, в русском и грамматику). Как пример архаических элементов в грамматике ФЕ можно привести такую единицу, как *vaiga sviedros* ; правомочной была бы *ar sviedriem vaigā/os* , что иногда и употребляется, например,

Ekspertu grupa /.../ darbojās tēlaini runājot, ar sviedriem vaigā (Cīņa, 1986, 267).

но первый вариант намного популярнее. В основном это касается лексических компонентов. В этой связи мы обратимся к соотношению фразеологизма и его компонентов. Именно существование вариантов, замена (частичная) архаических компонентов более новыми словами, показывает, что хотя слова в составе ФЕ имеют ограниченную автономность, они не теряют ее вообще. Фразеологические компоненты сохраняют свое значение свободной связи и связь с лексической и грамматической системами языка (Попов, 1976,

с. 144). Только так можно объяснить изменения в составе ФЕ, они "модернизируются" в результате натиска изменений лексической системы. Чем меньше идиоматичность ФЕ, тем сильнее она чувствует развитие лексики.

Нормализующее влияние языка рано или поздно отражается и на фразеологии, хотя это отнюдь не означает, что старые формы автоматически исчезают. Например, ФЕ: aiz septiņiem ziegeliem/zīmogiem (за семью печатями). Развитие лексической системы таково, что слово zīmogs полностью вытеснило слово ziegelis, которое считается архаизмом. Тем не менее во фразеологии этот архаизм сохранился, и несмотря на отдельные пожелания лингвистов (Orlovska, 1975, с. 50) употребляется намного чаще нового варианта, например:

... gudrību, ko līdz tam vācu meistari slēpa no latviešiem aiz septiņiem ziegeliem ... (Dzimtenes Balss, 18.12.1986).

... šī slepenā arhīva vākos atrada tādas medicīniskus dokumentus, kurus pat hitleriskajā Vācijā glabāja, kā saka, aiz septiņām ziegelēm (B. Poļevojš. Beigu beigās. R., 1971, 109.lpp.).

Ja tā otrā - sociālistiskā pasaule, kuru tā nīst Federatīvās republikas varasvīri, tev ir absolūti sveša. Īstenībā grāmata aiz septiņām zēgelēm (M. fon Brauhičs. Bez cīņas nav uzvaras. R., 1976, 240.lpp.).

Tagad prese raksta un televīzija rada tādas lietas, kas necik sen bija aiz septiņiem ziegeliem. (Zvaigzne, 1987, 24.2.lpp.).

Jūs gaidat atbalstu darbiem, kas ir noslēpums aiz septiņiem ziegeliem? (Avots, 1987, 9,78.lpp.).

Как видно, старый вариант является столь привлекательным, что употребляется даже без точного знания правильной формы.

Несколько иначе трансформировалась ФЕ pēc gīmja un līdzības (по образу и подобию). Слово gīmis условно архаизировалось в своем значении только в литературном языке (замещено словом seja), но существует как слово разговорного языка и просторечия. И хотя в наши дни в ФЕ его нередко заменяет слово seja , например:

Ja paļautos inercei, tad šī masu produkcija sāktu jauno cilvēku modulēt pēc savas sejas un līdzības (Liter. un Māksla, 16.5.1986).

старая форма все еще доминирует.

Gandrīz ikviens izglītības ministrs gribējis mūsu skolū dzīvi pārveidot pēc "sava gīmja" un pēc "savas līdzības" (Domas, 1927, 3, 236. lpp.).

Nevaru ciest, ka vecākā paaudze dažreiz mūs mēģina 'taisīt' pēc sava gīmja un līdzības (Padomju Jaunatne, 30.12.1986.).

В некоторой степени это может объясняться тем, что слово gīmis сохранилось в переводах Библии до 1970 года, когда изменение все же было сделано, но другого типа:

Darīsim cilvēku pēc mūsu tēla un mūsu līdzības (I. Moz. I, 26).

Представляется, что и этот перевод не сможет существенно изменить судьбу этого фразеологизма.

Надо отметить и то, что существование архаического элемента в ФЕ совсем не означает, что и сам фразеологизм устарел, архаизировался.

В языке существует довольно много библейских ФЕ, имеющих как архаические, так и современные варианты, многие из которых

находятся как бы в равновесии.

Но есть и случаи, когда старые варианты исчезли полностью в современном языке, например:

aprakt savu talantu (зарыть талант в землю).

В евангелической притче речь идет о господине, который, уезжая, поручил рабам охранять свое имение; одному работу он дал пять талантов, другому - два, третьему - один. (Талант - весовая, потом денежная единица /греч. *talanton* /). Первые два раба употребили деньги в дело, а третий раб зарыл свой талант в землю. Этот мотив довольно подробно обыгран в Евангелии от Матфея (25,15-30).

Это место в разных изданиях Библии интерпретировано поразному (Мат. 25,25).

... un es bīdamies nogāju un apslēpu tavu podu zemē
(1689, 1825).

Es baidījos, un aizgāju un apraku tavu talantu zemē
(1938, 1970).

Таким образом, долгое время в словосочетании укоренился первый вариант. В некоторых фрагментах и в последних переводах эта особенность сохранилась, например (Мат. 25,15):

Un vienam viņš deva piecus talantus (podus) (1938,1970).

Первый вариант библейского сочетания укоренился и в форме фразеологизма в 19 веке.

Kad nu es negribu nebūt Jūsu rupjības un nepatiesības
"podu" "rakt zemē", nedz likt "uz augļiem", tad piesūtu
Jums tās visas atpakaļ ... (Pārstrauta Jānis, no Kalne-
nieka, R., 1882., 149. lpp.).

... tā šai momentā es sajūtu sevi par aicinātu stāties
ar saviem gara ieročiem jūsu vidū, dārgie tautieši un

centīgie Slātavas jauneklī, jūsu vidū un par jums, jo savu podu es aprakt nedrīkstu! (R. Kaudzites, M. Kaudzites. Mērnieku laiki. R., 1964., 340. lpp).

Jums ir mākslinieka dāvanas, lielas dāvanas, tikai nu nepalikt pusceļā, bet tās glītot un kopt kā dārgu mantu. Neaprociet savu podu zemē, ko dievs jums uzticējis! (Zeiboltu Jēkabs. Ūdens burbuļi. 1985, 166.lpp /1900/).

В 20 веке новый компонент "talants" вытеснил старый компонент:

... man liekas, ka man būs jāpāriet uz kādu citu, labāku komandu, citādi es te savu talantu pavisam aprakšu.

Es vienkārši nevaru te izvērsties (E. Vilks. Cilvēki ar vienu patiesību. R., 1949., 137. lpp).

Tev arī nav tiesību savu talantu aprakt nepiemērotā darbā. (M. Bendrupe. Upe izkāpj no krastiem. R., 1957., 65. lpp).

Но вариантность по линии от архаического и новому не единственный вид. Намного больше простых вариантов ФЕ, которые в отдельных случаях подчеркивают тот или иной нюанс ФЕ или способствуют использованию единицы в разных контекстах, например:

celt /dibināt/ būvēt kaut ko uz smiltīm (в Библии
uzstādīt/ celt uz smiltīm) (строить на песке).

Teodora kungam nav nekāda pasaules uzskata, nekāda nešaubīga pamata, tā tad viss, ko viņš būvējis, ir kā kārēu namiņš, ir uz smiltīm būvēts, ir laicīgs ... (Austrums, 1888, 7, 847. lpp.).

Tik ilgi, kamēr Vācijai neizdošoties sagraut Lielbritānijas spēku, Hitlera impērija būšot dibināta uz smiltīm (Cīņa, 1940, 36.).

Savelkot galus kopā, negribētos secinājumus un cerīgas ainas attēlot uz smiltīs būvēta optimisma (Sports, 05.02.1986).

Mēs zinām, ka šie aprēķini bija celti uz irdenām smiltīm, bet tie bija Hitlera priekšlikumu pamatā (Dzimtenes Balss, 20.08.198).

Во многих случаях, когда прототип функционирует в латышском языке, возможны его варианты, которые можно считать и аллюзиями к библейскому тексту. Эти варианты в языке так же прочно укоренились, как и сам прототип. Например, словосочетание "trīsdesmit sudraba gabali" (тридцать сребренников) в неизменном виде существует во всех изданиях Библии (Мат., 26,15), но при фразеологическом употреблении оно далеко не самое популярное. Более известны варианты Jūdasa graši и (trīsdesmit) (sudraba) graši:

Drīz aplenca tevi daudzums spiegu ... Skan Jūdasam jūdasa graši cimdā. (A. Brūklenājs. Izlase. R., 1955, 61.lpp.).

Taču jūdasa grašu straumīte beigu beigās izsīks (Rīgas Balss, 29.01.1987).

... trīsdesmit grašu ordenis ir cilvēces kraupis ... (A. Bels. Saucēja balss. R., 1975, 93. lpp.).

Vai tie nebija apsolītie trīsdesmit sudraba graši Jūdām - falsificētājam (Dzimtenes Balss, 27.02.1986).

... kas par sudraba grašiem pārdevuši savu dzimteni (Dzimtenes Balss, 15.08.1985).

Piemini tu manus vārdus: tā nauda ir Jūdasa nauda,
viņai nāk sodība pakā, ja ne pašiem, tad pie bērniem,
kuri top tad arvien par palaidņiem (R. Kaudzītes,
M. Kaudzītes. Mērnieku laiki. R., 1964., 209. lpp).
Vēlāk es, pārdomādams dažus faktus, nācu pie pārli-
cības, ka starp teroristiem ir bijis viens, kas visu
zināja un sarēja savu Jūdasa algu (J. Akuraters. Diena
atspīdumi. R., 1924, 94. lpp.).

Столь же многочисленны варианты фразеологизма aizlieg-
tais auglis (запретный плод) (Mozus 2,16-17), при-
чем вариантность затрагивает оба компонента - aizliegts au-
glis, aizliegtais auglis, grēka auglis, saldais auglis, aiz-
liegtais ābols, bīstamais ābols, pazišanas ābols, atzīšanas ābols;
к тому же эти словосочетания часто комбинируются с компонента-
ми kost, nobaudīt, nogaršot; такое множество вариантов,
конечно, расширяет стилистические и экспрессивные возможности
языка:

Lai kristu grēkā, ir vajadzīgs saldais auglis (Skola un
Ģimene, 1987.I. 29. lpp).

Vai kāds brīnums, ka tieši grib izgaršot šo vēl nesen it
kā "aizliegtu augli" (Rīgas Balss, 26.08.1987).

... pieradums ir tik pat lipīgs kā grēka augļa vilinā-
jums (Liter. un Māksla, 30.01.1987).

... nākamgad "Straume" būs to pagaidām nedaudzo kolek-
tīvu skaitā, kas kodīs saimnieciskā aprēķina pazišanas
ābolā - tik cerīgi vilinošā un riskanti biedējošā ...
(Cīņa, 17.12.1987).

Visas cīnīšanās algu,
Mērķi visu centiemu
Turēja viņš tagad rokā -
Atzišanas ābolu.

(Aspazija. Kopoti raksti. 2. R., 1931, 190.lpp.) /I894/.
Pašam Ostniekam arī sevišķi negribējās braukt, bet no
Lapiņa priekšlikuma bija grūti izlocīties. Bija vien
jākož bīstamajā ābolā (A. Grigulis. Kā lietuss un vēji
sitas logā. R., 1965, 485. lpp.).

... pieradums ir tikpat lipīgs kā grēka augļa vilinā-
jums (Literatūra un Māksla, 30.01.1987).

Reizēm viņi dziedāja, spēlēja kārtis, pat dejoja ...
Tie bija, pretams aizliegti augļi --- (A. Birkerts. Pe-
dagog, 304. lpp.).

Еще своеобразнее история ФЕ klupšanas akmens/piedau-
zības akmens (камень преткновения). В Библии в нескольких
местах идет речь об этих понятиях (Īsaja, 8, 14, Pāv. vēst.rom.
9,32-33). Последнее претерпевает следующие изменения:

Raugi es lieku iekš Cionas vienu akmini tās piedauzi-
šanas un vienu akmini tās apgrēcības (I689, I739,
I794);

Raugi es lieku iekš Cionas vienu akmini tās piedauzi-
šanas, un vienu akmina kalnu tās apgrēcības ... (I825);
Redzi, es lieku Cīanā piedauzības akmeni, klinti, pār
kuru jāklūp (I638, I970, 1988).

Таким образом, обе ФЕ библейского происхождения и свя-
заны между собой. Об этом свидетельствуют также примеры из
литературы и периодики 19 века, где значения ФЕ почти иденти-
чны.

Bet šoreiz šis akmens viņam jeb, pareizāk sakot viņa vāgim tapa par piedauzīšanas akmeni (Austruma kalendārs. Rīga, 1894, 39. lpp.).

... Cipfelbrinks ... palika par to piedauzības akmeni pār kuru Pēteris klupa un savu vietu zaudēja.

(A. Deglavs. Rīga. I. 1951. 89. lpp.) /1910).

Mūsu tautas nākotne atrodas sievietes - mātes rokās, tādēļ te nedrīkst būt laipošana, nedrīkst būt pat sātība, jo tā ir krišana, resp. piedauzīšanas akmens katram nespēcīgam raksturem ... (Ausekļa kalendārs 1915. Rīga, 1914, 18. lpp.).

Но с течением времени значения обеих ФЕ все более различались (хотя и этот процесс не нашёл отражения в латышских словарях, где обе ФЕ даны как идентичные). ФЕ piedauzības akmens которая обычно означает klupšanas akmens, приобрела новое значение:

Kā tu domā sadzīvot ar viņu? Kā piedauzības akmens viņa tev būs tavā amatā (A. Upīts. Kopoti raksti. 8. Rīga, 1922, 303. lpp.) /1922/.

... miegs bija un palika Viļa Vēdzeles piedauzības akmens, kas sagādāja tam ne visai pamatotu slīpņa un miegamīces slavu (J. Vanags. Stāsti par Daugavu un Lielupi. Rīga, 1954, 136. lpp.);

Kas tad īsti or šis piedauzības akmens, kas iestrēdzis starp abām kaimiņienēm ... (Rīgas Balss, 17.4.1985).

Godīgi sakot, "Jauju" arhitektūra kļūst par piedauzības akmeni (Padomju Jaunatne, 25.3.1986);

Kur slēpjas "klupšanas akmens", ja sportists apstāties

meistarības izaugsmē? (Rīgas Balss, 31.01.1987);

Ja G. Priede ir aizskāris šo tematu, acīmredzot arī mūsu sabiedrībā ir izveidojies kāds klupšanas akmens, pret kuru daudzi atdurās, bet pāri tiek retais (Padomju Jaunatne, 30.01.1987).

Toreiz šajā jautājumā klupšanas akmens bija SAI (Cīņa, 16.4.1987);

Taču ne jau teatrālisms ir galvenais klupšanas akmens. (Cīņa, 21.8.1987).

Мы уже затронули проблему архаизации фразеологии, говоря о вариантности, когда архаические лексические элементы в ФЕ вполне уместны в современном языке. Но были и библеизмы, которые действительно устарели. Интересно, что они обычно не имеют лексических архаизмов в своем составе – устаревает сама ФЕ, ее значение, метафорический обзор, символ. Обычно место старой ФЕ занимает другая ФЕ, так как язык не допускает вакуума в системе. Так, во второй половине 20 века из языка практически исчезла ФЕ *apjozt gurnus* (препоясать чресла) (Лука, 12, 35)., которая была довольно популярна в 19 веке и еще в начале 20 века.

Celies un pasteidzies

Gurnus sev jozt,

Visu veco dzīvi

Sev nokrati nost!

(J. Rainis. Kopoti Raksti. I.R., 1947, II4. lpp.) /1903/.

Tu esi Eduards, es Eduards – vai tas neskan simboliski?

Tad, lūk, apjoz savus gurnus, ņem zobenu un ej cīņā.

(E. Salenieks. Tā viņi strādāja. R., 1967, 355. lpp.).

Kad Latviets gurnus jozis,

Kad turēsies kā vīrs.

(Rugēns, 1841. Literatūra un Māksla, 4.3.1988).

Кажется функцию этого фразеологизма перенял фразеологизм латышского происхождения aut kājas, который более понятен и отвечает современной действительности.

Устарела и ФЕ ārste, dziedini pats sevi (врачу - исцелился сам) (Luka, 4,23), которая довольно часто употреблялась в 19 веке. Представляется, что некоторое влияние на архаизацию этой ФЕ имел факт изменения грамматического статуса слова "ārste".

... piesūtu Jums tās visas atpakaļ līdz ar tām parakstītām dziedināšanas receptēm, un turklāt visas tāpat, kā tās no Jums sarakstītas, vai latviski, vai vāciski, vai franciski, vai latiniski, pielikdams tik to vārdu: "Ārste, dziedini pats sevi!" (Pārstrauta Jānis un viņa "Domas par tautiskās dzejas nodibināšanu" no Kalnenieka. R., 1882, 21. lpp.).

Библейские ФЕ, имеющие литературный характер и, следовательно, во многих случаях довольно расширенную структуру, часто поддаются эллипсису. Мы различаем эллипсис узуальный и эллипсис окказиональный. Очень многим библейским ФЕ свойственны эллиптические формы наряду с полными, т.е. они имеют несколько количественных узуальных вариантов с идентичной или сходной семантикой, например:

((viegļāk) kamieliņ) izlīst) caur) adatas aci

(Mat., 19,24, Luka, 18,25, Marks, 10,25) (удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко).

Uzvarēt Madrides "Real" pieredzes bagātos basketbolistus viņu mājās ir tas pats, kas kamielīm izlīst caur adatas aci (Sports, 15.03.1986).

Vēsture, uz kuru cerēja "Celtnieka" līdzjutēji, ticot, ka arī šoreiz komanda kā pirms pieciem gadiem pēdējās trijās kārtās izlīdīs caur adatas aci, protams, neatkārtojās (Sports, 14.02.1987).

Caur adatas aci - līderos (Padomju Jaunatne, 19.10.1984).

Uz augstāko līgu - vairās adatas acs (Sports, 07.12.1985).

Можно упомянуть такие эллиптические варианты ФЕ, как: pārdot (savu pirmdzimtību) (par lēcu virumu), (grāmata) aiz septiņiem zīģeļiem, mazgāt rokas (nevainība), pēdējais piliens (kausā/bikerī), kauls no kaula, (miesa no miesas) и др.

Иногда эллиптические ФЕ изменяют свою семантику, например saucēja balss (tuksnesī) ; эллиптическая форма не имеет того безнадежного смысла, который заложен в полной форме. saucēja balss tuksnesī (глас вопиющего в пустыне) (Jesaja, 40,3; Mat., 3,3 u.c.).

Taču visi šie aicinājumi izskanēja kā saucēja balss tuksnesī (Padomju Latvijas Komunisti, 1968, II,63. lpp.).
... un atkal no uguns izauga seno cīpu ainas, un atskanēja saucēja balss - vārdi nemirst (A. Bels. Saucēja balss. R., 1973, 186.lpp.).

Характерной и очень распространенной чертой библейской фразеологии является полисемантичность ФЕ. Ни одна группа заимсво-

ванной фразеологии не имеет такого богатства значений. Полисемантичность единицы обычно рождается в результате расширения семантического объема ФЕ и укрепления автономных значений. Этот процесс затрагивает, главным образом, ФЕ второй группы, т.е. единицы, которые в Библии употреблены в прямом смысле. Они обладают широкими возможностями для развития разных фразеологических значений, например ФЕ dieniškā maize (хлеб насущный) (Мат., 6, II).

1. Хлеб:

Stāvu negarā rindā pie kases, groziņā pusklaips dieniškās maizes un piekodus, kādas nu ir. (Cīņa, 01.04. 1987).

... jo konstruktors nebija kaut kāds diletants, kam galvā svilpo tikai ideju vēji, bet profesionālis, kam tā ir dieniškā maize, sviests un desa (A. Kolbergs. Cilvēks, kas skrēja pāri ielai. R., 1978. 216. lpp.).

2. Необходимая пища:

Tikai tad, kad latviešu mākslinieka darbiem radīsies nopērmēja publika, kurai pateicoties viņš būs atsvabināts no rūpēm par dienišķo maizi, varēs būt runa par istu mākslas uzcelšanu (Pēterburgas Avīzes, 1902, 06. 10. Nr. 80).

Viņi gribēja palikt dzīvi, pūlējās pasargāt sevi un bērnus, saglabāt savu iedzīvīti un nopelnīt dienišķo maizīti (Avots, 1987, 7, 65. lpp.).

3. Главное в жизни:

Tie ir tie nedaudzie, kam māksla nav vis modes lieta, sports vai laika kavēklis, bet kas to saprot, dziļi

izjūt, tajā dzīvo, kam māksla ir dienišķā maize
(Zalktis, 1907,2);

Papīrs, kā zināms, taču ir visas poligrāfijas dienišķā maize (Rīgas Balss, 1971,73).

Kauls no kaula, miesa no miesas (кость от костей, плоть от плоти) (I. Mozus, 2,23).

I. Ребенок, дети, близкий родственник:

- Bet es taču esmu kauls no viņu kaula - tu to zini!

- Tu biji kauls no viņu kaula, bet turpmāk ..., jau tagad tu esi mūsējais (V. Lācis. Akmerainais ceļš. R., 1964, 321. lpp) /1938/;

Lai arī pašu bērni, kauls no viņu kaula un miesa no viņu miesas, tomēr jaunajā pasaulē par daudz kustējušies ... (M. Kalndruva. Tīrumā. R., 1963, 214. lpp.).

2. Идея, что-то идейно родственное:

Tādēļ arī tikai "Oņeginā" un "Piķa dāmā" viņš sasniedzis to augstumu, kādu viņam ļāva sasniegt tā bagātais talants, radīdams mākslas darbus, kuri ir kauls no mūsu kauliem un miesa no mūsu miesas. (Dzimtenes Vēstnesis. 1909, 42.).

Reakcionārās aprindas sāka apzināties, ka nacisms ir kauls no viņu kaula (Dzimtenes Balss. 05.12.1985).

apsolitā zeme (обетованная земля) в Библии обозначает Палестину, куда бог привел евреев из египетского плена. Аллюзия к этой фразе появляется во 2-й книге Моисея (3,8-17), а само словосочетание содержится в Новом Завете.

(Pāv. vēst. ebr., II,9):

Ticības spēkā viņš apmetās apsolītajā zemē kā svešinieks (I938).

В 20 веке эта ФЕ приобретает следующие значения.

1. Палестина или Израиль:

Kā mūs sagaidīja "apsolītā zemē" (Jaunākās Ziņas, 01.07.1936).

Uz vienu dienu, rau, Elga vīra vadībā izceļoja uz Apsolīto zemi - Izraēlu (Dzimtenes Balss, 29.01.1987).

2. Место, о котором кто-то мечтает, хочет туда попасть:

Vēl kāds raksturīgs gabaliņš par laimes meklētājiem "apsolītā zemē", Maskavas guberņā, iz jaunākiem laikiem (Zemkopis 02.07.1914).

Lūk, ģenplāna "apsolītā zeme" sanatoriju celtniecībai Jaunķemeros (Māksla, 1987, Nr. 3, 18. lpp.).

Kā oāze tuksnesī, kā apsolītā zeme Kurzeme atkal paceļas iedomā (A. Upīts. Kopoti Raksti. VIII, 91. lpp).

3. Место благополучия, счастья, идеальные условия, высшее счастье:

... Kuba un Nikaragva bija īstas "apsolītās zemes" organizētajai noziedzībai, arī narkotisko vielu ražošanai, apstrādei un kontrabandai (Cīņa, 13.03.1987); Tikai nepilnu gadu viņš bija dabūjis nodzīvot Jaunajā Pasaulē. Savu apsolīto zemi Valdis Vītols joprojām nebija atradis (V. Lācis. Putni bez spārniem. R., 1949, 375lpp.).

Некоторые ФЕ-библейзмы подвергались изменениям конотатив-

ного значения. Так, например, ФЕ labā roka nezina, ko kreisā dara (правая рука не знает, что делает левая) в Библии употреблена во вполне позитивном значении (Мат., 6,3).

Bet kad tu tos nabagus apdāvē, tad lai tava kreisā roka nezina, ko tava labā dara (I689, I794).

В современном употреблении эта ФЕ всегда имеет негативную коннотацию.

Tajā bargi tika norāts Jūrmalas gausums šajā jomā. Partiesi, labā roka nezina, ko dara kreisā (Karogs, 1988, 5, 131. lpp.).

Ķēdes reakcija sākas un attīstās, jo labā roka nezina, ko dara kreisā (Avots, 1987, 9.76. lpp.).

Некоторые ФЕ прошли процесс, который в определенном смысле можно назвать переидеологизацией семантики. Так, ФЕ kas nestrādā tam nebūs ēst (2.vēst. tesal. 3,10) (кто не работает, тот да не ест) берет свое начало в Библии, а в настоящее время используется как принцип коммунистической идеологии.

Ja tas negrib strādāt, tam arī nebūs ēst (I689).

Ja kas negrib strādāt, tam arī nebūs ēst (I970).

Pats mūsu pestītājs saka: "Kas negrib strādāt, tam arī nebūs ēst" (R. Kaudzītes, M. Kaudzītes. Mērnieku laiki. R., 1964, 91. lpp.).

Par katru godīgu darbu - godīgu algu. Tas ir princips, pie kā turas padomju darba ļaudis. "Kas nestrādā, tam nebūs ēst" - tā rakstīts Staļina konstitūcijā (Cīņa, 1940, 39.).

Некоторые ФЕ подвергались весьма сложным семантическим изменениям. Так, ФЕ manna no debesīm / debesu manna (манна небесная) не имеет прототипа в Библии. По библейскому мифу,

манна трактуется как пища, которую бог посылал иудеям с неба (2. Mozus, I6, I4-I6, 3I) , а между тем слово "манна" означает еврейское восклицание - "что это такое?"

В разных переводах Библии это место интерпретировано по-разному (2. Mozus, I6, I5) :

Kad to tie Izraēļa bērni redzēja / tad sacīja tie viens uz otru: tas ir Mann / jo tie nezināja, kas tas bija (I689);

Kad to tie Izraēļa bērni redzēja, tad sacīja tie viens uz otru: kas tas ir? (I825);

... tad tie sacīja cits uz citu: Kas tas ir? (I937);

Kad Izraēļa bērni to ieraudzīja, tie sacīja cits citam: "Man hu? kas tas ir", jo tie nezināja, kas tas bija (I970).

Таким образом, уже в первом издании Библии произошло изменение семантики, а затем укоренился беспрецедентный перевод с сохранением оригинала.

ФЕ обычно употребляется в языке в развернутой форме:

nokrist kā/ ilgoties pēc/ gribēt/ cerēt uz debesu mannu:

... ne jau debesu manna, bet tīri laicīga naudiņa tam vajadzīga (Rīgas Balss, 1962, 20.);

Kolhozs "Sarkanais stars" ir no tām saimniecībām, kas negaida mannu birstam no debesīm (Dadzis, 1979, I6, 3. lpp);

Cerēt, kā mēdz teikt, uz mannu no debesīm mēs nevaram (Padomju Jaunatne, 12.04.1985).

Рассматривая этот и дальнейшие примеры, отметим, что не все ФЕ-библейзмы вошли в язык с Библией. Так как 80-90% этих ФЕ интернациональны (в каждом языке существует группа библейз-

мов, специфических для данного народа), возможно, что часть их проникла в латышский язык из другого языка. Так, ФЕ alfa un omega (альфа и омега), основанная на первой и последней буквах греческого алфавита (сравнить с "no a līdz z" / "no a līdz cet" ни в одном переводе Библии не дана как alfa un omega или как A un O, а переведена как A un O

(Jāņa atkl. I,8):

Es esmu tas A un O (1689, 1794);

Es esmu A un O (1938).

Но в текстах единица употребляется как alfa un omega:

... "aukstais karš" bija Rietumu diplomātijas alfa un omega (Liter. un Māksla. 1959, Nr. 52, 4.lpp.);

Šis tēls Zariņa un Ezeras romānos koncentrē sevī to, ko es varētu nosaukt par literatūras alfu un omegu: cilvēciskā gara tieksme pēc jauniem ideāliem, pašas cilvēka būtības meklējumus (Liter. un Māksla, 1985, 32.).

Таким же образом в разных видах существует ФЕ kalpot mamonam (служить маммоне):

... šāda "mamona" kalpošana visas dievīgas jūtas un svētas saites saraustīdama top par nāvīgu zīesmu, kas visu cilvēku aizrauj pēdīgā postā (Latviešu Avīzes, 1873, 51.).

В библейских переводах ФЕ существует в виде полной кальки:

Jūs nevarat dievam kalpot un mantai (Mat., 6,24).

Представляется, что ФЕ заимствована из немецкого языка:

Ihr könnt nicht Gott dienen und dem Mammon.

ФЕ sūtīt no Poncija pie Pilāta, обозначающая волокиту

в делах, возникла из евангельского рассказа (Luka , 23,1-12), о том, что Иисус был приведен к Понтию Пилату, римскому прокуратору в Палестине. Понтий Пилат, узнав, что Иисус уроженец Галилеи, направил его к Ироду. Когда же Иисус отказался отвечать Ироду, тот отослал его обратно к Понтию Пилату. Таким образом, ФЕ возникла на основе ошибочного понимания самого мифа, а факт, что такая же ФЕ имеется в других языках (немецкий - jemanden von Pontius zu Pilatus schicken, , русский - посылать от Понтия к Пилату), свидетельствует о том, что заимствование произошло не от прототипа, поскольку вероятность ошибочного восприятия у нескольких народов весьма мала.

Diemžēl joprojām notiek kooperatoru sūtīšana no Poncija pie Pilāta (Zvaigzne, 1988, 16,3.lppš).

... LPSR Ministru Padomes un Valsts plāna komitejas vadītāji R. Praude un M. Ramāns žurnālistu sūtīja no Poncija pie Pilāta (Lauku Avīze, 10.9.1988).

Библейская фразеология диахронически тесно связана с проблемой соприкосновения лексики и фразеологии в том аспекте, что наблюдается лексикализация некоторых ФЕ. Например, в первых переводах современное сложное слово stūrakmens (краеугольный камень) (Isaia , 28,16) писалось частично через дефис stūru-akmens . В 20 веке лексическая форма полностью вытеснила фразеологическую.

Bībeles dogma un tautas dziesmu tradīcijas tad arī ir tie divi stūrakmeņi, uz kuriem balstās Apsīšu Jēkaba māksla (A. Upīts. Latviešu literatūra. I.R., 1951.50.lpp.).

Ā. Kīses dzīves pamatu veido divi galvenie stūrakmeņi - Latvijas sporta vēsture un ātrslidošana (Sports, 1981, 150).

ФЕ grēka āzis (козел отпущения) в Библии не имеет прототипа. В Библии (3 Mozus , 16,21-22) описан еврейский обряд возложения грехов на живого козла и изгнания его в пустыню. Следовательно, в формальном аспекте по своему происхождению это словосочетание является фразеологической единицей. На современном этапе доминирует лексикализированный вариант grēkāzis.

Bet tagad milicijai esot cita versija, tā visiem spēkiem meklējot grēkāzi, kurš it kā būtu varējis Biksanu sasist jau pirms aizturēšanas (Padomju Jaunatne, 24.07.87.).

Puiši pēc "karstām pārrunām" nolēma ievietot sienas avīzē karikatūras par abiem grēkāžiem (Liesma, 1964, 3,30. lpp.).

Но параллельно сохраняется и фразеологический вариант. ... kad masās sāk brīst nemiers, tad šie "nacionālisti" mēģina atrast kādu "grēka āzi", kam uzvelt vainu par saviem darbiem (Cīņa, 1940, 15.).

Tas uzzinājies, kas to grēka āzi nospiež ... (Zvaigzne, 1957, II., 8. lpp.).

Существуют и другие ФЕ (как правило, двухкомпонентные), которые имеют лексические варианты, например vīges lapa (фигурный лист) (I, Mozus , 3,7).

Būtība nav jaunās fasādēs, jaunās izkārtņēs un jaunās vīges lapās (Liter. un Māksla, 24.07.1987).

Часто встречается также просто сложное слово.

Tādējādi programma 03 sāks kalpot vīgeslapu republikas atbildīgu amatpersonu neizdarības piesegšanai (Liter. un Māksla, 28.08.1987).

Отметим, что библейская фразеология, будучи самой старой, является полностью ассимилированной и в употреблении обычно не ассоциируется с источником. О том, что выделять библейскую фразеологию как особую функционально-стилистическую группу (как в русском языке из-за старословянских элементов) в латышском языке не целесообразно, свидетельствует многообразное употребление их, когда библеизмы выступают как народные выражения, пословицы. Причем такая тенденция не нова, она существовала и в прошлые времена:

... un beigās piekarina kaut kāda "kalendera ideju",
piem. "kas otram bedri rok, tas pats iekrīt; labdarišana
atnes augļus, kas dzer tas nāks ellē" utt.

(Dienas Lapa, 1893, 200); (Ps.7,16; 9,16. Zal.māc.,
10,8).

Jā, arī latviešiem ir sakāmvārds: cita aci redz skabargu, bet savā balķi ne ... (Padomju Jaunatne, 25.
12.1986).

Лишь те ФЕ, которые содержат имена собственные (как правило, полукальки) или имеют структурно-семантические особенности, в какой-то степени несут в себе религиозную окраску.

Zālamana spriedums:

Vismaz nākamo vasaru lai staigā vecajos paltrakos.
Patiesi tas ir Zālamana spriedums (E. Salenieks. Tā
viņi strādāja. R., 1967, 246. lpp.).

Sodoma un Gomora:

Pilsētā nav tīra gaisa, un pilsētā nav arī tīra gara.
Pilsētām vajadzēja dot tikai vienu no diviem vārdiem:
Zodoma vai Gomora (J. Poruks. Kopoti Raksti.2., 1924,
255. lpp.).

Kaina zīme/ zīmogs:

Visupirms Raņķis no tā traipekļa izbījās, tad gribēja viņu nopurināt un noslaucīt, sacīdams: "Nost, nost, tu ļaunā Kaina zīme! Vai gribi mani nodot? (R. Kaudzītes, M. Kaudzītes. Mērnieku laiki. R., 1964, 396. lpp.) /1879/.

10.2. Фразеология греческого происхождения

Источником греческой фразеологии в латышском языке являются Новый Завет (см. раздел о библейской фразеологии) и древнегреческая мифология и культура.

Отметим, что греческий язык довольно длительное время существовал в форме разных диалектов, из которых самыми значительными были эпический и аттический, причем последний со временем стал основой литературного языка (**koinē**). Далее произошло разделение греческого языка на литературный язык, который продолжал укреплять и искусственно стимулировать особенности аттического диалекта, и на новогреческий разговорный язык. Практически все заимствования произошли из древнегреческого языка, и эти ФЕ носят выраженный литературный характер. Большая их часть заимствована с помощью латинского языка или еще более опосредованно, по схеме древнегреческий - латинский - русский, немецкий, французский - латышский язык. Именно из-за этой роли латинского языка часто говорится об античной фразеологии.

Так, например, в основе широко известной латинской ФЕ vita brevis ars longa (жизнь коротка, искусство долговечно) лежит изречение Гиппократа ho bios brachys, hē de technē makrē, а популярная фраза Плаута QUEM DI diligunt adolescens moritur (те, которых бог любит, умирают рано) является переводом фразы Менандра hon hoi theoi philousi apothneskei neos.

Многие ФЕ связаны с древнегреческой мифологией, философией, литературой. Вопрос об их происхождении не однозначен, поскольку многие из этих ФЕ не имеют точных эквивалентных прототипов в греческом языке. Так, в эпосе Гомера нет ни ФЕ, ни словосочетания Trojas zirgs (троянский конь), хотя речь идет и о Трое и о коне. Следовательно, этот фразеологизм, хотя и не имеет прототипа в греческой литературе, но родился на основе греческого мифа, т.е. греческого происхождения, а заимствован, вероятно, из немецкого языка (Trojanisches Pferd)

ФЕ homēriski smiekli (гомерический хохот), которая заимствована через русский или немецкий язык, вообще-то французского происхождения rire homérique, так как в греческом языке этого оборота нет. Громкий хохот упоминается в "Илиаде" и "Одиссее" и в греческом языке обозначен asbestos gelōs, что означает продолжительный хохот. В переводе тоже отсутствует ФЕ homēriski smiekli:

nerimās smiekli nu skali (Iliāda, I.599);

sacēlās smiekli bez gala (Odiseja, 8,326);

Atēna sacēla tobrīd neapvaldītus smiekļus (Od., 20, 346).

Таким образом, и эта ФЕ является аллюзией из эпоса Гомера.

ФЕ греческого происхождения заимствуются лишь в периоде становления литературного языка, что обусловлено их литературным характером. Хотя серьезных переводов самой греческой литературы еще нет, в периодике и особенно в литературной критике все чаще появляются единицы, мотивированные греческой культурой, чему, конечно, содействует существование этих ФЕ в больших языках, контактирующих с латышским. Часто авторы сознательно вводят

эти ФЕ, поясняют их происхождение и т.д., например:

Jeb vai jūs nekad nevarat un nespējat aizmirst, jo jums tur, tēvu zemē, vēl Herkula un Tezeja darbi izdarāmi (A. Kronvalds. Rakstu izlase. R., 1937, 341.lpp. - Runas. 1871.).

... tautas augumu tas katrā brīdī gatavs likt Prokrusta gultā un to vai nu pārsināt vai pastiept, skatoties pēc formulas (Dienas Lapa, 1895, 153).

Vīpi uzdeva tādēļ vienam no sava pulka, ar vārdu Drakon-tam, lai pagērētos likumus izstrādā. Tas bargums, ar kādu šis muižnieks savu uzdevumu izdarīja, kļuva par sakāmo vārdu. ļaužu mute liecināja, ka Drakonta likumi ir ar asinīm rakstīti (A. Kronvalds. Rakstu izlase. 305. lpp. Solons. 1873).

Tikko jau paši garu velk un ar savu plato vai Platona mīlestību lielās, bet beigās nav tās pašas šaurās (Kaudzites R.M. Mērnieku laiki. Jelgava, 1879. 33.lpp.).

Появляются и отдельные бэспереводные ФЕ, которые в современном языке часто не употребляются:

panta rhei (panta kinetai); in thesi, in praxi:

Ko līdz šim in thesi sacījuši, tas mums nu in praxi jāpierāda (Austrums, 1888. 845 - 854).

Так постепенно в языке аккумулировались многочисленные греческие аллюзии - ФЕ, как правило, фразеологические полукальки (самый высокий уровень полукалек всех языков заимствования, как относительно, так и вообще):

Ahileja papādis, Ariadnes pavediens, Augija stalli,
Damokla zobens, danaju dāvanas, ēdipa komplekss,

Gordija mezgls, starp Scillu un Haribdu, Herkulesa darbi/
stabi, himeneja saites, homēriski smieki, olimpisks
miers, paniskas bailes, Pandoras lāde, apseglot Pegazu,
Sizifa darbs/ mokas, Tantala mokas, Temīdas svāri, Trojas
zirgs, Prokrusta gulta, platoniska mīla

и т.д.

В языке укоренилось и много ФЕ-высказываний, принадлежащих греческим философам, писателям, поэтам:

no diviem ļaunumiem izvēlēties mazāko

(из двух зол выбрать меньшее). - Аристотель "Этика Никомаха";

viss tek/ plūst, viss mainās (все течет, все меняется).

- Пераклит Эфезн;

ēst, lai dzīvotu, nevis dzīvot, lai ēstu (есть, чтобы

жить, а не жить, чтобы есть). - Сократ;

no mušas iztaisīt ziloni (из мухи сделать слона).

- Лукиан;

viena bezdelīga pavasari nenēs (одна ласточка

весны не делает) . Эзоп;

ko dievi grib pazudināt, tiem atņem saprātu

(кого бог/ Юпитер хочет погубить, того лишает разума). -

Ликург.

Un viena bezdelīga, kā zināms, vēl par pavasari nevēsta

(Liter. un Māksla. 6.3.1987).

Mēdz teikt, ka viena bezdelīga pavasari nenēsot. (Zvaigzne. 6,1986, 13. lpp.).

Pirmās Latvijas hokeja jauno pavasari vēstošās bezdelīgas atskanēja ... (Padomju Jaunatne. 17.4.1985).

Tagad - viss plūst, viss mainās. (Zvaigzne, II.1987. 24.lpp).

... kā jau senie grieķi teikuši, "viss plūst, viss mainās".

(Jūrmala. 6.12.1990).

Есть и группа ФЕ, отражающих факты, действительность и легенды греческой культуры и жизни (как правило, полукальки):

<u>Arhimeda svira</u>	(Архимедов рычаг),
<u>Diogena moca</u>	(бочка Диогена),
<u>drakoniski likumi</u>	(драконовские законы),
<u>delfu orakuls</u>	(дельфский оракул),
<u>Ēzopa valoda</u>	(язык Эзопа),
<u>stoisks miers</u>	(стоический мир),
<u>spartiska dzive</u>	(спартанская жизнь)..,

и даже такой термин, как aklā zarna (аппендикс):

Tadi "Ēzopa valodas" vārdi, sākot ar "bizmani", lietoti jau PA pirmajā darbības gadā. (Karogs, 10, 1952)

Nolādēta Ēzopa valoda. (Liter. un Māksla. 2.9.1988).

В греческом языке можно найти начало понятия spārnoti vārdi - epea pteroenta ("крылатые слова" - Гомер, Илиада, I, 201), но новую семантику этой фразе придал немецкий язык (см. немецкие заимствования).

Что касается изменений в заимствованных ФЕ, то в течение века они минимальны, затрагивают, главным образом, написание отдельных транслитерированных элементов, например: pāniskas bailes - paniskas bailes - (старая форма сохраняла порвоначальный образ бога Пана (Pāns), который наводил внезапный ужас на людей):

Herkula/ Herkulesa darbi, drakonta/ drakoniski likumi,

Ahilleja/ Ahilesa papēdis/ plankums (наверно,

интерференция из русского языка - ахиллесова пята):

Kā viņam pieklūt? Kur ir viņa Ahilesa plankums? (V. Lācis. Senču aicinājums. R., 1965. 273. lpp.).

Tikai ienaidnieki nīgrī smīn, meklē Ahilesa papēdi

(Cipa, 1967, 2I).

Festivāls parādīja radošās jaunatnes "Ahileja papēdi" - nepietiekamu prasmi diskutēt (Liter. un Māksla. 28.II. 1986);

starp Scillu un Haribdu/ starp Skillu un Haribdu

(с возможностью варьирования компонентов):

Kā tas jādara, to izteikt grūt, vaj pavisam neizteicams, tas ir noslēpumainā, nepazīstamā spēka uzdevums, kas spējīgs deļot bezdibeļa malā, garām palaizdams Scillu un Haribdu (Skatuve, 1906, 70).

Ja tev jāizbrauc starp Haribdu un Skillu, kurā pusē tu turētos? (J. Kalniņš. Andrejs Pumpurs. 1964, 86. lpp.). Par to tu saņēmi rājienus, bet pēc tam - ordeņus, atceries? Nu tad tāpēc. Katram, draudziņ, ir sava Skilla un Haribda (Lauku Dzīve, 1987, 8, 19. lpp.).

Damokla šķēps/ zobens

(последний вариант вытяснил прежний).

Aiz loga gulēja nakts. Pār viņu galvām karājās Damokla šķēps. (A. Birkerts. Nolādētais. Rīga, 1958. 149. lpp.) /1910/.

Draudi kļūt par bezdarbnieku - Damokla zobens virs galvas karājies smalkā matiņā. (Rīgas Balss, 2I.04.1987).

Несмотря на довольно ограниченное число (более 50) единиц греческого происхождения в латышском языке, они обладают большой рекуррентностью, так как будучи интернациональными, часто употребляются в прессе и публицистике.

10.3. Фразеология латинского происхождения

Как и в большинстве европейских языков, в латышском языке широко представлена латинская фразеология. Она составляет самым большой слой беспереводных заимствований, а также калек и полукалек (более 300). Множество ФЕ представлено как в беспереводном, так и в калькированном виде:

O tempora, o mores - ak laiki, ak tikumi, alea jacta, est - kaulipi ir mesti, deus ex machina - dievs no mašinas, mens sana in corpore sano - veselā miesā vesels gars.

Латинскому языку принадлежит и наиболее существенный вклад в становление иноязычного корпуса латышского языка.

Беспереводная фразеология латинского происхождения - это также первая беспереводная фразеология, которая укоренилась в латышском (письменном) языке.

Уже в середине 19 века использование латинских фраз не носит окказионального, частного характера, несколько беспереводных единиц уже прошли стадию вкрапления. Тем не менее авторы все еще дают и перевод этих ФЕ, что свидетельствует о сомнении в уровне знаний читателей:

Romniekiem ir sakams vārds: qualis rex, talis grex!,
tas ir pa latviski: kāds gans, tāds ganams pulks un
tiesa gan ir (Mājas Viesis, 1856, 8).

Ubi bene, ibi patria (Kur man labi klājas, tur man
tēviņa (Dzeijas no Ausekļa. Rīga, 1873).

Si vis pacem, para bellum (Ja gribi mieru dari karu)
(Auseklis. Dzeja, 1872).

Cits latīņu vārds: "duobus certantibus tertius gaudet", jeb latviski "kād divi plūcas, tad trešais gaviļē, jo tam nāk tas labums", tikpat labi apzīmē vācu stāvokli mūsu Baltijā. (Balss. 13.1.1882).

Параллельно и вместе с беспереводными ФЕ в языке укореняются фразеологические кальки, хотя по сравнению с современными в несколько другой форме.

Kur labi klājas, tur ir man mājas (Mājas Viesis, 1859, 19).

Ak jūs laiki un ierašas! (Pēterburgas Avīzes, 1862, 26).

(в современном языке - ак лаики, ак тикуми).

... "errare humanum est" (aloties ir cilyēcīgi) (Austrums, 1885, 12.814.lpp.).

Te bij zelta laiki, kur es pasauli valdīju (Pēterburgas Avīzes, 1862, 2. pielik.).

О полной ассимиляции многих латинских ФЕ говорит тот факт, что на грани веков в большинстве случаев употребляется лишь один вариант ФЕ - или беспереводный или калька.

Nožēlodams, ka nevarēju piedalīties pie raksta, ko jums nosūtīja latvieši no mūsu Alma Mater (Baltijas Vēstnesis, 1882, 71).

Vislabāk varbūt ir, ja rakstnieks tūdaļ, in medias res sāk mums jau pašā sākumā kādu atgadījumu stāstīt ... (Balss, 1980, 76).

Un, kā man liekas, jānuden! "In vino veritas" -

Nav tikai tukši vārdi vien. (Nirga, 1905, 5. lpp.).

Visnoteiktāko valodu gan liekas runājot simfonijas pēdējā daļa "Adagio Lamentoso", kurš ir savā ziņā īsts "memento mori" (Pēterburgas Avīzes, 1902, 103).

Аккумуляция новых заимствований продолжалась в течение всего века и полностью не остановилась и в современном языке, хотя в общих чертах можно охарактеризовать фонд латинских фраз как очень стабильный. В современном языке полностью укоренилось более 300 латинских ФЕ, причем большой удельный вес занимают пословицы и поговорки, афоризмы и сентенции:

atkārtošana - zināšanu māte (repetitio est mater studiorum);

dāvātam zirgam zobos neskatās (equi donati dentes non inspiciuntur);

ja gribi mieru, gatavojies karam (si vis pacem, para bellum);

maizi un izrādes (panem et circenses);

nauda nesmird (non olet pecunia);

nekas cilvēcis man nav svešs (humani nihil a me alienum puto);

skaldi un valdi (divide et impera);

steidzies lēnām (festine lente);

tā aiziet tā pasaules godība (sic transit gloria mundi);

tautas balss - dieva balss (vox populi - vox dei).

Практически все латинские прототипы являются беспереводными заимствованиями.

Другие ФЕ в основном представляют собой номинативные двухкомпонентные единицы типа:

otrais es (alter ego),

piena ceļš (via lactea),

zelta laikmets (aurea aetas),

zelta vidusceļš (aurea mediocritas),
rets putns (rara avis),

tumša personība (vir obscurus),

balta lapa (tabula rasa),

mūžīgā pilsēta (aeterna urbs),

kaila patiesība (nuda veritas).

Латинские полукальки, как правило, связаны с древнеримской историей, мифами: pāriet Rubikonu (перейти Рубикон), Pirra uzvara (Пиррова победа), divsejainais Jānuss (двуликий Янус), Kartāgai jāsaagrūst (Карфаген должен быть разрушен). Не все полукальки имеют латинские прототипы - это главным образом аллюзии.

Большинство заимствований связано с античной литературой, философией. Но происхождение нескольких ФЕ не столь давнее, поскольку латинский язык доминировал в Европе и после падения Римской империи и в просвещенных кругах сохранял свое значение до новейших времен. Так, средневековые алхимики пользовались понятием "философский камень" (lapis philosophorum), которое существует в качестве ФЕ и в латышском языке - filozofu akmens

Научная литература также писалась главным образом на латинском языке, который был своего рода лингва франка в Европе. Так, например, выражение французского философа Р. Декарта domāju - tātad es esmu, можно найти как в работе на французском языке "Discours de la methode" (1638), так и в латинском переводе этой работы "Principia philosophiae" (1644) - cogito ergo sum. Поскольку латинское выражение можно найти во многих языках, очевидно, что латинский вариант оборота

был более значим, чем французский оригинал.

Подобным образом двойное происхождение имеют и кальки:
visu karš pret visiem - *Bellum omnium contra omnes*
английского философа Г. Гоббса (1651);

zināšanas - spēks - *Scientia est potentia/ potestas est*
английского философа Фр. Бекона (1597).

Из средних веков пришла и ФЕ O sancta simplicitas,
приписываемая вождю чешского национального движения Яну Гусу
(1415), а также фраза memento mori - прототипом которой яв-
ляются слова приветствия, которыми обменивались монахи религи-
озного ордена траппистов, основанного в 1664 г.

Вообще латинская фразеология, так сказать, хорошо за-
свидетельствована - известны авторы и оригиналы множества еди-
ниц. Это обычно римские ораторы, писатели, философы. Так, напри-
мер, перу поэта Горация принадлежит несколько ФЕ (не считая тех,
которые он перенял и популяризировал):

kaila patiesiba - *nuda veritas* (голая истина) -
I-я книга од. 24,7;

zelta vidusceļš - *aurea mediocritas* (золотая середи-
на) - 2-я книга од. 10,5;

tver mirkli - *carpe diem* (лови момент) - I-я книга
од. 11,8;

savienot derīgo ar patīkamo - *miscuit utile dulci*
(соединять приятное с полезным) - "Искусство поэзии", 343, и др.

Некоторым единицам свойственны вариантность или изменение
с течением времени, Так, ФЕ errare humanum est (чело-
веку свойственно ошибаться) - имеет некоторые варианты -
aloties /klūdīties/ maldīties ir cilvēci:

Esmu gribējis tikai labu vien, bet aloties jau ir cilvēciski (Dienas Lapa, 1891, 184),

Maldīties ir cilvēciski ... pat meklējot patiesību par pašu patiesību (Daugava, 1939, 6,573. lpp.).

Saka: "klūdīties ir cilvēciski". Bet vai drīkst klūdīties sabiedrības vadoni? (Padomju Jaunatne, 30.I. 1987).

И такая ФЕ, как carpe diem (лови момент) имеет 2-3 варианта обоих компонентов- tver/ ķer mirkli/ dienu, Carthaginem esse delendam (Карфаген должен быть разрушен) - Kartāga jāsa-grauj/ jāiznīcina/ jāsagrūst.

ФЕ alea jacta est (жребий брошен) в начале заимствования имела точную кальку, сохраняя единственное число:

Tie grimst arvien dziļāki uz leju. "Alea jacta est" (kauliņš kritis!) tā saka pa latīniski, kad pārsper arī neatļauti kādu sliegsni (Porumu Jāņa Kopoti Raksti. I. sēj. R., 1924, 208.lpp.). /1896/.

Позже в языке укоренилась форма множественного числа и форма с заменой второго компонента:

Kauliņi par Sudetiju krituši (Jaunākās Ziņas, 1938,212);

Kauliņi bija krituši (Burtnieks, 1934, 9);

Tiesa, kauliņi vēl nav mesti ... (Cīņa, 21.I.1987).

Многие ФЕ при заимствовании и ассимиляции прошли сокращение, например:

anguis in herba (latet anguis in herba);

ultima ratio (ultima ratio regis);

dies irae (dies irae, dies illa);

sapienti sat (dictum sapienti sat est);

status quo (status quo ante bellum);

vox populi (vox populi - vox dei);
tautas balss (tautas balss - dieva balss);
ab ovo - (ab ovo usque ad mala);
tertius gaudens - (tertius gaudens duobus certantibus);
ad hominem (argumentum ad hominem).

Некоторые латинские ФЕ прошли расширение семантики, на-
пример:

a priori - 1) до и вне всякого опыта;

2) наперед; заведомо;

persona (non) grata - 1) (не) одобренный дипломатичес-
кий представитель;

2) лицо (не) занимающее особое положение;

... nacisti 1938. gadā viņu pasludināja par persona

non grata. (Dzintenes Balss, 1987. 22. janv.);

Persona grata: Borisa Eifmana miklas (Lit. un Māksla, 28, 8,
1987).

Отличительной чертой беспереводной фразеологии латинско-
го происхождения можно считать то, что пожалуй, она единствен-
ная, которая иногда подвергается контекстуальным изменениям,
что свидетельствует с полной ассимиляцией ФЕ. Мнение, что беспе-
реводная фразеология является чуждым элементом, в этом аспекте
не выдерживает никакой критики:

Diskusijām ir jābūt balstītām argumentācijā, tām jābūt

"sine ira et studio" - bez dusmām un kaislībām, kaut

gan es domāju labāk "sine ira sed cum studio" - bez

dusmām, bet ar kaislībām (Liter. un Māksla. 10.1.1986).

Из латинского языка также много заимствований, прошедших
лексикализацию:

ekslibris - ex libris (существует и параллельное беспереводное заимствование);

apriors - a priori;

sinekūra - sine cura;

faksimils - fac simile.

Суммируя, можно сказать, что в латышском языке на современном этапе имеется около 200 калек и полукалек и около 100 беспереводных заимствований. В настоящее время корпус латинских ФЕ очень стабилен и практически не увеличивается. Он широко представлен и в других европейских языках, т.е. является интернациональным. Латинские заимствования чаще всего выражают понятия философские и эстетические и носят культурно-престижный характер, что обуславливает их рекуррентность.

10.4. Фразеология немецкого происхождения

Долгое соприкосновение немецкого и латышского языков общезвестно. Однако влияние немецкого языка на латышскую фразеологию до сих пор изучено мало, лексический материал исследован намного глубже. К тому же в контакте языков влияние немецкого языка всегда акцентировалось в негативном аспекте. Довольно хорошо изучен фразеологический материал в сопоставительном плане (Орловская, 1972; Rūke-Dravīna, 1980, 1987; Kokare , 1988), с рассмотрением параллелей в обоих языках, но в генетическом плане наблюдается серьезное отставание.

Установить точно влияние немецкого языка на латышскую фразеологию на начальном этапе весьма трудно, поскольку из-за отсутствия письменных источников это можно делать только путем сопоставления аналогичных и идентичных единиц. Первые письменные

источники 17-18 вв. также не всегда дают надежную информацию о действительном состоянии латышского языка, так как язык их авторов - немецкий священников - в некоторых случаях находился под сильным воздействием немецкого языка.

В обоих языках много параллелей, которые могут быть результатом заимствования из немецкого и из других языков (интернационализмы), а также результатом независимого развития, так называемого полигенезиса - становления эквивалентных ФЕ в разных языках в результате сходных жизненных условий, универсальных черт менталитета. Из-за близости последних это характерно для обоих языков:

dabūt kādu uz kājām - jeden auf die Beine bringen;

iet no mutes mutē - von Mund zu Mund gehen;

izzīst no pirksta - aus den Finger saugen;

saprast kādu no pusvārda - jeden aufs halbe Wort verstehen.

Вместе с тем, рассматривая первые словари латышского языка, можно найти приморы немецкой интерференции и заимствования ФЕ.

Так, уже в словаре Лангия (1685) довольно много заимствований из немецкого языка, выделяющихся не свойственными латышскому языку конструкциями:

deguna auts (49) - Schnupftuch;

biša/ buša zāles (33) - Buchßen-Pulver;

mieru salauzīt (163) - Fried verstören;

laivas lauzīšana (133) - ein Schiffbruck;

³ mājās piemeklēt (162) - heimsuchen;

runas turēt (224) - ratschlagen, unterredung halten;

laulību pārlauzīt (135) - Ehebrechen;

āran mācīties (10) - außwendig lernen.

О последнем выражении сам Лангий правильно говорит, что оно неуклюже (*so sagt man aber ungeschickt*) , но при этом автор ошибочно проповедует употребление таких выражений, как kā ilge (98), kā daudz (98) вместо cik ilgi, cik daudz , что представляется чистой интерференцией (wie lange, wie viel).

Двухчастотный словарь Г.Ф. Стендера "Lettisches Lexikon" (1789) (1178 страниц), о чем уже говорилось в связи с заимствованиями с 18 в., помимо большого числа заимствований из немецкого языка, например:

zaglim zagla alga (ein Dieb hat Diebes Lohn) 2-178, показывает еще и другую тенденцию — : хотя немецким фразам в словаре даются латышские аналоги (возможно, созданные самым Стендером) многие ФЕ в дальнейшем были усвоены как точные заимствования из немецкого языка. Например:

izliet bērnu līdz ar peldināmo ūdeni

(das Kind mit dem Bade ausschütten),

хотя Стендер дает латышский аналог

kviešus līdz ar pelavām izmest (2-353);

tas ir ists/ vecs lapsa (das ist ein echter, ein alter Fuchs),

хотя по Стендеру

tas ir istais / tas ir vecs gudrinieks (2-256);

tā ir viņa vecā dziesma

(das ist sein altes Liedlein),

по Стендеру

to viņš no senām dienām atgremo (2-393).

ФЕ auf frischer Tat betreffen в словаре сопоставлена с латышским karstā pēdā panākt , что в настоящее время

трансформировалось в uz karstām pēdām.

ФЕ die Liebe ist blind дана в переводе Стендера в виде mīlība ir bez acīm (2-393), а в языке укоренилась как буквальный перевод mīlestība ir akla.

Влияние немецкого языка продолжало нарастать в 18-19 вв. во время формирования национального языка и даже позже, хотя с конца 19 века проводилась некоторая работа по очищению латышского языка (в некоторой степени и фразеологии) от позднего влияния немецкого языка. В середине 19 в. в языке было огромное число дословных переводов немецких фраз и сложных слов в форме ФЕ:

nākt priekšā - vorkommen,

dzīt veikalu - Geschäft treiben,

krist svarā - ins Gewicht fallen

laid mierā - lass mich in Ruhe

uz to labāko - aufs Beste,

krist acīs - ins Auge fallen,

kanti turēt - einen die Kante halten, и др., Например:

Andrievs ar Mārites pravietošanu dzina labu veikalu

(Mājas Viesa Mēnešraksts, 1901, 453, lpp.);

... atklāti Veinberga kanti turot, varēja zaudēt "plašāku aprindu" simpātijas (A. Upīts. Kopoti raksti, 1951, 16, 622. lpp.) /1911/.

Многие современные сложные слова в начале заимствования были формально разделены и образовывали ФЕ. Достаточно просмотреть несколько номеров газет: "Pēterburgas Avīzes" - grāmatu turētājs (1862,1), Buchhalter, dzelža ceļš (1862,2), - Eisenbahn, dzelzu ceļš (1862,22), mīšas strāpe (1862, 17), - Körperstrafe, garaiņu mašīna (1862,22), Dampfmaschine, ciets pilsāts (1863, 21) Festung (cietōksnis), koka elvjiš (1862,22),

Baumöl (olīveļļa), miētu pilsonis - Pfahlbürger, brūnais kreklis - Braun Hemd:

Vēl reizi teicam, "miētu pilsona" sirds, jo "miētu pilsoniem" (vāciski Pfahl jeb Spies-bürger() Ludermands savu "Sodu" sarakstījis ... (Baltijas Vēstnesis, 1894,83).

... "brūno kreklu" organizācijas locekļiem atļāvusi noturēt savas apmācības pilnīgi netraucēti (Jaunākās Ziņas, 7.3.1938).

Тенденция перехода из лексики во фразеологию при заимствовании весьма показательна, и часто такие заимствования застывают в виде ФЕ. Например: salmu atraitne - Strohwitwe, dvēseļu radniecība - Wahlverwandschaften, nākotnes mūzika - Zukunftsmusik, rīmju kalējs - Reimschmied, plānā galdīņa urbējs - Dünnbrettbohrer;

Fridenberga mīlestība, diemžēl, neatšķiras daudz no dažāda laba rīmju kalēja mīlestības (Dienas Lapa, 1891, 107-108). Bet, ja savā tumšā, dziļā teikumā zīmējies uz mani kā uz kādu "plāngaldīņurbēju", kas no literatūras nezina neieku ... (Ausekļa raksti. II daļa /1888/ 74-78.lpp.).

Но помимо этих трансформаторных случаев в 19 и 20 вв. из немецкого языка заимствовано много литературных фраз, связанных с немецкой культурой и литературой. Эти ФЕ, имеющие хорошо известные прототипы, постепенно входили в латышский язык с середины 19 до середины 20 века, когда большая часть их прочно укрепи-

лась в языке. Во второй половине 19 в. в Латвии существовала довольно развитая пресса и по ней можно проследить заимствование этих единиц. Возьмем в качестве примера ФЕ iet uz Kanosu (идти в Канносу) (*nach Canossa gehen*).

Происхождение этой единицы было хорошо объяснено при первых употреблениях, связанных с реферированием речи Бисмарка в рейхстаге, где канцлер использовал этот оборот. Видно, что авторы целенаправленно вводят ФЕ в язык:

Šis štābs ir iecelts no Bismarka piekritējiem par piemīnu, ka tas tai strīdā starp katoļu baznīcu un laicīgu varu šo stipri aizstāvējis un reizī Vācijas reihstaga sēdēšanā (1872) sacījis: "Uz Kannosu mēs neiesim"

(Vācu ķeizars Heinrich IV priekš 890 gadiem bij strīdā ar pāvestu Gregoru VII šim padevies un gājis uz Kanosu, kādu pili vidus Itālijā, pāvestu lūgties) (Rīgas Lapa, 1877,7).

Bet Bismarku attur no miera derēšanas tāds lepns vārds, kuru tas reiz izteicis, proti: "Uz Kanosu^x mēs neiesim!"

^x

Uz Kanosu gāja 1077 Vācu ķeizars Indriķis IV un padevās pāvestam Gregoram VII (Rīgas Lapa, 1880,9).

И приблизительно в то же время эта ФЕ появляется в повести "Mērnīeku laiki":

"Dancodami", Prātnieks iemeta vidū, "kad patriotisms iet, asaras slaucīdams basām kājām un grēcinieka svārkos, uz Kanosu, tad īstenu patriotu jāmeklē dienas laikā ar uguni ..." (Kaudzītes R., M. Mērnīeku laiki. Jelgava, 1879, 287. lpp.).

Единиц этого типа с известным литературным происхождением очень много:

pasauls pilsonis - Weltbürger, 1747, Г.Е. Лессинг калькирует греческое "космополит";

neredzēt aiz kokiem mežu - den Wald vor lauter Bäumen nicht sehen, 1768, К.М. Виланд "Мусарион";

vētras un dziņu - Sturm und Drang, 1776, Ф.М. Клингер по названию пьесы;

lieta par sevi - das Ding an sich, 1781 И. Кант "Критика чистого ума";

moris savu darbu padarījis, moris var iet - der Mohr hat seine Arbeit getan, der Mohr kann gehen, 1783,

Ф. Шиллер "Заговор Фиеско в Генуе", 3,4;

Целый ряд ФЕ берет свое начало в работе Гёте:

mūžīgi sievišķais (augšup mūs cel) - das Ewig Weibliche zieht uns hinan, 1808, "Фауст";

pretrunu gars - Geist der Widerspruchs, 1832, "Фауст";

laika gars - Zeitgeist, там же.

ar sirds asinīm rakstīts - mit dem Blute eigenen Herzens geschrieben, 1777, "Страдания молодого Вертера";

dvēseļu radniecība - Wahlverwandschaften, 1809 "Родственные натуры";

kā sarkans pavediens cauri vijas - wie ein roter Faden durch etw, ziehen, там же;

ir gādāts par to, lai koki neieaug debesīs - est ist dafür gesorgt, daß die Baume nicht in den Himmel wachsen, 1813;

vairāk gaismas! - mehr Licht! 1832 последние слова Гёте;

gara aristokrātija - Geistesaristokratie, 1834, Г. Стеффенс;

klīstošais/ skrejošais holandiešis - der fliegende Holländer, 1834, Г. Гейне (по голландской легенде);

religijsa - opijs tautai - die Religion ist das Opium des Volks, 1844, К. Маркс "К критике гегелевской философии права";

starp āmuru un laktu - zwischen Hammer und Amboss, Ф. Шпилхаген, повесть такого же названия;

nākotnes mūzika - Zukunftsmusik, 1859, Р. Вагнер "Музыка будущего. Письмо другу";

brīvā mīlestība - freie Liebe, 1890, М. Халбе, название пьесы;

vērtību pārvērtēšana - Umwertung aller Werte, 1895, название книги Фр. Ницше;

virpus laba un ļauna - jenseits von Gut und Böse, 1886, название книги Фр. Ницше;

blondā bestiņa - die blonde Bestie, 1887, из книги Фр. Ницше "Генеалогия морали";

vergu/ kungu morāle - herdentier/ herren Moral, 1886, Ницше;

zvaigžņu stunda - Sternstunde, 1927, С. Цвейг "Звездные часы человечества".

Несколько ФЕ уже 20 века связаны с политикой кейзеровской и позже фашистской Германии, которая, как известно, затронула интересы и других народов:

karš karam - Krieg dem Krieg, 1911, лозунг, провозглашенный К. Либкнехтом;

papīra gabaliņš/ lupata - ein Fetzen Papier, так в 1914 г. канцлер Германии Т. фон Бетман-Холвег назвал договор о нейтралитете с Бельгией, нарушив его.

dzīves telpa - der Lebensraum, выражение принадлежит Ф. Ратцелю 1901, однако настоящую популярность фразы

получила в 1930 году после речи Х. Шахта и публикации книги А. Розенберга "Миф 20 века". Фразеологизм приобрел статус официальной идеологии нацистов;

lielgabali sviesta vietā - Kanonen ststt Butter, 1936,

P. Хесс;

ar dzelzs/ bruņotu/ tērauda dūri - mit gepanzerter

Faust, 1848, Г. Фрейтаг, 1837, Вильгельм II.

brūnais kreklis - braun Hemd .

Рассмотрим также несколько фраз разного происхождения, которые актуализировал немецкий язык и через который латышский язык заимствовал эти единицы. Так, ФЕ spārnotie vārdi (крылатые слова) существовала уже в эпосе Гомера, но свое современное значение она обрела после того, как немецкий исследователь Г. Бухман назвал свое первое собрание крылатых слов и выражений "Geflügelte Worte" (1864 г.). В тринадцатом издании этой книги (1882 г.) автор констатирует, что выражение укоренилось как в немецком, так и в других языках.

Фразеологизм lielgabalu gaļa (пушечное мясо) похож на английский оборот в пьесе Шекспира "Генрих IV" - food for powder . Во французском языке в памфлете Ф. Шатобрена "О Бонапарте и Бурбонах" (1814) есть фраза la chair à canon которая, возможно, была прототипом ФЕ. Но в 1917 г. в связи с началом мировой войны в журнале немецких социал-демократов "Vorwärts" появляется фраза Kanonen-futter которая быстро обретает популярность и в других языках (например, cannon-fodder в английском языке).

Фразеологизм vieta zem saules (место под солнцем), наверно, все-таки французского происхождения place au/ sous le soleil , ибо существует в произведениях Паскаля

(1670), Беранже (1827), Бальзака (1832), но в довольно гуманистической коннотации. Настоящую популярность эта ФЕ получила в 20 в., когда речь канцлера Б. Булава в рейхстаге в 1897 г. придала этой фразе империалистический оттенок. ФЕ Platz an der Sonne быстро калькировалась в латышском языке.

Одной из самых интересных является полукалька ФЕ das Dritte Reich - trešais reihs (третий рейх). Эта фраза в своем будущем значении первый раз появилась в названии книги А. Меллера ван Брука в 1923 г., хотя мысль о третьей империи существовала и раньше. Будучи использованной, она в конце концов стала объектом обыгрывания и в 1939 г. была официально изъята из обращения в национал-социалистической Германии. Но она уже закрепились во фразеологии многих народов. В 30-е годы в латышском языке функционировала, главным образом, полная калька:

Cieņas mazināšanās vērojama arī attiecībā pret atsevišķiem S.A. vīriem, kurus pirms gada uzskatīja un godāja kā trešās valsts "zemes sāli", tagad, turpretim, sauc par formās tērptiem dienas zagļiem, jeb par no darba bēgošiem vazaņķiem (Strādnieku Avīze, 1934, 12. maijs); ... valstkanclers Hitlers jau apgalvoja, ka tagad starp "3. valsti" un Franciju vairs nepastāvot nekādi teritoriāli strīdi un konflikti (Sējējs, 1936, I.98. lpp.).

Интересно, что в связи с официальным запретом во время оккупации эта ФЕ не употреблялась в прессе. После войны намечается поворот к использованию полукальки trešais reihs например:

Daži vecākie drīz aizgāja pie tēviem, bet jaunākajiem pacelšanās no pančkām bija iespējama tikai vien "trešā reiha" ostzēprovincē un tad "brīvajā pasaulē" ...

(A. Upīts. Bezsaules noriets. R., 1967, 27. lpp.).

В целях разнообразия стиля иногда употребляется и полная калька:

Tādēļ man bija iespējams izlasīt samērā bezkaislīga hronista rakstītas piezīmes par "trešo valsti" (M. Birze. Lai atgrieztos. 1984, 88. lpp.);

Pretējā gadījumā mūsu Zilā Impērija patiešām var sabrukt vienā gaišā dienā tāpat kā sabruka jūsu Trešā Lielvalsts (Ž. Grīva. Vīņpus Pirenejiem. Rīga, 1948, 220. lpp.).

Латышский язык заимствовал множество ФЕ нейтрального и разговорного характера, авторы которых неизвестны. Этот факт может затруднить выяснение происхождения некоторых ФЕ. Но многие единицы сохранили структуру, не свойственную латышскому языку, а также заимствованные немецкие слова в своем составе. Кроме того, мы можем проследить путь заимствования многих оборотов. Так, ФЕ runāt caur puķēm (говорить сквозь зубы) в начальном периоде заимствования употреблялась в форме, близкой к немецкому прототипу, сохраняя единственное число существительного,

/durch die Blume sagen/ например:

Cienītie lasītāji nenoliegs, ka čigāni par šādu neparedzētu gadījumu bija it pareizi pratuši "caur puķi" izsacīties (Mājas Viesa Mēnešraksts, 1904, 102. lpp.).

В более позднее время в языке закрепились множественная форма:

... vienīgi Delboss - kaut arī stipri "caur puķēm" -

pateica dažas japāņiem adresētas patiesības (Jaunākās ziņas, 4.II.1937).

Samierinājušies, pielāgojušies, skatījušies caur pirkstiem, runājuši caur pukēm, saukuši par nelēkšanu uz ecešām vai nepieciešamu nodevu laikmetam (Literatūra un Māksla, 24,7.87).

ФЕ kā piektais ritenis (пятое колесо в телеге)

раньше употреблялась в другой форме - kā piektais rats (wie fünfte Rad):

Ari es esmu "labdarības ballē" - kā piektais rats!

(Mājas Viesa Pielikums, 1899, Nr, 48,768. lpp.).

Таких ФЕ в латышском языке очень много. Мы приведем лишь самые популярные:

uzņemt kursu uz - Kurs auf etw nehmen;

mazgāt kādam galvu - j-m den Kopf waschen;

zem katras kritikas - unter aller Kritik;

skatīties caur pirkstiem - durch die Finger sehen;

nošaut buku - einen Bock schießen;

tur tas suns aprakts - da liegt der Hund begraben;

lauzīta valoda - gebrochene Sprache;

klāt galdu - den Tisch decken;

sadot kādam piparus - Pfeffer geben j-m;

nākt modē - in Mode kommen;

iziet no modes - aus der Mode kommen;

rādīt/ vīstīt dūri kabatā - die Faust in der Tasche ballen/ machen;

pats par sevi saprotams - es versteht sich von selbst;

salmu atraitne - Strohwitwe;

kā piektais ritenis - wie das fünfte Rad;

dienas kārtībā - Tagesordnung;
runāt caur puķēm - durch die Blume sagen/ sprechen;
iedot kurvīti- j-m einen Korb geben;
nopirkt par sviestmaizi - für ein Butterbrot kaufen;
likt uz vienas kārts - auf eine Karte setzen;
spēlēt lielu lomu - eine große Rolle spielen;
stunda situsi - für jeden schlägt seine Stunde;
nākt ausīs - zu Ohren kommen;
ēst ar gariem zobiem - mit langen Zähnen essen;
no bērnu kājas - von Kindesbein;
nav uz mutes kritis - nicht auf den Mund gefallen sein;
3 K/, baznīca, virtuve, bērni - Kirche, Küche, Kinder;
ieiet vēsturē - in die Geschichte eingehen/ angehören.

Со временем многие ФЕ исчезли. Так, nopirkt par sviestmaizi представляется устаревшей ФЕ, вместо нее употребляются такие единицы, как par baltu velti, par tiro nieku, par smiekla naudu.

Одни ФЕ укоренились в языке с минимальными изменениями, например уже упомянутая ФЕ runāt caur puķēm, другие вошли в язык без изменений, нарушив некоторые нормы языка-рецептора, например uz mutes kritis - auf den Mund gefallen.

Es nebiju nekad tīri uz mutes kritis, vajadzības brīdī manām rokām netrūka spara, to zināja vai katrs, tādēļ Brenčam sākās biedru starpā pavisam cita dzīve (Austrums, 1896, 750. lpp.).

Многие подобные ФЕ так и укоренились в языке, несмотря на оппозицию лингвистов (см. Ozoliņa, 1935).

Другие ФЕ переместились вниз по социальным ярусам языка. Так, полукальку "uz ef ef" - aus dem eff eff (verstehen). Можно считать разговорной, в какой-то степени жаргонной:

Jā, lai uztaisās uz "ef-ef" un nāk pie viesiem (Lācis. Senču aicinājums, 1965, 265. lpp.)

Многие ФЕ с течением времени в результате замены архаических компонентов превратились из полукалек в полные кальки. Например, ФЕ pilnās zēgelēs (mit vollen Segeln) в настоящее время стала архаичной и слово zēgeles заменено словом buras. Но еще в начале века ФЕ использовалась в форме полукальки ... konservatorija iet vaļā pilnās zēgelēs. (Jānis Zāitis. R., 1984. 102. lpp.). /1906/.

Отметим, что в латышском языке поразительно мало беспереводных заимствований из немецкого языка. В 19 в. и в первой половине 20 в. в литературе наблюдается некоторое число окказиональных вкраплений, например:

Visu dižciltīgo sugu pamatos ir skaidri saskatāms meža zvērs, lieliskais pēc laupījuma un uzvaras alkstošais gaišmatainais plēsoņa (blonde Bestie) ... (Daugavas Gada Grāmata. R., 1935, 96. lpp.).

Однако лишь четыре ФЕ закрепились в языке как беспереводные заимствования - Drang nach Osten, Kirche, Kinder, Küche, Sturm und Drang, Mehr Licht, причем и последние ФЕ все

реже появляются в беспереводной форме. Хотя все эти ФЕ имеют стабильные кальки в языке, беспереводные формы обладают большей экспрессивностью, оттенком автентичности, а вследствие этого и большей употребительностью:

Austrijas pievienošana Vācijai esot vācu "Drang nach Osten" pirmais mērķis (Pēdējais Brīdis, 1934, 27. jūl.); Germāņi tic, ka viņu vēsturiskā misija ir "Drang nach Osten" - virzišanās uz austrumiem (Jaunākās Ziņas, 1938.4.nov.);

Viņš domāja, ka Vācijas vadībā notikusi šķelšanās starp militārpersonām, kuras tiecas pēc "Drang nach Osten", un politiķiem (Padomju Jaunatne, 1987, 21. aug.);

Tā Ģētes draugi Herders un Hamans (pēdējais ir "Sturm und Drang-periodes" istais tēvs), kam abiem tik nenoliedzams uz lielo dzejnieku, kādu laiku darbojies Baltijā (J. Janševskis. Dzimtene. 5/6.s.R., 1925.276. lpp.);

Turklāt vai tas nav milzīgs zaudējums, ka jaunie cilvēki savus "Sturm und Drang" gadus, laikposmu, kad pašu vecums atbilst atveidojamo skatuves tēlu vecumam ... nosēž skolas solā (Padomju Jaunatne, 1984,4.dec.);

Vācijas ekskeizars Vilhelms (un ne tikai viņš, arī Tolstojs šai pārlicībā viņam pievienojas) sievišķību ieslēdzis 3 K lokā: Küche, Kirche, Kinder. (Sieviete, 1990, I. 14.lpp.); Pēdējie vārdi, ko viņš pietrūkstot elpai, izsaka ir "Vairāk gaismas!" ("Mehr Licht!") (Izglītības Ministrijas Mēnešraksts, 1932, 3. 171. lpp.).

Но в истории языка беспереводные формы, а точнее вкрапления, сыграли свою роль, так как из них рождались многие современные фразеологические кальки, а сами вкрапления исчезли. Например:

Es negribēju tevi pierunāt, darboties pret savu pārliecību, es zinu, ka tu esi pārāka par mums visiem, šinī mazajā un neventilētā vienmuļības ligzdā, bet neaizmirsti, ko Ģēте saka: "Es ist dafür gesorgt, dass die Bäume nicht in den Himmel wachsen" un ka arī putni, kaut gan tie augsti lido, tomēr laižas atpakaļ uz zemi un taisa tajos pašos vecajos kokos ligzdas (J. Poruks. Kopoti raksti. Rīga, 1924. 6.s., 13. lpp.) /1905/;

Bet par to jau esot gādāts, lai koki neaugot līdz debesīm, saka kāds vācu rakstnieks, laikam Ģēте ...

(Dzimtenes Vēstnesis, 22.10.1909):

Nav jābaidās, ka caur zinību iegūšanu varētu zaudēt savu sievietību, "das ewig weibliche", mūsu kungi zem viņas saprot tikai jaunības muļķību (Dienas Lapa. 1894, Nr. 273);

Frizūrā viņai nebija gaumes, gājienā grācijas, smaidos sievietības - no visas viņas būtnes bija pazudis mūžīgi sievišķīgais (A. Birkerts. Daiļdarbi un atmiņas. Rīga, 1958, 306. lpp.) /1907/.

В заключении можно сказать, что немецкий язык имел наибольшее значение в обогащении латышской фразеологии не только немецкими ФЕ, но и как язык-посредник. Здесь можно привести довольно курьезный пример, когда арабийская пословица дается в немецком языке, таким образом показывая язык-посредник и, более того, указывает и на статус немецкого языка, который, как бы

чужой, но вместе с тем, достаточно близкий для того, чтобы его использовать в качестве языка интродукции новой ФЕ:

**"Der Hund bellt und die Karavan geht" - saka kāds arā-
biešu sakāms vārds. (Dienas Lapa, 1895 - 153).**

Более того, немецкий язык через его носителей в большой мере содействовал становлению фразеологической системы латышского языка, оформлению его фразеологической модели.

Принимая во внимание, что языковой пуризм латышей был направлен в первую очередь именно против влияния немецкого языка, следует признать, что во фразеологии эти устремления были малоуспешными, что лишний раз свидетельствует о том, что заимствования, даже если они структурально и системно не полностью соответствуют языку-рецептору, могут укореняться в языке, расширяя его денотативные и коннотативные возможности. Диахронический материал показывает большую роль заимствования довольно ясно.

Таким образом, немецкий язык оказал самое глубокое влияние на латышскую фразеологию, но в середине 20 века заимствование с немецкого языка практически прекратилось.

10.5. Фразеология русского происхождения

Русский язык, как и немецкий, является для латышского одним из главных контакт-языков. Это обусловлено как историческими обстоятельствами, так и родством обоих языков.

Древнее влияние русского представляется гипотетическим, поскольку из-за отсутствия письменных источников, невозможно сравнить ФЕ обоих языков в ранние периоды их развития. Так как структуры обоих языков довольно сходны и жизненные условия в

большой мере совпадают, в обоих языках множество фразеологических параллелей: pievaldīt mēli - придержать язык, ietupināt pie maizes un ūdens посадить на хлеб и на воду, sadot pa cepuri - дать по шапке. Но есть и немало фразеологизмов, о которых с уверенностью можно сказать, что они заимствованы из русского языка. Многие ФЕ заимствованы из литературных источников:

dzīres mēra laikā - пир во время чумы (А.Пушкин, 1832);

mirušās dvēseles - мертвые души (Н.Гоголь, 1842);

liekie cilvēki - лишние люди (И.Тургенев, 1850);

revolūcijas algebra - алгебра революции (А. Герцен, 1855);

tēvi un dēli - отцы и дети (И.Тургенев, 1862);

cilvēks futlārī - человек в футляре (А. Чехов, 1898);

panākumu reibonis - головокружение от успехов (Сталин, 1930);

cilvēku dvēseļu inženieri - инженеры человеческих душ (Сталин, 1932);

slikts tas karavīrs, kurš nesapņo kļūt par generāli - плох тот солдат, который не хочет стать генералом (Суворов).

Mūķenes Barbaras kārdināšana, jezuīta mīlestība uz daiļu pagānu meiteni, dzīres mēra laikā ...

(Rīgas Kinoekrāni, 1989, 2I).

Bet slikts ir tas karavīrs, kurš nesapņo kļūt par generāli (Padomju Jaunatne, 3I.7.1968).

Arvainoti pensiju izkrāpšanā "mirušām dvēselēm" (Jaunākās Ziņas, 15.II.1937).

Mums jau daudzus gadus aktuāls jautājums ir "mirušās dvēseles" - cilvēki, kas aizgājuši strādāt citur, bet nav noņēmušies no uzskaites (Padomju Jaunatne, II.2.1987). Biedrs Staļins nosaucis padomju rakstniekus par cilvēku dvēselu inženieriem (Сіпа, 28.3.1953).

Из-за близости судеб латышского и русского народов, их общей истории последних столетий, заимствованы многие ФЕ с явной окраской реалий:

logs uz Eiropu - окно в Европу (А. Пушкин, 1834);

Potjomkina sādžas - потемкинские деревни (1783);

melnā sotņa - черная сотня (1905/6);

tautu tēvs - отец народов (о Сталине);

Fasādei te nav otras puses, Potjomkina sādžu nav kur uzbūvēt (Literatūra un Māksla, 5.8.1988).

"Tautu tēvs" izrikojies ar alfabētiem bez lielas prātošanas (Padomju Jaunatne, 3.12.1988).

Ļeņingradas "saimnieks" reizē jutās arī "loga uz Eiropu" saimnieks (Literatūra un Māksla, 19.8.1989).

Почти все литературные ФЕ заимствованы лишь в 20 веке, что в некоторой степени можно объяснить их недавним русским происхождением, а также их литературной неправильностью, которая требует подготовленности восприятия.

Некоторое влияние оставил и русский фольклор, басни:

lāča pakalpojums - медвежья услуга;

pēc līdakas pavēles - по щучьему велению, piena upes,

ķīseļa krasti - молочные реки, кисельные берега, параллель-

но библейской заимствованной ФЕ zeme kur piens un medus tek.

... mērķēju uz Ašмапа k-gu, kurš manos manuskriptos nevienу reizi vien ir izdarījis lāča pakalpojums.

(Jānis Zālītis. R., 1984, 149.lpp.).

Piena upes ... papīra krasti jeb vēlreiz par skolu ēdnīcām (Padomju Jaunatne, 21.I.1986).

Bet mīļie, tā nekad nebūs, ka kīseļa krastos plūdis piena upes (Cīņa, 9.9.1989).

Русская фразеология продолжает влиять на латышский язык, особенно на его низшие уровни. Отметим большой удельный вес русской фразеологии в жаргонной фразеологии и почти полное доминирование русских выражений в сфере "мата" (фраз "табу").

Многие ФЕ заимствуются в разговорном языке и со временем переходят в язык прессы:

karāties gaisā - висеть в воздухе, mājās sienas

palīdz - дома стены помогают, kupraino tikai kaps iz-

mācis/ iztaisnos - горбатого могила исправит,

vilciens aizgājis - поезд ушел, pie lampiņas

до лампочки, koks/ runga ar diviem galiem

палка о двух концах, slapja lieta - мокрое дело:

Таču katrai rungai ir divi gali (Lauku Avīze, 22.IO. 1988).

Ir tāds teiciens, ka kupraino iztaisnojot vienīgi

kaps (Literatūra un Māksla, 4.7.1986).

Sākumā viņš bija izcils bandīts, kas nevairījās arī no

"slapjām lietām" (Rīgas Balss, 23.I.1986).

В латышский язык проникли также единицы, которые условно можно классифицировать как бюрократически-управленческие с явным оттенком канцелярских клише. Такого рода влияние определено ролью

русского языка в сфере управления и делопроизводства. Многие из этих оборотов в латышском языке имеют нежелательную, даже абсурдную окраску:

šaurā vieta - узкое место, sist/ sodīt ar rubli - бить рублем, nomest no skaitīkliem - сбросить со счетов, dzīvie ziedi - живые цветы, nodot arhīvā - сдать в архив, dzīvā rinda - живая очередь, būt pie sevis - быть у себя, iznest lēmumu - вынести решение, garais rublis - длинный рубль:

Daudzi toreiz domāja, ka pienācis gals kultūrai, ka padomju vara nosviedis no skaitļu kauliņiem agrākās pirmsrevolūcijas laika kultūras vērtības (Cīņa, 21.3. 1945).

Pārskata žanra specifikas diktēta "šaurā vieta" ir daudzie citāti (Literatūra un Māksla, 28.II.1986).

Vienam otram arī garais rublis (Dzimtenes Balss. 29.6. 1989).

Беспереводных ФЕ русского происхождения за исключением жаргонных фраз в латышском языке нет. Это объясняется в какой-то мере различиями в орфографии; кроме того, хотя русские выражения используются в разговорном языке, однако в письменном языке это наблюдается крайне редко. К тому же ни в современном языке, ни в прошлом нет ФЕ, которые обладали бы стабильностью в этом аспекте, а их употребление носит частный, стилистический характер, т.е. это вкрапления.

Tādā vizē stāsta kodolu varētu izteikt caur krievu sakāmu vārdu: "сверчок, знай свой шесток!" , t.i.

"Cīrcen, zini savu aizkrāsni!" (Baltijas Vēstnesis, 1882, 71).

Volga - šim vārdam Krievijā liela nozīme. Ne velti

tauta viņu sauc par "матушку-кормилицу" - māmiņu ēdinātāju (Zemkopis, 1910, I.sept.).

Tomēr atstāja savu blondo grēku pie galdiņa un atkrita krēslā iepretim man. - Сколько лет, сколько

зим, Ivo! - Jā, Harij! Kur tas laiks (A. Puriņš. Nevai- cājiet man neko. R., 1977. 230.lpp.).

Mani pēc tā friču tetovējuma arī saziņēja. Такие пироги (Literatūra un Māksla, 10.4.1987).

Таким образом, главным препятствием служит не орфография, а культурная привычка, традиция. Отметим, что русские беспереводные ФЕ не существуют и в других языках, т.е. не обладают фактором интернационализма.

Довольно часто встречаются фразеологические транскрипции - транслитерации, которые в отличие от других языков не являются лишь метонимическими собственными именами:

Vieni uzskatīja, ka viņš kritis tāpēc, ka nemākulīgi rīkojies ar uzticēto ieroci, viņam vajadzējis revolucio- nāriem durēt, nevis kavēties, lodi stobrā ielaižot, un kā pamatpierādījumu te min lielā krievu karavadoņa Suvorova vārdus - "пуля дуря, štik molodec" (A. Bels. Saucēja balss. R., 1973, 179.lpp.).

Un te Rūdis, aizņemts ar kārtīm un pīpēšanu, nekā ļauna nedomādams izmet: - Sila jestj, uma ne nado (Avots, 1987, Nr. 2, 6.lpp.).

Vari tak saprast, ka šādā ekstremālā situācijā runa būs gājusi tikai par krietnu summu, jo, kā saka, игра стоит свеč (Avots, 1987, Nr. 4, 5.lpp.).

Но и транслитературные ФЕ не обладают фактором устойчивости в латышском языке, поэтому их нельзя считать заимствованными, а только окказиональными.

Пласт полукалек не очень велик, например:

- melnā sotna - черная сотня,
Potjomkina sādžas - потемкинские деревни,
cilvēks futlārī - человек в футляре.

Jau pirms notikuma pie baznīcas no mutes mutē lidoja vārds "melnā sotna" (V. Branks. Kara cerure. R., 1958, 39. lpp.).

ФЕ kruķit baranku - крутить баранку - является сложным видом, первый компонент - транслитерация, а второй - семантическое заимствование, т.е. освоение латышским нового значения давнего заимствования из русского.

Из языка исчезли многие полукальки, которые не были полностью пригодными.

Zemnieks pats izstaipa tikai kaulu un "pravī dūšu" ar degvīna iedzeršanu, kuru tas tik visai mīl (Zemkopis, 23.3.1911.).

Поскольку русский язык имел и имеет огромное влияние на латышский, часто ставится вопрос, не враждебно ли такое влияние. И в прошлом веке и в настоящее время в языке часто употребляются окказиональные кальки из русского языка:

Šimbrīžam man apakš rokām nav nevienas latviešu lapas ...
(Baltijas Vēstnesis, 1882, 71)

(под рукой)

Vipš nosarka no iekšķīgas vilņošanās. (Dienas Lapa, 1891, 143).

(внутреннее волнение)

... neba viņi mums noteicēji, paši esam ar ūsām. (Cīņa, 25.9.1988).

(самы усатые)

Нам представляется, что если заимствованная ФЕ пополняет фонд латышской фразеологии заполняя семантический вакуум, т.е. не дублирует латышский эквивалент, то процесс этот позитивный, даже при больших масштабах. Литературные фразы, которые часто появляются в языке в виде окказионализмов укрепляются или исчезают по мере их надобности. Так, ФЕ arī mūsu ielā būs svētki (и на нашей улице будет праздник) прочно не укоренилась в языке, хотя употреблялась уже в предыдущем веке.

Krievu sakāmvārds saka: arī mūsu ielā būs svētki, - un šo sakāmvārdu var zīmēt uz Austras biedrību (Kr. Valdemārs. Vēstules. 354. lpp. /1887/).

Латышский язык предпочитает употребление других выражений: (arī mums) reiz laime (uz) smaidīs, gan arī mūsu dārzā rozēs ziedēs.

Вместе с тем представляется, что такая ФЕ, как koks/runga ar diviem galiem - палка о двух концах, нужна языку, хотя и в латышском языке существует почти синонимическая фраза abpusgriezīgs zobens - библейского происхождения. Русская ФЕ имеет нюансы значения, которые являются отличными от этой ФЕ, и потому несмотря на противодействие лингвистов (А. Плēsума, 1968, 57.1pp.) часто употребляется:

Taču katrai rungai ir divi gali (Lauku Avīze, 22.10.1988).
Amorāla politika vienmēr bijusi runga ar diviem galiem (Avots, 1988, 8, 65. lpp.).

Некоторые заимствованные или полузаимствованные ФЕ имеют периоды активного употребления и периоды упадка. Так, например, "kur malku cērt, tur skaidas krīt" (лес рубят, щепки летят) употреблялась в 19 веке:

Bet, "kur malku cērt, tur skaidas krīt". Tādēļ tad nu arīdzan mūsu valodas lietā dažādas skaidas saradušās, sevišķi pie mūsu ortogrāfijas (Sēta, Daba, Pasaule. Rīga, 1873, 6. lpp.).

Новая волна употребления этой ФЕ началась в 80-е годы в связи с разоблачением сталинизма:

Taču jau sen novērojās revolucionāro procesu salīdzinājums ar mežu, kur malku cērt - skaidas lec.

Ir vajadzīga malka un arī skaidas (Cīņa, 12.4.1987).

Суммируя можно сказать, что заимствование фразеологии из русского языка как в историческом, так и функциональном планах играет большую роль в расширении фразеологического фонда латышского языка. Заимствование русских единиц - экстралингвистически обусловленное явление, отражающее взаимодействие разных уровней языков при их постоянном (как этническом так и культурном) контакте. Интересным является факт отсутствия беспереводных фразеологических заимствований, корни которого требует дальнейших исследований.

10.6. Фразеология французского происхождения

Французское влияние на латышскую фразеологию тоже началось во второй половине 19 века вместе с формированием национального языка, достигло кульминации в начале 20 века, а затем почти прекратилось. Исследования показали, что в латышском языке функционирует около 200 ФЕ французского происхождения. Такое же число приводит А.Я. Банкав (1988), изучавший словари. Французский язык практически не был в прямом контакте с латышским языком, заимствование происходило, главным образом, при посредничестве русского языка, в котором французское влияние всегда было заметным. Заимствование осуществлялось в результате культурных контактов. Этим объясняется то обстоятельство, что ФЕ, заимствованные из французского языка, явно носят литературный характер. Среди этих фразеологизмов большую долю составляют фразеологические интернационализмы, и часть их проникла в латышский язык через другие языки-посредники - немецкий и английский.

Французский язык представлен многими беспереводными заимствованиями, причем весьма стабильными, с довольно высокой фреквенцией использования; они равномерно вошли в латышский язык с самого начала языковых контактов. Как самые известные можно привести следующие: tête à tête, idée fixe, femme fatale, enfant terrible, chef d'oeuvre, bon ton, jeunesse oblige, C' est la vie, laissez faire, au pair и т.д.

Bet enfant terrible viņš nav; viņš it labi noderētu kādā augstākā meiteņu skolā par vēstures skolotāju (Dienas Lapa, 1895, 153).

Mūsu vispārējas korupcijas laikā, kad visapkārt redzami tikai slikti piemēri, vairāk kā jebkad mums jāatceras jaunatnes lozungs "Jeunesse oblige!" (Students, 1923, 13).

Tur bija kaut kas no angļu individualisma, no franču "laissez faire", no demokrātijas principa, no ticības prātam (Daugava, 1930, 6,754. lpp.).

Reizēm to sauc par angļu valsī, goddevīgi domājot par sporta deju dzimteni. Par zemi, kas joprojām nosaka bon ton šajā novadā (Dzimtenes Balss, 1987, 31. dec.).

Многие боспереводные ФЕ употребляются параллельно фразеологическим калькам, с пояснениями и без них.

Cēzara nāvē sevi apliecina cilvēks, kas savā būtībā vislielākā mērā pretstats tam valdniekam, kas teicis nožēlojamus vārdus: "Après moi le déluge"^x (Z. Mauriņa. Prometeja gaismā, 1943, 42. lpp.).

^x Pēc manas nāves lai nāktu kaut plūdi.

Pēc mums un bez mums kaut vai ūdensplūdi (Dzimtenes Balss, 27.2.1986).

... viņš ir spējīgs lietot seno Ludviķu principu - "pēc manis kaut ūdens plūdi" ... (Zvaigzne, 1986,15).

Bilēte maksā 14 markas, saimnieki šo naudu jau ir izdevuši, un nu mums jāpriecejas "va bank".

Tā nebija dzīve, bet spēle va banque (P. Rozītis. Ceplis, 1965, 124. lpp.).

Absolūtais vīriešu vairākums gan, par laimi, ir gluži citādās domās. "Cherchez la femme! - "Meklējiet sievieti! - saka francūži. Meklējiet sievieti!

(Kalendārs sievietēm, 1987. 221. lpp.).

Кроме заимствованных в речи наблюдается довольно частое употребление и других единиц, которые статус заимствования не получают из-за нестабильности употребления, например:

"Chacun à son goût", katrs pēc savas garšas, saka pazīstamais franču sakāmavārds (Zemkopis, 1912, 23. maijs);

Musolini personīgi telefonēja uz Londonu, pieprasot no Itālijas charge d'affaires tuvākas ziņas par incidentu (Brīvā Zeme, 17.7.1936);

Beidzot nevaru palikt neaizrādījis uz reti skaisto moderna stila titeļlapu, kuras zīmējums ir mūsu tautieša, jaunā mākslinieka J. Madernieka kga izgatavots un savā ziņā īsts chef d'oeuvre (Pēterburgas Avīzes, 1902, 80).

Последняя ФЕ превратилась в слово - šedevrs.

Заканчивая рассмотрение беспереводных заимствований, отметим, что в редких случаях в результате ассимиляции ФЕ происходят интересные изменения семантики, Так, ФЕ idée fixe (навязчивая идея) довольно часто используется в современном языке. Параллельно существует полукалька fiksā ideja с другой семантикой - неожиданная, быстрая идея. Интересно, что еще в начале 20 века и полукалька сохраняла значение прототипа:

Vergs ir tas, kam nekā nav, kas arvien no otra atkarībā, kas izšķiež savus spēkus kādai fiksai idejai (A. Deglavs. R. 1912.230.lpp.);

Galveno ideju vietā par cīņas priekšmetiem bija izvērtuļās iedomīgo stūrgalvju fiksās idejas (V. Lācis. Senču aicinājums. R. 1965.240. lpp.) /1935/.

Ruzvelts šim briesmām nemaz neticot, bet, padevies "fiksai idejai", ļāvis tai sevi pārlicināt ... (Sējējs, 1939, 3, 329. lpp.).

Изменение семантики произошло под воздействием разговорной лексики - " fiksi ", означающей "быстро". Для сравнения приведем примеры современного употребления:

Nupat arī ... fiksa ideja aizliegt nodaļu vadītājiem turēt kabinetos televizorus, ledusskapjus (Literat. un Māksla, 18.12.1987).

Atkal kaut kas jauns. "Fiksā ideja", ko tālāk pilnveido Ainārs Virga (Dzimtenes Balss, 6.8.1987);

Kādam "fiksajai idejai" šoreiz tēvs atkal ir saņēmis ģimenes atbalstu (Skola un Ģimene, 1987, 4, 37. lpp.).

Существует и несколько фразеологических полукалек:

krist azartā - se mettre en hasard (впасть в азарт),
taisīt scēnu - faire une scène (делать сцену), sliktais tonis - mauvais ton (плохой тон), būt kviti - être quitte
radīt efektu - faire effect (делать эффект),

но вообще число фразеологических полукалек незначительно по сравнению и заимствованиями из других языков. Французские полукальки полностью укоренились в латышском языке и широко употребляются в разговорной речи.

Тип фразеологических транскрипций представлен лишь одной ФЕ - Žanna d'Arka (Jeanne d'Arc), и этот оборот довольно редко используется в языке в переносном смысле:

Jaunajai savienības valdei vajadzētu panākt, lai šo mūsdienu Žannu d'Ark pārvietotu uz kādu mazāk bīstamu reģionu (Lauku Avīze, 24.2.1989).

Самую большую группу заимствованных единиц составляют фразеологические кальки. Многие кальки связаны с французской литературой - их первоначальные прототипы можно найти во французской классике, например:

māksla mākslai - l'art pour l'art В. Кузен, 1818
(искусство для искусства);

valsts valsti - l'État dans l'État А. д'Обинье,
1610 (государство в государстве);

beigu sākums - commencement de la fin Талейран, 1815
(начало конца);

zilonkaula tornis - tour d'ivoire Сент-Беву, 1837
(башня из слоновой кости),

Ja noslēdzies savā čaulā, savā interešu zilonkaula tornī, tu vairs nedzīvo ne cilvēkiem, ne pats sev (Rīgas Balss, 1981, 13).

Vīpa ierastākie vārdi bija šādi: "Man ir šausmīgi slikti, tas ir beigu sākums, Anet! ... (E. Rubene. Pilsētas bērni. R., 1986, 55.lpp.).

Отметим, что многие ФЕ подвергались некоторым изменениям, прежде чем стабилизироваться в языке.

Pareizāki būtu teikt, ka no vienas puses māksla arvien vairāk izsmalcinās, kalpo arvienu šaurākām aprindām, top tuvāka idealai "mākslai priekš mākslas", bet no otras - izplūst, saplok, vulgarizējas un vulgarizē (Mūzika, 1925, 2, 60.lpp.).

Līdz ar to noteikti atmests pazīstamais lozungs "māksla mākslas dēļ", jo itālistiskai mākslai jākalpo itāliešu tautai (Jaunākās Ziņas, 1938. 294).

Tās galvenā ideja - māksla mākslai (Padomju Jaunatne, 25. 8.1987).

Многие ФЕ связаны с историей Франции, но в основном потеряли эту историческую связанность и ограниченность: zelta jaunatne - jeunesse dorée (золстая молодежь). Первоначально так называли парижскую контрреволюционную молодежь, группировавшуюся после 1794 г. вокруг термидорианской реакции. Потом ФЕ стала обозначать богатую молодежь, прожигающую жизнь:

"Zelta jaunatne" uzstājas (Strādnieku Avīze, 1934, 26.4);
Šodien pēc abus notiesātos Londonas "zelta jauniešus"
(Jaunākās Ziņas, 1.3.1938);

Abu dzimumu pārstāvji bez jebkādam bīksītēm pērās pa
ūdeni un smiltīm, ka putēja vien. Zelta jaunatne. Dabas
bērni (Avots, 1987, 6.51. lpp.).

pēc mums kaut ūdens plūdi - après nous le déluge (после нас хоть потоп).

Эта фраза приписывается королю Людовику XV или его фаворитке маркизе Помпадур, сказанную в 1757 году в утешение после поражения французских войск при Росбахе. Возможно, что эта фраза - отзвук стихотворения неизвестного греческого поэта, который часто цитировал Цицерон и Сенека: "После моей смерти пусть мир в огне погибнет" (Ашукин, 1987, с. 274). Возможно также библейское воздействие - фраза-всемирный потоп.

"Lai dzīvo jautri! Pēc mums var nākt grēku plūdi"
(Poruks. Raksti. 9, 29. lpp.).

Pēc mums un bez mums kaut vai ūdensplūdi (Dzimtenes
Balss, 27.2.1986).

Достаточно многочисленны ФЕ и без установленных прототипов, например: būt zobam uz - avoir une dent contre qn. (иметь зуб против кого-л.); nosist laiku - tuer le temps (убить время); nomest cimdu - jeter le gant (бросить

перчатку); braukt pa zaķi - voyager/ aller en lapin (ехать зайцем); uzlikt punktu uz i - mettre les points sur les i (ставить точки над и); pieņemt mērus - prendre des mesures (принять меры); pievilkt aiz matiem - tiré pas les cheveux (притянуть за волосы); turēt vārdu - tenir (sa) parole (держат слово); par katru cenu - à tout prix (за любую цену); skaistais dzimums - le beau sex (прекрасный пол).

Bija arī tādi ļauži, kas apmeklēja pilsētīņu, lai dzertuvēs nosistu naudu un laiku (A. Gulbis. Toreiz zēna gados. 1977, 10. lpp.).

Es šai vilcienā braucu pa zaķi (Ziedonis. Motocikls. 1965, 84. lpp.).

Довольно много также случаев лексикализации, когда французское словосочетание превратилось в лексическую единицу (обычно путем транскрипции), например:

popurijs - pot pourri (попурри);
komivojažiers - commis voya geur (комивояжер);
odekolons - eau de Cologne (одеколон);
beletaža - bel étage (бельэтаж).

Суммируя, можно сказать, что фонд французских заимствований стабилен (около 200 ФЕ). Заимствованные единицы существуют на разных уровнях латышского языка - много литературных фраз, цитат, но и много фраз, употребляемых в повседневном языке. Единицы адаптировались в латышском языке и обладают высокой рекуррентностью, занимая существенное место во фразеологической системе современного языка. Однако заимствования новых единиц не наблюдается.

10.7. Фразеология английского происхождения

Контакт с английским языком, как правило, носил характер культурных связей. Вплоть до конца 19 в. он практически не оказывал влияния на латышский язык в сфере фразеологии. Английский язык был мало распространен даже среди просвещенной части общества, интеллигенции. Об этом свидетельствует и тот факт, что первые переводы с английского появились лишь в 80-е годы 19 в. (Vilsons, 1971), хотя произведения английских писателей были известны уже с начала века через посредничество немецкого языка.

Практически говорить о заимствовании английских ФЕ можно только с начала 20 в., в отличие от лексического заимствования англицизмов, которое началось раньше (в конце 18 - начале 19 в.) (Baldunčiks, 1979, 1990).

С 20-х гг. английский язык начал широко распространяться в Латвии, что обуславливалось ее политико-экономической ситуацией с доминированием англоязычных стран во внешнеполитической ориентации (Англия, США). В 20 - 40-е гг. между английским и латышским языками существовали прямые контакты. Постепенно он стал ведущим иностранным языком в системе образования, в 1922 году в Риге был открыт английский институт.

После войны наступил период ослабления латышско-английских языковых контактов, заимствование ФЕ происходило через русский язык, однако в конце 50-х - начале 60-х гг. заимствование снова расширилось.

В настоящее время (и в прогнозируемом будущем) латышский язык заимствует ФЕ, главным образом, из русского и английского языков. Таким образом, английский язык является одним из глав-

ных (а в некоторых сферах и ведущим) поставщиком фразеологии для латышского языка, причем контакты между двумя языками являются как прямыми, так и косвенными, т.е. осуществляемыми при посредничестве русского языка.

Беспереводные ФЕ, как вкрапления в латышский язык, появляются в конце 19 в., обычно вместе с другими заимствованиями в связи с описанием Англии, коммерции, английских нравов. Отметим, что опыт ведения хозяйства и торговли в Великобритании в это время служил для Латвии образцом.

Un Eplantes sakams vārds: "time is money" (laiks ir nauda) paliek visur taisnībā (Latviešu Avīzes, 1873, Nr. 48).

"Fare well, Eveline!" es iesaucos ... (Baltijas Vēstnesis, 1870, Nr. 25).

Беспереводные ФЕ параллельно с их кальками постепенно укоренялись в языке и в начале 20 века приобрели стабильность:

time is money, last not least, my home is my castle.

... Viņa balss tehniskās izglītības gatavība, temperamenta pilnais priekšnesums un - last non least - smalkā spēle, vakardienas izrādē parādījās visā pilnībā (Dzimtenes Vēstnesis, 20.12.1907),

... bet visspilgtāk tās parādās viņa simfonijās, sevišķi III, V, VII un last not least - IX simfonijā.

(Dzimtenes Vēstnesis, 2.6.1909).

Пласт беспереводных заимствований все время пополнялся, особенно в 20-30-е гг., когда между языками установились прямые контакты и происходила почти инвазия новых ФЕ в латышский язык.

Ar tām viņi satikās oficiālos rautos un five
- o'clock'os (Ritums, 1923, Nr. 2.106.lpp.).

Bargā, nežēlīgā cīņā starp prezidentu Rūzveltu un
"big biznes'u" kļūst arvien asāka (Stāsti un Romāni,
1938, Nr. II, 425.lpp.).

Še arī tamdēļ gribam īsumā raksturot angļu džentelmeni,
amerikāņu self made man'u, franču buržuā un krievu
lielinieku (Burtnieks, 1935, Nr. I.82. lpp.).

Как видно, в это время существовала тенденция ассимиля-
ции беспереводных заимствований путем добавления окончаний.
Надо отметить, что не все ФЕ заимствовались, многие остались
на уровне вкраплений, некоторые заимствовались в форме кальки:

Pie viņa piegāja tēvocis, uzlika tam roku uz pleca un
teica: - Take it easy! Ņem to viegli (A. Plaudis. Ameri-
kas brīnumi. R., 1940.102.lpp.);

Zīmējoties uz angļu - italiešu "gentlemen's agreement"
Gēringam apliecināšot, ka tas nevarot ietekmēt italie-
šu - vācu attiecības, un abu valšķu sadarbība turpinā-
šoties (Jaunākās Ziņas, 14.I.1937);

Panāktā vienošanās stabilizē stāvokli Vidusjūras austrum-
daļā un apstiprina status quo, par kuru ir runa Anglijas
un Itālijas "Gentlemen agreement'a" (Jaunākās Ziņas,
28.I.1937);

Tam vienmēr ir bijusi "proamerikāniska" nostāja, lai
gan pēc džentelmeņu norunas SVF direktors ir speciā-
lists no Rietumeiropas (Rīgas Balss, 24.I2.1985);

Freibergs aizveda pie Ādolfā Šapiro un režisors mani ie-
saistīja tādā kā džentelmeņu norunā (Padomju Jaunatne,
27.3.1986).

Последние примеры убедительно свидетельствуют о переходе заимствования от беспереводного в сферу кальки.

В 20-30-е гг., кроме укоренившихся ФЕ, в язык входит много новых беспереводных заимствований - splendid isolation, self made man, better late than never, fair play, hot dog, sex appeal:

Dāmām jāizvairās no pārāk deļojošas vai ļodzīgas gaitas, kaut arī dažas domā, ka tā izceļ "sex appeal" (Dzīves Māksla, R., 1932/33, 48. lpp.);

Anglis uzskata dzīvi savā ziņā par spēli, kaut gan godīgu spēli (fair play), bet fašisti uzņem dzīvi kā pienākumu, progresu vai uzvaru (Burtnieks, 1935, I, 82. lpp.).

Одни из этих единиц вошли в постоянный фонд беспереводных ФЕ, другие исчезли, третьи лексикализировались (sex appeal - seksapīls).

В связи с войной и в послевоенное время наступил период относительного прекращения заимствования. В 60-е и последующие годы нормальное заимствование возобновилось, а в 80-е гг. английский язык стал основным поставщиком новых беспереводных ФЕ и постепенно приблизился к латинскому по частоте употребления беспереводных единиц. Заимствуются новые и новые ФЕ: hat trick, play off, think tank, know how, brain drain, heavy metal, tie break, baby boom, mass media, break dance.

Например.

... kaut ātrāk Rītiņš tiktu atsaukts uz Latviju kā mācību spēks "think tank" grupas izveidošanai ...

(Latvijas Jaunatne, 22.3.90).

В современном языке существует около 50 беспереводных фразеологизмов английского происхождения.

Параллельное укоренение калькированных форм многих ФЕ не всегда сопровождается отпаданием беспереводных прототипов, так как они обладают специфическими стилистическими особенностями, которые часто нужны для создания желаемого колорита. Об этом свидетельствует следующий пример:

Bet baleta gadi rit. Arī Aivara smilšu pulkstenī tie šobrīd jau ir fifty-fifty. Nodejotie un nodejojamie. (Zvaigzne, 1987, 13,13. lpp.).

К тому же существуют единицы, которые калькировать или трудно или почти невозможно. Так, например, ФЕ self made man поддается лишь описательскому переводу:

Šie apstākļi tad arī izveidoja Gunāru tādu, kāds viņš ir tagad, divdesmit astoņu gadu vecumā: ne ko pielikt, ne atņemt, īsts self made man, - vienīgi paša spēkiem un itin kā spītējot šķēršļiem, viņš, kā saka, ir izlauzis sev ceļu dzīvē, un arī paļauties viņš radis tikai vienīgi pats uz sevi (Liesma, 1985, 10, 11. lpp.).
... palīdzēja radīt kādreiz tik precīzo, bet nu jau naivo mītu par Latviju "self-made girl" - scenogrāfiju (Literatūra un Māksla, II.4.1986).

Неудачными были и попытки калькировать ФЕ know how (сравните употребление беспереводного и калькированного вариантов):

Amerikāņu "zini - kā", pamatots uz bezpersonisku likumu un spēku darbību, kļuva par magisku elementu, kas Fili-

pīnu sabiedrībai uzsita jaunu enerģijas vilni (Liter. un Māksla, 9.I.1986).

Daudz labāk šis pats frazeologisms valodā iederas netulkotā formā: Šī organizācija pārstāv Padomju Savienības izgudrotājus, uzņēmumus un pētniecības institūtus licenču un "know-how" pasaules tirgū (Padomju Jaunatne, 29.I.1986).

Как видно, существуют ФЕ следующего характера:

1) книжного - a household name, stiff upper lip, American dream:

Toms Sojers kļuva par multimiljonāru un prezidentu.

Dzīvs "American Dream" (amerikāņu sapņa) paraugs (Padomju Jaunatne, 28.5.1988);

2) газетно-публицистического - mass media, Fleet Street, brain drain;

Lai kā amerikāņu mass media centās tās noklusēt, tas viņiem nebija pa spēkam (Cīņa, 16.4.1987).

3) разговорного - to be or not to be, my house is my castle, time is money:

Vai nav burvīgi? "Time is money", viņi saka (Zvaigzne, 1989, 8,21. lpp.).

Новозаимствованные ФЕ, как правило, двухкомпонентные:

hat trick, heavy metal, play off, tie break, break dance.

Фразеологических транскрипций из английского языка мало.

Это имена собственные, которые вследствие метонимизации обрели статус ФЕ. Например:

Džons Buis - John Bull (Джон Буль - англичанин);

Šerloks Holms - Sherlock Holmes (Шерлок Холмс - детектив);

Džons Smits - John Smith (Джон Смит - средний англичанин);

Piters Pens - Peter Pan (Питер Пан - невзрослеющий мальчик).

Skolotāja laikam ir Šerloks Holms, jo bieži vien kāds uzdod jautājumu: kur ir jūsu audzēknis? (Padomju Jaunatne, 5.IO.I985).

Tas, ka Džons Buls ironiskā valodā nozīmē anglis, nebūt nenozīmē, ka Bairons smējies par angļu tautu (Ž. Grīva. Proza. 3. sēj.R., 1960, 93. lpp.).

В этой группе много английских ФЕ, которые при заимствовании проходят трансформацию, а именно - лексикализацию. Например:

Flitstrīta/s - Fleet Street (Флит-стрит - английская пресса);

Volstrīta/s - Wall Street (Уолл-стрит - американские финансовые круги);

Dauningstrīta - Downing Street (Даунинг-стрит - английское правительство);

Skotlendjards - Scotland Yard (Скотленд-ярд - английская уголовная полиция);

rokenrols - rock and roll (рокенрол).

Некоторые лексикализованные при заимствовании транскрипции позже все-таки обретают статус ФЕ. Примером может служить раннее употребление транскрипции John Bull, которая в наши дни является стабильной ФЕ:

Mans vācu Miķeļa un Džonbulla gars tik mierīgi snaust un gulēt vien gribējis (Pēretburgas Avīzes, 1862, 2. Pielikums).

Наблюдается и переход от первоначальных полукалек к полностью транскриптивным заимствованиям. Например, в 30-е годы использовалась полукалька Dauninga iela (Downing street):

Čerčils ceļā uz Dauninga ielu (Jaunākās Zīpas, 4.4. 1940);

... viņš vēlreiz atgriežas slavenajā valdības namā Dauning - ielā (Brīvā Zeme, 14.7.1935).

После войны нормальным является транскриптивное лексикализованное употребление:

Ņememos iztulkot šo negaidīto Dauningstrīta 10 gājieni (Cīņa, 19.5.1987).

Полукальки возникают в случае "непереводимости" одного или нескольких компонентов ФЕ, которые обычно подлежат транскрипции. Непереводимость эта не абсолютна, однако существуют какие-то факторы, противодействующие этому.

Непереводимость может возникнуть, когда ФЕ содержит имя собственное или неэквивалентную лексику, характерную для иноязычной действительности, например:

tēvocis Sems - Uncle Sam (дядя Сем - американские правящие круги);

linča tiesa - Lynch law (суд Линча - несправедливый суд);

krusttēvs Toms - Uncle Tom (дядюшка Том);

Mērfija likums - Murphy's law (закон Мерфи);

asinainā Mērija - Bloody Mary (кровавая Мери);

bīta paaudze - the beat generation (бит-поколение);

pēdējais mohikānis - the last of the Mohicans

(последний из могикан);

melnā Mārija - Black Mary (черный ворон).

Noteiktajā laikā parādījās "Melnā Marija", kā Londonā sauc policijas automobili (Brīvā Zeme, 17.07.1936).

Jaunākajā nedēļas izdevuma "L'Europeo" numurā lasāms, ka tikai pieci procenti aptaujāto vēl joprojām uzskata tēvoci Semu par "Itālijas uzticamu sabiedrību"

(Padomju Jaunatne, 2.II.1985).

Существуют многочисленные кальки, в которых есть компоненты, взятые из английского языка. Однако, если эти элементы существовали уже в латышском языке до появления в нем кальки ФЕ и функционировали в языке как самостоятельные лексические единицы, их нельзя считать заимствованием с частичными фонографическими изменениями, следовательно, это не полукалька, а полная калька, так как непереуведенная часть ФЕ является фактически переуведенной. Например:

džungļu likums - jungle law (закон джунглей);

dzeltenā prese - yellow press (желтая пресса);

"Dzeltenā prese", draudēdama ar "komunisma briesmām", metās kārtējā uzbrukumā pret valsts demokrātisko opozīciju (Padomju Jaunatne, 25.IO.1985).

Но основную массу фразеологизмов, заимствованных из английского языка, составляют фразеологически-е кальки. Они начали проникать в язык в конце 19 века (см. также беспереуводные заимствования), например:

Mans nams ir mana pils - ir veca paruna (Baltijas Vēstnesis, 1895, IO).

В 20-30-е годы в языке, особенно в ежедневной прессе, которая отличается исключательной оперативностью, появляется

много окказиональных калек, буквальных переводов:

Ir sagatavota zeme jauniem uzdevumiem (Jaunākās Ziņas, 12.II.1937).

В наши дни в языке укоренилась фраза sagatavot augsni (под влиянием русского "подготовить почву").

Даже после войны, когда заимствованию ставились серьезные преграды, в языке появляются новые актуальные кальки. Так, после употребления У. Черчиллем в знаменитой Фултонской речи (5.3.1946) ФЕ iron curtain (железный занавес) уже через неделю калька появляется в латышской прессе.

... viņš saka vārdus, kas pilni auksta naida pret patieso demokrātiju, par Padomju Savienības "ekspansijas tendencēm", par "dzelzs priekškaru", kas nolaists kontinentā" ... (Cīņa, 12.3.1946).

Подобным образом заимствовалась ФЕ aukstais karš - cold war (холодная война).

В 70-80-е годы число новых калек из английского языка резко увеличилось, например, dzelzs lēdija (iron lady), karstā līnija (hot line), pārmaiņu vēji (wind of change), smadzeņu trests (BrainsTrust), treknais ķekis (fat cat), tumšais zirdziņš (dark horse), zilā berete (blue beret), zaļā domāšana/ logika (green thinking/ logic), efejas līga (ivy league),

Šogad parlabākajām ASV universitātēm žurnāls atzina pasauleslavenās, gadu simtiem vecās "efejas līgas" universitātes: Hāvardu, Jeilu, Prinstonu (par "efejas līgas" universitātēm tās sauc lielā vecuma dēļ - to staltās ēkas jau sen ir paguvušas noaugt ar efejām).

(Universitātes Avīze. 17.5.90).

Zaļā logika (Pētergailis. 4.I2.89).

Zaļajā domāšanā. (Atmoda. 22.II.89).

Вообще в современном латышском языке существует более 250 фразеологических калек и полукалек из английского языка. Фразеологические кальки английского происхождения обладают некоторой особенностью - они неравномерно распределяются по фразеологическому фонду языка, а именно: относительное число калек номинативно-терминологического характера велико, а фразеологических калек коммуникативного характера незначительно, если сравнить соотношение этих двух групп в английском и латышском языках. Пословицы представлены небольшим числом (15), например:

kas maksā, tas pasūta mūziku - he who pays the piper

calls the tune (кто платит тот и заказывает музыку);

zirgu var pievest pie ūdens, bet to nevar piespiest dzert -

you can take the horse to the water, but you cannot make

him drink (можно пригнать коня на водопой, но пить его не заставишь);

spalva ir stiprāka par zobenu - a pen is mightier than

sword (перо сильнее меча, Е.Г.Бульвер Литтон, 1839);

mans nams ir mana pils - my house is my castle

(мой дом - моя крепость, Э. Кок);

ceļš uz elli brugēts labiem nodomiem - road to hell is

paved with good intentions (дорога в ад вымощена

благими намерениями, Р. Саути).

Незначительно также число афоризмов и поговорок английского (американского) происхождения:

turēt sausu pulveri - to keep one's powder dry

(держат порошок сухим) (Кромвель);

fakti ir spītīgi - facts are stubborn things

(факты - упрямая вещь) (Эллиот, 1747);

laiks ir mūsu pusē - time is on our side

(время работает на нас) (Гладстон, 1866);

Только несколькими единицами представлена фразеология В. Шекспира (в английском языке более 100 ФЕ).

būt vai nebūt - to be or not to be

(быть или не быть) (Гамлет, 3.3);

puskaralvalsts par zirgu - a kingdom for a horse

(пол царства за коня) (Ричард III, 5,4);

Интересно, что перевод пьесы дает другую фразу:

Šurp zirgu! Zirgu! Valsti atdošu par to!

Представляется, что мы имеем случай интерференции русского языка:

Kam ir ķemme? Puskaralvalsti par ķemmi! - spiedza

Leonarda ... (Liter. un Māksla, 25.II.1989).

Labi rūkts, lauva - well roared Lion

(хороший рёв, лев) (Сон в летнюю ночь, 5,1);

... pulkvedis pagriezās pret ienācējiem, un draudzīgi

uzsmaidīja: - Labi rūkts, jaunais lauva, pieņemami.

(A.Grigulis. Kad lietus un vēji sitas logā. R., 1965,

415.lpp.).

Зато очень развита группа номинативных ФЕ с явно выраженным терминологическим характером. Обычная конструкция этих ФЕ - прилагательное+существительное. Двухкомпонентные единицы этого типа обычно обслуживают разные сферы деятель-

ности человека и благодаря их кратности являются популярными в 20 веке. Обычно один элемент ФЕ имеет переносный смысл.

Чаще всего английские единицы обслуживают следующие сферы:

1) международные отношения:

virsoṭṅu tikšānās - summit meeting (встреча наверху);

lielgaballaivu diplomātiĵa - gunboat diplomacy

(дипломатия канонерок);

trešais groziņš - the third basket (третья корзина);

atspoles diplomātiĵa - shuttle diplomacy

(челночная дипломатия);

2) экономика:

atvērto durvju politika - open door policy (политика открытых дверей);

smadzeņu aizplūde - brain drain (утечка мозгов);

smadzeņu trests - brains trust (мозговой трест);

algas iesaldēšana - wage freeze (замораживание заработной платы);

3) юриспруденция:

linča tiesa - Lunch law (суд Линча);

elektriskais krēsls - the electric chair (электрический стул);

nopratināšana jautājumu krustugunīs - cross examination (перекрестный допрос);

4) военная сфера:

zaļās beretes - the green berets (зеленые береты);

zvaigžņu kari - Star Wars (звездные войны);

5) журналистика, литературоведение, музыка, телевидение:

dzeltenā prese - the yellow press (желтая пресса);

arziņas plūsma - stream of consci-ousness (поток сознания);

smagais metāls - heavy metal (тяжелый металл);

zierju opera - soap opera (мыльная опера);

spagetti westerns - spaghetti western (спагетти вестерн).

В некоторых случаях английский язык будучи языком-посредником, превышает свою функцию, так как языком-источником является малоизвестный язык, а английский распространяет ФЕ на многие языки мира. Такими ФЕ, презаимствованными латышским языком являются, например: smadzenu skalošana brainwashing (промывание мозгов) и zaudēt seju - to lose one's face (потерять лицо) из китайского языка; aprakt kara cirvi - to bury the hatchet (заклечь мир), iziet uz kara takas - to go on the war path (ступить на тропу войны) из языков аборигенов Северной Америки, svētā govjs - sacred cow (священная корова) из языков народов Индии. Под вопросом также язык-источник таких ФЕ, как visu karš pret visiem - war of everyone against everyone (война всех против всех) - из книги Т. Гоббса "Левиафан" (1651), в оригинале - Bellum Omnium Contra Omnes, и zināšanas - spēks - knowledge is power (знание - сила) - из книги Фр. Бекона (1597) "Нравственные и политические очерки", написанной на латинском языке, Scientia potestas est.

По сравнению с оригиналом многие кальки с английского языка претерпели некоторые изменения:

1) замену компонентов:

vesā labā Anglija - merry old England (старая,
добрая Англия);

2) расширение ФЕ для достижения большей ясности:

pelēkā smadzeņu viela - the grey matter (серое
вещество),

nopratināšana jautājumu krustugunis - cross examinati-
on (перекрестный допрос);

3) эллипсис:

kas maksā, tas pasūta mūziku - he who pays the piper
should tune the music (кто платит,
тот и заказывает музыку);

4) лексикализацию: обычно это отдельные английские двух-
компонентные номинативные ФЕ, которые подвергались лексика-
лизации.

bālgimis - pale face (бледнолицый);

nokauts - knock out (нокаут);

zilzeķe - blue stocking (синий чулок);

medusmēnesis - a honey moon (медовый месяц);

5) фразеология английских слов (как правило, сложных слов):

smadzeņu skalošana - brainwashing (промывание
мозгов);

strausa politika - ostrichism (политика страуса);

6) уменьшительное окончание существительного в латышском
языке:

tumšais zirdziņš - a dark horse (темная лошадка);

trešais groziņš - Basket Three (третья корзина);

7) в отдельных случаях наблюдаются некоторые семантические расхождения. Так, ФЕ the Dark continent , созданная Г.М. Стенли в 1878 году, означала Африку с семантикой "неизвестный континент", а в латышском языке ФЕ melnais kontinents ассоциируется с цветом кожи коренных жителей Африки.

Суммируя, можно сказать, что английский язык в качестве поставщика фразеологии является в настоящее время главным донорским языком, причем число заимствованных ФЕ нарастает в связи с языковой ситуацией в Латвии, в которой английский язык является самым динамичным контакт-языком во многих сферах.

10.8. Фразеология другого происхождения

Небольшую группу составляют заимствования из испанского языка. Испанские ФЕ появились в латышском языке во второй половине 19 века и, как показывает материал и сопоставление с переводами испанской литературы, были заимствованы через языки-посредники. Так, например, ФЕ Don Kihots (донкихот) в тексте употребляется с французским беспереводным вариантом испанского el caballero de la Figura Triste - triste chevalier:

Šo ievērojot, mums negribot nāk prātā kāds trieste chevalier, kas aitu pulku uzskatīja par karapulku; šo bēdīgo bruņnieku sauc Don Kihots (Dienas Lapa, 1895, 15, 3).

Заимствованные ФЕ - cīnīties ar vējdzirnavām (сравняться с ветряными мельницами), Dons Kihots (донкихот) уже в 19 веке стабильно укрепились в фонде заимствованной фразеологии, а источник этих единиц роман Сервантеса "Дон Кихот" был переведен на латышский язык лишь в 1921 - 1922 гг. (перевод А. Эрса), причем не с испанского языка. Только в 1937/ 38 г. появляется первый полный перевод с испанского К. Раудиве. Между тем уже во второй половине 19 века, т.е. в период формирования национального языка, эти единицы употребляются и как сравнения, и как полностью самостоятельные единицы:

... "ne ar vienu teikumu nenostājoties pret Jūsu tiešām izteikto uzskatu, bet cīnoties tikai pret "vējdzirnavām"... (Kronvalds. Tautiskie centieni II, 215.lpp.),

... bet, ja kādas dzīvei svešas idejas arī sakarsētu galviņas, tad no tādiem var iznākt tikai Don Kichoti (Don Quixote), kas cīkstās ar vēju dzirnavām un ved karu ar aunu bariem (Dienas Lapa, 1886, 76-77),
... tā T. kga cīniņš pret vecu laiku vielu ir kā cīniņš pret vējsudmalām (Austrums, 1889, 33I-354),
... tas uz savām vecuma dienām iesācis cīnīties ar vējsudmalu spārniem (Mājas Viesa Liter. Pielikums, 1894-18).

Вариантность, причем синхронная (cīnīties/ cīkstēties; vējdzirnavas, vējsudmalas), свидетельствует о еще незаконченной ассимиляции, но число употреблений указывает на прочное закрепление образа в языке. Во второй половине 20 века закрепились формы - cīnīties ar vējdzirnavām и Dons Kihots (иногда dons kihots).

Фразеологическая единица piektā kolona - quinta columna (пятая колонна) возникла во время гражданской войны в Испании после выступления генерала Мола, утверждавшего, что помимо четырех колонн, движущихся на Мадрид, есть еще пятая в самом Мадриде - тайные агенты, проводящие подрывную работу и диверсии (30.6.1936).

В течение очень короткого времени эта ФЕ стала фразеологическим интернационализмом, чему, конечно, содействовала международная ситуация, и уже через год она стабильно использовалась в латышском языке.

Šis bloks ir vienkārši bendes, pagrīdes slepkavu kopa, starptautiskā fašisma priekšpostenis, tā pati "piektā kolonna", kas darbojas Spānijā (Jaunākās Ziņas, 12.3.1938).

Arī Zviedrija cīņā ar "piekto kolonu" (Jaunākās Ziņas 18.5.1940).

Cīņā pret 'piekto kolonu' valdība sper arī dažādus citus drošības soļus (Jaunākās Ziņas, 14.5.1940).

Кроме фразеологических заимствований, связанных с романом Сервантеса "Дон Кихот" - cīnīties ar vējdzirnavām - molinos de viento acometer (сражаться с ветряными мельницами), bēdīgā tēla brunīnieks - el caballero de la Figura Triste (рыцарь печального образа), а также транскрипций Dons Kihots - Don Quijote (Дон Кихот) и Sančo Pansa - Sancho Pansa (Санчо Панса), испанская литература пополняет латышскую фразеологию и другой транскрипцией - dons Žuans - Don Juan (дон Жуан) из пьесы Тирсо де Молинье. В начале заимствования она была исключительно в форме двухкомпонентной единицы:

... dēvēdams viņu par Cīrulenes un Elku muižas Donu Žuānu un slepkavu (J. Janševskis. Dzimtene, 4, 1987, 95. lpp.).

O! Pēc 3 vai 4 gadiem no jums iznāks krietns Don-Žuans (Teātra Vēstnesis, 6, 1922).

В настоящее время часто встречается лексикализованный форма, так же как и единица eldorādo (el dorado):

Man likās, ka viņiem pieder zelta zeme, Eldorādo, kuru mēs, vecie, jau esam pazaudējuši (Gadagrāmata' 91. R., 1990. 2II. lpp.).

Из испанского заимствована и ФЕ zilās asinis - la sangre azul (голубая кровь).

Из беспереvodных заимствований заимствована лишь одна ФЕ no pasarán, но она имеет исторически ограниченный контекст - связана с гражданской войной в Испании (слова Д. Ибар-

пури 18.6.1936 г.). Беспереводное заимствование имеет и кальку vinī netiks sauri (они не пройдут).

Итальянский язык в латышской фразеологии представлен многими беспереводными заимствованиями: salto mortale, lingua franca, fata morgana, tutti frutti, cosa nostra, finita la comedia, cosi fan tutte, alla prima, traduttore traditore, bel canto, o sole mio.

Эти заимствования имеют давние традиции. Так, словарь иноязычных слов и выражений 1906 г. уже дает в качестве укоренившихся ФЕ fata morgana, carne vale (karnevāls).

В периодике начала 20 века также довольно много беспереводных ФЕ:

Šā iemesla dēļ tad arī šādiem tutti frutti koncertiem nevar būt audzinošas nozīmes priekš mūsu /.../ publikas (Pēterburgas Avīzes, 1902,70).

Kas ir amnestija?

- Fata morgana, iepriecinoša acu apmānīšana gurdieniem ceļotājiem, bet arvien tos smirdošā purvā ievedoša (Spitnieks, 1906,2,16. lpp.).

Во второй половине 20 века употребление итальянских беспереводных ФЕ ограничивается несколькими единицами универсального использования, например:

... bija nieks pārmest salto mortale vai staigāt uz rokām ... (Literatūra un Māksla, 13.2.1987).

Остальные используются, главным образом, в текстах, посвященных Италии, в искусстве:

O sole mio! Braucam, braucam (Latvijas Jaunatne, 4.9.1990).

... "cosa nostra" tiecas to ieguldīt arī legālajā
biznesā ... (Cīņa, 12.4.1987).

Фразеологических калек итальянского происхождения мало,
например:

un tomēr viņa griežas - erpur si muove (и все-таки
она вертится), приписываемая Г. Галилею;

visi ceļi ved uz Romu - tutte le vie conducono a Roma/
per più vie si va a Roma (все дороги ве-
дут в Рим), хотя и существует взгляд, что эта ФЕ фран-
цузского происхождения - to-us les chemins mènent a Rome
(из басни Лафонтена);

mērķis attaisno līdzekļus - il fine giustifica i mezzi
(цель оправдывает средства), созданная Н.Ма-
киавелли, позже ставшая принципом ордена иезуитов;

tā dara visas - cosi fan tutte (так делают все);

atstāj visas cerības (ieejot) - Lasciate ogni speranza
(voi ch'entrate) (оставь надежду на-
всегда) из "Божественной комедии" (III,9) Данте; и аллюзия

dantes elle - "Inferno" - ("Ад" I,I)

melnais kreklis (melnkrekls) - camicia nera, , озна-
чающая фашистов Италии:

Kad Musolini ievērojamajā 1922. gada 29. oktobrī ar sa-
viem trīsdesmit tūkstošu melnajiem krekliem ienāca Romā,
no pils nāca pavēle viņam ierasties pie karaļa (Brīvās
Zemes Ilustrētais pielikums. 1936,2).

Есть и стабильная полукалька - ciest fiasco - far fiasco
(потерпеть фиаско), заимствованная, наверняка, через французс-
кий язык (faire fiasco). ФЕ в несколько другой форме можно

найти уже в словаре иностранных слов 1906 г. - fiasko taisīt.
В этом же словаре дается и другая полукалька - furoru taisīt,
которая из языка исчезла, но первая ФЕ сохраняет стабильность:

Luga, kas pirms divdesmit gadiem izgājusi ciņā pret
liekulību un meliem, bija cietusi fiasko (Liter. un
Māksla, 25.II.1988).

Существует несколько ФЕ, в отношении которых не ясно -
являются ли они независимыми образованиями или проникли в
язык как заимствования:

sārju kļiedziens - Cri de douler (крик боли), ФЕ,
приписываемая графу Камилло Бенсо ди Кавур (1855);

saldā dzīve - la dolce vita (сладкая жизнь) -
название известного фильма Феллини (1960):

Ir pozitīvie un negatīvie, cietēji un pirdzēji,
savš detektīviņš, sava "saldā dzīvīte" ...
(Māksla, 1989, 3).

Остальные языки пополнили фонд фразеологии почти еди-
ничными ФЕ.

Так ФЕ ja kalns neiet pie Muhameda, tad Muhameds
iet pie kalna (если гора
не идет к Магомету, то Магомет идет к горе) берет свое нача-
ло в арабских рассказах. Близкая единица существовала и в
турецком языке. Языком - посредником был английский - в очер-
ке Фр. Бекона "О смелости" (1625) мы встречаемся с этой фра-
зой - If the Hill will not come to Mahomet, Mahomet will go
to the Hill.

То, что ФЕ заимствована через язык-посредник, подтверждает
ранее употребление единицы в другой форме по сравнению с

настоящей:

- Nākat šurp.

- Tas tikai vēl trūka!

- Nu ja kalns neiet pie Mahometa ...

(Eross, 1925, 2.6.lpp.).

ФЕ sunī rej, bet karavāna iet/ dodas tālāk

(собаки лают, но караван идет вперед) - турецкого происхождения (Михельсон, 1912), но заимствована посредством французского (les chiens aboient la caravan passe)

и русского языков:

Таču, kā saka, sunī rej, vējš pūš, bet karavāna iet tālāk (Padomju Jaunatne, 20.2.1987).

Из португальского языка взята ФЕ auto dafē - auto da fe (аутодафе), которая в наши дни обычно употребляется как сложное слово, но в начале заимствования употреблялась в форме транскрипции:

"Burvīgi līgodams", skaļi gaviļēdams, tas varētu sarīkot efektu pilnu auto dafē visām tautas gara un citām mantām ... (Dienas Lapa, 1895, 153).

Норвежский язык представлен ФЕ mīlas trīsstūris - Kjærlighets trekant (любовный треугольник) из пьесы Г. Ибсена "Гедда Габлер":

... to varam uzskatīt par tradicionālu franču "mīlas trīsstūra" gabalu (māte, meita, mīlnieks un turklāt rezonieris) ... (Daugava, 1939, 3.295. lpp.).

Из сказок датского писателя Г.Кр. Андерсена были заимствованы единицы neglītais pīlēns (гадкий утенок), karalis ir kails/ kailais karalis (голый король), princese uz zirņa

(принцесса на горошине).

Из голландского языка заимствован оборот klusā daba (натюрморт) - stilleven , возможно, посредством немецкого языка stilleben , из чешского языка - знаменитая фраза Ю. Фучика " silvēki, esiet modri " (люди, будьте бдительны) и т.д.

II. Заимствование и интернационализация

Заимствование и интернационализация фразеологии являются взаимосвязанными и взаимообогащающими процессами. Заимствование представляет собой один из основных видов формирования интернациональной фразеологии (если не считать самостоятельного возникновения межъязыкового параллелизма).

Как подчеркивает Э.М. Солодухо (1989, с.77), исторически факт заимствования предшествует факту интернационализации ФЕ. Вообще заимствование тяготеет к речи, особенно на первых этапах его функционирования и ассимиляции в иноязычной системе, а интернационализм же тяготеет к языку.

В свою очередь, интернационализация фразеологического фонда (как процесс) способствует заимствованию новых конкретных единиц в конкретных языках.

Таким образом, характеристики интернационального и заимствованного нередко перекрещиваются, а иногда и накладываются одна на другую, что также подчеркивает относительный характер этих явлений. Часто разграничение их возможно лишь диахронически.

Многие фразеологические заимствования представляют собой фразеологические интернационализмы, встречающиеся в большинстве европейских языков, например целые пласты античной мифологической фразеологии, библейские единицы и т.д. Но не все интернационализмы следует рассматривать как заимствования. Существует отмеченный выше (гл. 2) пласт интернациональных ФЕ, которые возникли как результат независимого развития фразеологии, т.е. имеют исконное происхождение.

Наряду с этим в латышском языке отсутствует значительное число фразеологических интернационализмов, существующих во многих европейских языках, но многочисленны ФЕ, заимствованные из немецкого, русского и других языков и не являющиеся фразеологическими интернационализмами. Графически это состояние можно показать в следующем виде:

Говоря о конкретных языках, следует отметить, что заимствования из латинского и греческого языков, а также библеизмы являются наиболее интернациональными по своему составу.

Так, из латинских заимствованных ФЕ примерно 90 % в латышском языке являются интернациональными (существуют параллели в русском, немецком, английском, французском языках), среди библеизмов интернациональные ФЕ составляют приблизительно 75 %. Это объясняется тем, что эти языки обогатили всю европейскую культуру и их аллюзии и концепты во фразеологическом виде составляют базис современной культуры. Эти заимствования проникли в языки через культурные контакты.

Наименьшее число интернационализмов, как и можно было представлять, обнаруживается среди заимствований, проникших в результате этнических контактов - среди немецких заимствований - около 8 %, среди русских заимствований - 5 %.

Велика доля интернационализмов и среди заимствований из других языков, мало обогативших латышскую фразеологию. Из них латышский язык заимствовал, главным образом те ФЕ, которые распространены и в других языках вследствие их важности в общей картине культуры европейской цивилизации и литературе, т.е. тоже интернационализы.

В наибольшей степени интернационализация проявляется в сфере беспереводных заимствований, где процесс конвергенции распространяется не только на содержание фразеологизмов, но и на их форму. Ведущую роль в этой группе по-прежнему выполняет латинская фразеология. Вместе с тем возрастает число новых терминологических единиц-заимствований, связанных с научной, социальной и культурной сферами. Интернационализация этого пласта, в свою очередь, очень облегчает заимствование, поскольку увеличивает число языков-источников (через языки-посредники).

Фразеологическое калькирование является наиболее распространенным способом заимствования и интернационализации. Этот способ в большой мере связан и с семантическим калькированием, поскольку очень часто это не конкретный язык, который приносит новую ФЕ, а давление мотива, сюжета, метафоры, которая является интернациональной.

Фразеологические полукальки и транскрипции занимают как бы промежуточное положение, так как они и по форме более тождественны в разных языках, что облегчает заимствование.

В основе фразеологического интернационализма по линии заимствования обычно лежит ФЕ с довольно колоритной националь-

ной окраской или же ФЕ, выражающая обобщенные всеобщие идеи, но четко сформулированные. Таким образом, процесс интернационализации - это процесс всасывания национальных единиц, ведущий к расширению всеобщего фонда фразеологии. Тот факт, что фразеологии языков так легко ассимилируют большое количество единиц иноязычного происхождения, а также факт существования интернационализмов по линии независимого развития фразеологии языков свидетельствуют об общности образного мышления народов, об универсальности ФЕ как носителя образных идей.

Интернационализация фразеологии ведет к конвергенции фразеологических фондов языков в такой же мере, как и вся цивилизация движется к некоторой конвергенции общественно-культурной жизни. Вместе с тем сохраняется национальная специфика фразеологии, опирающаяся на исконно национальную фразеологию, структуру языка не прямо воздействующую на нее. Конвергенция влияет наиболее сильно на отдельные сферы, например газетно-публицистический стиль языка, а такие сферы, как разговорный и литературный языки, затрагивает в меньшем объеме.

З а к л ю ч е н и е

В работе отражена лишь часть проанализированной фразеологии, заимствованной из других языков. В процессе исследований, связанных с данной монографией анализу подверглось значительно больше единиц (4000), чем отражено в работе, что позволяет делать следующие выводы общего характера.

Во-первых, латышская фразеология состоит как из единиц исконного происхождения, так и из единиц заимствованных (не анализируя особенно большой пласт единиц гипотетического происхождения, имеющих много параллелей в языках, контактирующих с латышским), т.е. латышская фразеология носит выраженный гетерогенный характер.

Анализ фразеологического материала дает основание считать, что латышская фразеология является динамичной, развивающейся системой. Заимствование ФЕ представляет собой объективный процесс, один из видов обновления и пополнения фразеологического фонда языка. Возражения против заимствования ФЕ оправданы только в тех случаях, когда новая ФЕ полностью дублирует уже существующий в языке фразеологизм или синтаксически не вписывается в норму языка.

Во-вторых, установлено, что ФЕ может быть заимствована тремя способами: калькированием, транскрипцией и беспереводным заимствованием ФЕ. Вследствие этого выделены 4 типа фразеологических заимствований: фразеологическая калька, беспереводное заимствование, фразеологическая транскрипция и фразеологическая полукалька. Установлено, что типы заимствованных ФЕ носят системный

характер, включают все возможности заимствования, являются взаимосвязанными и показывают степень глубины различий между оригиналом и заимствованием.

Выявлена ведущая роль фразеологических калек в заимствовании. Отмечено, что фразеологические кальки характеризуются большей абстракцией, чем другие типа заимствования, в меньшей степени связаны с национальным элементом языка-источника.

Фразеологические кальки легко усваиваются и ассимилируются языком. Они представлены среди заимствованных единиц из всех языков и наиболее многочисленны.

Беспереvodные фразеологические заимствования являются интегральной частью фразеологии латышского языка, они почти эквивалентны оригиналу, с очень ограниченной ассимиляцией. Они, главным образом, заимствованы из французского, английского, итальянского и, в наибольшей мере, из латинского языков. Заимствований этого типа из других языков мало.

Фразеологические полукальки представляют собой комбинированный тип заимствований и почти всегда тождественны прототипу. Полукальки равномерно распространены во всех языках и часто представляют собой аллюзии на факты иноязычной деятельности. Именно поэтому широко представлены полукальки, связанные с античной культурой и мифологией.

Фразеологические транскрипции довольно редки, и, как правило, являются именами собственными, которые метонимизировались.

Следующая таблица показывает распределение заимствованных ФЕ по типам заимствования и языкам-источникам.

	библ.	греческ.	латинск.	немецк.	франц.	Русский	английск.	испанск.	итальянск.	другие	Всего
Беспереводные заимств.	-	2	103	4	31	-	46	1	15	-	202
Полукальки	18	28	19	25	8	10	10	-	2	2	122
Кальки	229	22	182	256	174	96	242	6	7	14	1228
Транскрипции	-	-	-	-	1	-	4	3	-	-	8
	247	52	304	285	214	106	302	10	24	16	1560

В-третьих, показано постепенно нарастающее и расширяющееся влияние заимствованной фразеологии, его особенности в разные периоды становления латышского языка, влияние того или другого языка на различных этапах его развития.

Теоретически рассматриваемое влияние других языков на фразеологию латышского языка начинается с 17 века. Вместе с тем в этот период в письменных источниках, если не считать библейских фразеологизмов, обнаруживаются лишь редкие примеры ФЕ.

Несколько больше материала содержат первые словари, где в сфере фразеологии наблюдается немецкое влияние.

В 18 веке, несмотря на постепенное присоединение Латвии к Российской империи, языковая ситуация, существенно не изменяется. В письменной речи главное место занимает библейская фразеология, немецкие (буквальные) заимствования и ФЕ исконно латышского происхождения.

19 век и особенно его вторая половина характеризуются резким изменением языковой ситуации. В результате младолатышского движения и развития национального языка происходит проникновение в него множества фраз классических языков, появляются и укрепляются многие беспереводные ФЕ. Анализ языка свидетельствует об укоренившемся влиянии немецкого языка, но к концу столетия это влияние постепенно нейтрализуется, хотя и немецкий язык сохраняет функцию ведущего языка--посредника. В 80-90-е годы 19 века, когда сформировался современный национальный литературный язык, в нем уже сложилась развитая фразеологическая система с большим удельным весом заимствованных единиц.

Первая половина 20 века продолжает пополнять фразеологический фонд языка новыми латинскими и греческими единицами, а также и заимствованиями из новых языков - французского, английского и др. Заимствование из немецкого языка сокращается в результате натиска языкового пуризма. Постепенно усиливается роль русского языка, особенно в просторечии и в разговорном языке. Главным источником и популяризатором заимствования становится пресса. Вообще в 19-20 веках в сфере фразеологии усиливается влияние культурных контактов по сравнению с этническими.

В последние десятилетия продолжает возрастать роль русского и английского языков и полностью прекращается приток новых единиц из исторически главного контактного языка - немецкого.

В-четвертых, помимо теоретических понятий этимологического языка-источника, исторического языка-источника, прототипа и других, на конкретном материале показан процесс заимствования, его два этапа - окказиональное использование ФЕ и ее укоренение в языке, интралингвистические и экстралингвистические мотивировки заимствования на этих этапах. Выявлено, что экстралингвистические факторы играют решающую роль при заимствовании как на первом (пробном), так и на втором этапах заимствования, а актуальность является основной мотивировкой. Показана связь между фразеологией и терминологией, вхождение составных терминов в сферу фразеологии.

Выявлена также относительная нестабильность фразеологических заимствований в форме вариантности, проявляющаяся

как в период заимствования, так и после закрепления их в языке.

Таким образом, заимствованная фразеология представляет собой совокупность сложных динамических процессов, отражающих динамические противоречия между иноязычными происхождением единиц и их интеграцией и существованием в новой языковой системе.

Положения настоящей работы имеют непосредственное отношение к общим проблемам развития языка. Если в данной работе и есть погрешности или даже ошибки в исходных положениях теории фразеологического заимствования (а они возможны, поскольку теория выработывалась на основе заимствований в латышском языке), то оправданием может служить убеждение автора в настоятельной потребности в такой теории и необходимости ее как для теории, так и для практики заимствования.

Литература

1. Авалиани Ю.Ю., Эмирова А.М. Некоторые активные процессы современного русского фразообразования.// Проблемы русского фразообразования.-Тула, 1973.-С.64-76.
2. Акуленко В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка.- Харьков, 1972.- 215 с.
3. Алексеев А.А. О фразеологических заимствованиях в английском языке.// XXIII Герценовские чтения. Иностранные языки.- Л., 1970.- С.15-18.
4. Алтайбаева Д.Ю. Фразеологические кальки, абсолютные эквиваленты и индуцированные образования (на материале русского литературного языка XVIII в. и современного казахского литературного языка). Дис. ... канд. филол. наук.- Л., 1983.- 194 с.
5. Амосова Н.Н. Об английских фразеологических словарях.// Лексикографический сборник.- М., 1963а.-вып.6.- С.78-87.
6. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии.- Л., 1963 б.- 208 с.
7. Анастасьев Н. Творчество Эрнеста Хемингуэя.- М., 1981.- 112 с.
8. Аристова В.М. Англо-русские языковые контакты (англизмы в русском языке).- Л., 1978.- 151 с.
9. Аристова В.М. Англо-русские языковые контакты и заимствования (XVI-XX вв.) Дис. ... д-ра филол. наук.- Калининград, 1979.- 432 с.
10. Аристова В.М. Англо-русские языковые контакты и заимствования (XVI-XX вв.) Автореф. дис. ... д-ра филол.наук.- Л., 1980.- 37 с.

11. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка.- Л., 1973.- 303 с.
12. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке.- Ростов н/Д., 1964.- 315 с.
13. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова.- М., 1987. - 526 с.
14. Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники.- Л., 1970.- 263 с.
15. Балдунчикс Ю.Н. Заимствование англизмов в латышский язык.- Дис. ... канд.филол.наук.- Рига, 1983.- 240 с.
16. Балли Ш. Французская стилистика.- М., 1961.- 394 с.
17. Банкав А.Я. Французско-латышский фразеологический фонд.// Типологические черты языка в контрастивном аспекте.- Рига, 1988.- С.117-126.
18. Берлизон С.Б. Международные устойчивые обороты.// Труды Самаркандского гос. университета.- Самарканд, 1972.- вып.222.- С. 10-28.
19. Бертагаев Т.А. Билингвизм и его разновидности в системе употребления.// Проблемы двуязычия и многоязычия.- М., 1972.-
20. Биржакова Е.Ф., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования.- Л., 1972.- 431 с.
21. Блинкена А.Я. Актуальные задачи изучения латышско-русского двуязычия.// Контакты русского языка с языками народов Прибалтики.- Рига, 1984.- С.7-13.
22. Бурмистрович Ю.Я. К проблеме фразеологических неологизмов.// Материалы по русско-английскому языкознанию.- Воронеж, 1972.- С.82-88.

23. Ваба Л. Языковые контакты прибалтийских финнов с балтами и ландшафтная лексика.// *Valodas aktualitates*- 1988.- Rīga, 1989.- 346-357.lpp.
24. Вайтрауб Р.М. Влияние русского языка советской эпохи на развитие лексики польского языка (на материале публицистики). Автореф. дис. ... канд.филол.наук.- Минск, 1971.- 24 с.
25. Вакуров В.Н. Метафорическая природа фразеологических единств русского языка.// *Филол.науки*.- 1981.- №4.- С.48-55.
26. Вейнрейх У. Одноязычие и многоязычие.// *Новое в лингвистике*.- М., 1972.- вып.6.- С. 25-60.
27. Вине Ж.П., Дарбельне Ж. Технические способы перевода.// *Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике*.- М., 1978.- С. 157-167.
28. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе.- М., 1980.- 352 с.
29. Геринг А.Г. Современное состояние англо-датских языковых контактов. Автореф.дис. ... канд.филол.наук.- М., 1983.- 19 с.
30. Гладкая Н.М. Метафорическое использование спортивной лексики и фразеологии в газетных текстах политической тематики.// *Уч. зап. МГПИИЯ*.- М., 1980.- вып.172.- С. 130-140.
31. Глемжене О.А. Интерференция английского языка в лексике литовцев США. Автореф. дис. ... канд.филол.наук.- Киев, 1973.- 23 с.

32. Ефремов Л.П. Калькирование и его отличие от заимствования.// Изв. АН КазССР. Сер. филол. и искусство.- 1960.- вып. I (14)- С. 16-26.
33. Ефремов Л.П. Лексическое и фразеологическое калькирование.// Вопросы фразеологии.- Самарканд, 1961.- С.117-125.
34. Ефремов Л.П. Основы теории лексического калькирования.- Алма-Ата, 1974.- 191 с.
35. Жлуктенко Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия.- Киев, 1974.- 176 с.
36. Жуков В.П. Русская фразеология.- М., 1986.- 310 с.
37. Журавлев В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции.- М., 1982.- 328 с.
38. Зоривчак Р.П. Фразеология писателя как проблема перевода (на материале переводов поэтических произведений Т.Г. Шевченко на английский язык). Автореф.дис. ... канд. филол.наук.- Киев, 1976.- 22 с.
39. Иванов А.О. Английская безэквивалентная лексика и ее перевод на русский язык.- Л., 1985.- 95 с.
40. Капанадзе Л.А. Фразеология в терминологиях.// Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Тезисы докладов.- Вологда, 1965.- С. 54-55.
41. Карлинский А.Е. Основы теории взаимодействия языков и проблема интерференции.- Автореф.дис. ... канд.филол. наук.- Киев, 1980.- 48 с.
42. Кашкин И. Для читателя- современника.- М., 1977.- 559 с.
43. Князева Л.Э. Нетранслитерированные выражения в публицистическом стиле современного русского языка (на материале произведений В.И.Ленина). Автореф.дис. ... канд. филол.наук.- Л., 1970.- 18 с.

44. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии.- Воронеж, 1978.- 143 с.
45. Копыленко М.М. Сочетаемость лексем в русском языке.- М., 1973.- 119 с.
46. Коротких Ю.Г. Лексические заимствования в современном немецком языке (на материале разговорной речи).- Воронеж, 1980.- 109 с.
47. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история.// Новое в лингвистике.- М., 1963.-вып.3.- С. 143-343.
48. Крупнов В.М. В творческой лаборатории переводчика.- М., 1976.- 192 с.
49. Крысин Л.П. К определению терминов "заимствование" и "заимствованное слово".//Развитие лексики современного русского языка.- М., 1965.- С. 104-116.
50. Кунин А.В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины.// Англо-русский фразеологический словарь.- М., 1965.- С.104-116.
51. Кунин А.В. Английская фразеология (теоретический курс).- М., 1970.- 344 с.
52. Кунин А.В. О структурно-семантической классификации фразеологических значений.// В кн.: Вопросы семантики фразеологических, германских и романских языков, ч.П. Тезисы докладов.- Новгород, 1972.- С. 72-77.
53. Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. (Избр. работы)- М., 1977.- 233 с.
54. Логинова З.С. Фразеологические кальки по английской модели в русской спортивной терминологии.// Русский язык в школе.- 1976.- №2.- С.84-86.

55. Майоров А.П. Заимствование в лексико-семантической системе языка (на материале англо-американизмов в современном немецком языке ФРГ и ГДР). Автореф.дис. ... канд.филол. наук.- М., 1967.- 22 с.
56. Маковский М.М. Теория лексической аттракции.- М., 1971.- 252 с.
57. Мартинек В.Ю. Лексико-семантическая ассимиляция английских заимствований в русском литературном языке советской эпохи. Дис. ... канд.филол.наук.- Днепрпетровск, 1972.- 300 с.
58. Матвеев А.Я. Латинские лексические кальки в немецком языке. Дис. ... канд.филол.наук.- Львов, 1966.- 230 с.
59. Месамед В.И. Калькирование как один из способов пополнения словарного состава персидского языка. Дис. ... канд. филол.наук.- М., 1984.- 179 с.
60. Мокиенко В.М. Из истории фразеологических заимствований. // Современная русская лексикография.- Л., 1983.-С.119-129.
61. Мокиенко В.М. Славянская фразеология.- М., 1980.- 270 с.
62. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка.- Л., 1977.- 284 с.
63. Молотков А.И. Понятие формы слова.// Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе.- Вологда, 1965.- С. 78-79.
64. Мунен Ж. Теоретические проблемы переводов.// Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике.- М., 1978,- С. 36-41.
65. Назарян А.Г. История развития французской фразеологии.- М., 1981.- 189 с.

66. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. - М., 1987.- 275 с.
67. Наумова И.О. Фразеологические кальки английского происхождения в современном русском языке (на материале публицистики). Дис. ... канд.филол.наук. -М., 1982.- 280 с.
68. Орловская Л.Я. Сопоставленный анализ фразеологических единиц латышского и английского языков и некоторые принципы составления латышско-английского фразеологического словаря. Автореф. дис. ... канд.филол.наук.- М., 1968.- 25 с.
69. Орловская Л.Я. Эквивалентность латышских идиом идиомам других языков.// Вопросы лексикологии и грамматики английского и латышского языков.- Рига, 1972.- С.60-69.
70. Палий А.К. Фразеологическое калькирование как способ фразеологического образования.// Образование и функционирование фразеологических единиц.- Ростов, 1981.- С.44-51.
71. Петрушева О.А. Системно-функциональные особенности иноязычных фразеологических комплексов в современном английском языке.-Автореф.дис. ... канд.филол. наук.- М., 1989.- 22 с.
72. Пономаренко Л.А. Калькирование как вид влияния одного языка на другой (на материале английских калек с русского языка). Автореф.дис. ... канд. филол. наук.- Киев, 1965.- 16 с.
73. Пономаренко Л.А. Использование калькированных устойчивых сочетаний для выявления отличительных характеристик структуры взаимодействующих языков.// Методы билингвистических исследований.- М., 1976.- С. 105-113.

74. Пономаренко Л.А. Устойчивые лексемосцепления контактирующих языков. Дис. ... д-ра филол.наук.- Тбилиси, 1978.- 494 с.
75. Попов Р.Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов.- М., 1976.- 200 с.
76. Прошин А.В. Стилистические снижения фразеологии в аспектах статики и динамики (на материале современного английского языка). Автореф. дис. ... канд.филол.наук.- М., 1975.- 24 с.
77. Прохорова В.Н. О фразеологической природе составных терминов.// Исследование по славянской филологии.- М., 1974.-С. 282-286.
78. Райхштейн А.Д. Немецкие устойчивые фразы и устойчивые предикативные единицы. Дис. ... д-ра филол.наук.- М., 1974.- 484 с.
79. Райхштейн А.Д. О межязыковом сопоставлении фразеологических единиц.// Иностранные языки в школе.- 1979.-№4.- С.3-8.
80. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии.- М., 1980.- 143 с.
81. Райхштейн А.Д. К сравнительно-типологической характеристике фразеологических систем.// Исследования по сопоставительной типологии языков.- М., 1982.-С.102-113.
82. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика.- М., 1974.- 216 с.
83. Розен Е.В. Новое в лексике немецкого языка.- М., 1976.- 174 с.
84. Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты.- Л., 1972.- 80 с.

85. Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию.- М., 1990.- 381 с.
86. Рыжикова С.Ю. Словообразовательная структура производимых от английских заимствований в украинском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Днепропетровск, 1979.- 20 с.
87. Селиванов Г.А. К общей характеристике активных процессов в области фразеологии.// Активные процессы в области русской фразеологии.- Иваново, 1980.- С.3-13.
88. Семенова Л.Н. К вопросу о фразеологическом калькировании в русском языке.// Проблемы русского фразеобразования.- Тула, 1973.- С. 136-141.
89. Семенова Л.Н. К вопросу о контактной фразеологии.// Проблемы русской фразеологии.- Тула, 1975.- С. 109-118.
90. Сидоренко К.П. Фразеологические единицы терминологического происхождения. Дис. ... канд. филол. наук.- Л., 1978.- 208 с.
91. Сидоренко К.П. Фразеологизмы терминологического происхождения.// Русская речь.- 1978.- №3- С. 84-88.
92. Смилтена М.Э. Тенденция интернационализации в современном немецком языке.// Национальное и интернациональное в языке. Тезисы докладов.- Рига, 1989.- С. 72-74.
93. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка.- М., 1956.- 260 с.
94. Соловьев В.П. Калькирование образных фразеологических единиц.// Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей.- Баку, 1968.- С.124-129.

95. Соловьев В.П. Фразеологизация терминологических сочетаний. // Образование и функционирование фразеологических единиц.- Ростов/н/Д., 1981.- С. 32-35.
96. Солобод Ю.К. К вопросу о совпадении фразеологических оборотов в различных языках.// Вопр. языковед.- 1982.- №2.- С. 106-114.
97. Солодухо Э.М. Проблемы интернационализации фразеологии.- Казань, 1982.- 168 с.
98. Солодухо Э.М. Вопросы сопоставительного изучения заимствованной фразеологии.- Казань, 1977.- 158 с.
99. Солодухо Э.М. Интернациональные иноязычные выражения.- Казань, 1982.- 76 с.
100. Солодухо Э.М. Проблемы интернационализации фразеологии (на материале языков славянской, германской и романской групп). Дис. ... докт. филол. наук.-Казань, 1983-456с.
101. Солодухо Э.М. Теория фразеологического сближения.- Казань, 1989.- 296 с.
102. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка 30-90-х гг. XIX в.- М., Л., 1965.- 565 с.
103. Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в романской речи.- М., 1976.- 224 с.
104. Флекенштейн К. Кальки по немецкой модели в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук.- М., 1963.- 21 с.
105. Харазиньска И. Библизмы в русской фразеологии.- Ростов н/Д., 1987.- 27 с.
106. Хегай М.А. К понятию кальки.// Уч. зап. Ташк. пед. ин-та.- Ташкент, 1964.- т.45.- С.293-300.

- I07. Хауген Э. Процесс заимствования.// Новое в лингвистике.- М., 1972.- вып.6.- С. 344-382.
- I08. Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка.- М., 1970.- 200 с.
- I09. Чернышева И.И. Актуальные проблемы фразеологии.// Вопр. языкозн.- 1977.- №5.- С.34-42.
- II0. Шаахмедов Э. Вопросы калькирования с русского языка на узбекский язык. Автореф. дис. ... канд.филол.наук.- Ташкент, 1974.- 25 с.
- III. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка.- М., 1972.- 327 с.
- II2. Шанский Н.М. Лексические и фразеологические кальки в русском языке.// Русский язык в школе.- 1955.- №3.- С.28-33.
- II3. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка.- М., 1969.- 231 с.
- II4. Шувалова Ю.В. Политическая фразеология в американском варианте английского языка. Автореф. дис. ... канд. филол.наук.- М., 1978.- 26 с.
- II5. Эндзелинь И. Латышские предлоги.- Юрьев, 1906.- ч.2.- 143 с.
- II6. Эндзелинь И.М. О латышско-финских языковых связях.// Памяти академика Льва Владимировича Щербы.- Л., 1951.- С. 299-304.
117. Appel R., Muysken P. Language contact and bilingualism.- London, 1987.- 213.p.
118. Baldunčiks J. Anglicismi latviešu valodā.- Rīga, 1989.- 540 lpp.

119. Baldunčiks J. Anglieismu aizgūšanas pamatiezīmes latviešu valodā.// ZA Vēstis.- 1979.-Nr.3.- 59-71. lpp.
120. Bally Ch. Linguistique générale et linguistique historique.- Berne, 1950.- 440 p.
121. Betz W. Der Einfluss des Lateinischen auf den Althochdeutschen Sprachschatz.- Heidelberg, 1936.- 70 S.
122. Breidaks A. Baltijas somu valodu ietekme Latvijas PSR Ludzas rajona latgaliskajās izloksnēs.// ВЗАИМОСВЯЗИ БАЛТОВ И ПРИБАЛТИЙСКИХ ФИННОВ.- Rīga, 1970.- 157-164.lpp.
123. Breidaks A. Über das Ostseefinnische Sprachsubstrat in Ostlettland.// Baltistica- 1977.-8 (1) -S.245-249.
124. Brencē M. Par dažām leišu un latviešu kopīgās leksikas īpatnībām.// Latviešu valodas jautājumi.- Rīga, 1963.- 255-268. lpp.
125. Büchman G. Geflügelte Worte. Der Citatenschatz des deutschen Volkes.- Berlin, 1898.- 761 S.
126. Carstensen Br. Evidente und latente Einflüsse des Englischen auf das Deutsche.// Fremdwortdiskussion.- München, 1979.- S.90-94.
127. Décsy G. Die linguistische Struktur Europas. Vergangenheit, Gegenwart, Zukunft.- Wiesbaden, 1973.
128. Degut M.B. Idioms.// Babel.- 1973.-Nr.4.-vol.19.-pp.168-169.
129. Eckert R. Historische Phraseologie der slawischen Sprachen (unter Berücksichtigung des Baltischen).// Zeitschrift für Slavistik.- 1987.- Band 32.- S.801-807.
130. Endzelīns J. Par latviešu un lībiešu valodas savstarpējo ietekmi.// Baltistica.-1970.-Nr.6.- 7-10.lpp.

131. Endzelīns J. Recenzija par L.Kettunena "Livisches Wörterbuch".// Filologu biedrības raksti.- Rīga, 1939.- 19.sēj.- 216-218.lpp.
132. English as a World Language./ Ed.K.W.Bailey, M.G.Görlach.- Cambridge, 1984.- 496 p.
133. Gibbon D. Idiomaticity and functional variation: A case study of international amateur radio talk.// Language in Society. vol. 10.- Nr.1.- April 1981.- pp.21-42.
134. Gläser R. Phraseologie der englischen Sprache.- Leipzig, 1986.- 198 S.
135. Greenberg J.H. The study of language contact in Africa. // Language, Culture and Communication.- Stanford, 1971.- 368 p.
136. Haugen E. The Analysis of Linguistic Borrowing.// Language.- 1950.- XXVI.- pp. 210-231.
137. Haugen E. Language conflicts and language planning: The Case of Modern Norwegian.- Cambridge, Mass., 1966.-392 p.
138. Haugen E. The Ecology of Language.- Stanford, 1972.- 366 p.
139. Hristea Th. Probleme de etimologie.// Studii. Articole. Note.- Bucuresti, 1968.- 383 p.
140. Jespersen O. Die Sprache ihre Natur, Entwicklung und Entstehung. Heidelberg, 1925.- 440 S.
141. Kagaine E. Ērgzemes izloksnes frazeologismu tipi un uzbūve.// ZA Vēstis. 1968.-Nr.8.- 62-71. lpp.
142. Kokare E. Latviešu un vācu sakāmvārdu paralēles.-Rīga, 1988.- 309 lpp.
143. Lambert W.E. Culture and language as factors in learning

- and education.// Current Themes in Linguistics. Bilingualism, Experimental Linguistics and Language Typology./ Ed.Fr. Eckman.- Washington, 1977.- pp. 15-48.
144. Lehiste I. Lectures on language contact.- Cambridge, Mass., 1988.- 150 p.
145. Makkai A. Idiomaticity as a Language Universal.// Universals in Human Language.- California, 1978.- vol.3- pp. 401-448.
146. Miklosich F. Lexicon palaeslovenico-graeco-Latinum emendatum auctum.- Vindobonae, 1862-1865.- 1171 p.
147. Molnar N. The Calques of Greek Origin in the most Ancient Old Slavic Gospel Texts.- Budapest, 1985.- 347 p.
148. Orlovska Ļ. Dažas inovācijas angļu un latviešu frazeoloģijā.// Inovācijas dažādos valodas līmeņos.- Rīga, 1975.- 50-64. lpp.
149. Ozols A. Latviešu tautas dziesmu frazeoloģijas pamatjautājumi.// LPSR Valodas un literatūras institūta Raksti.- Rīga, 1959.- 10.sēj.- 201-238. lpp.
150. Ozols A. Frazeoloģija.// Raksti valodniecībā.- Rīga, 1967.- 451-452. lpp.
151. Paul H. Principien der Sprachgeschichte.- Halle, 1937.- XV.- 428 S.
152. Plēsuma A. Burtisku tulkojumu ieviešanās oriģināltekstos.// Latviešu valodas kultūras jautājumi.- Rīga, 1968.- 4.laid.- 56-62. lpp.
153. Rāge S. Ko latviešu valoda mantojusi no baltu un somu senajiem sakariem. // Zinātne un Tehnika.- 1973.- Nr.2.- 14-16. lpp.

154. Rāge S. Par dažiem aizguvumiem no igauņu valodas Vidzemē.
// Взаимосвязи балтов и прибалтийских финнов.-
Rīga, 1970.- 135-155. lpp.
155. Rey A. La phraséologie et son image dans les dictionnaires de l'âge classique.// Travaux de linguistique et de littérature.- Strasbourg, 1973.-vol.II.-N.1.- pp.97-107.
156. Rūķe-Draviņa V. Diahroniskās maiņas latviešu frazeoloģijā.// Baltu valodas senāk un tagad. Rīga, 1985.- 227.- 234. lpp.
157. Rūķe-Draviņa V. Die Lettische Phraseologie in Vergleich mit zwei Germanischen Sprachen- dem Deutsch und dem Schwedischen.// Aktuelle Probleme der Phraseologie: Zürcher Germanische Studien.- Bern, 1987.- Bd.99.-S.169-186.
158. Sandfeld-Jensen K. Notes sur le calques linguistiques.- Leipzig, 1912.
159. de Saussure F. Cours de linguistique générale.- Paris, 1955.- 331 p.
160. Schumann K. Die Griechischen Lehnbildungen und Lehnbedeutungen in Altbulgarischen.- Berlin-Wiesbaden, 1958.- 66 S.
161. Shipley J.T. In Praise of English. The Growth and Use of Language.- Toronto, 1977.- 310 p.
162. Šaurums G. Latviešu bībeles vēsture.- Rīga, 1935.- 32 lpp.
163. Thomason S.G., Kaufman T. Language Contact, Creolization and Genetic Linguistics.- University of California Press, 1988.- 411 p.

164. Unbegaun B.O. Le calque dans les langues slaves littéraires.// Revue des Etudes Slaves.- 1932.-Т.XII.- pp.19-48.
165. Vilsons A. Latviešu un angļu literārie sakari līdz XX. gadsimtam.// Latviešu un Rietumeiropas literatūra.- Rīga, 1971.- 166-206.lpp.
166. Wade T.L.B. Indirect Loans in German and Russian.// The Incorporated Linguist.- 1980. vol.19.- pp.43-48.
167. Wardhaugh R. Languages in Competition.- Worcester, 1987.- 280 p.
168. Weinreich U. Languages in Contact.- New York, 1953.- 148 p.
169. Zeiferts T. Latviešu rakstniecības vēsture.- Rīga, 1922.- 1.ā.- 285 lpp.
170. Zett R. Beitrage zur Geschichte der Nominal-Komposita im Serbokroatischen.- Köln-Wien, 1970.

Лексикографические источники.

1. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова.- М., 1987.
2. Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. Словарь латинских крылатых слов.- М., 1982.
3. Бабкин А.М., Шендецов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов: т.1-2.-М.-Л., 1966.
4. Великобритания. Лингвострановедческий словарь.- М., 1978.
5. Краткий политический словарь.- М., 1978.
6. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь.- М., 1984.
7. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. С-Петербург, 1912.
8. Овруцкий Н.О. Крылатые латинские выражения в литературе.- М., 1969.

9. Apperson G.L. English Proverbs and Proverbial Phrases. A Historical Dictionary.- Detroit, 1969.
10. Bauga A. Krievu-latviešu frazeologiskā vārdnīca.- Rīga, 1974.
11. Beyer H., Beyer A. Sprichwörter-lexikon.- Leipzig, 1984.
12. Bliss A.J. A Dictionary of Foreign Words and Phrases in Current English.- London, 1977.
13. Brewer's Dictionary of Phrase and Fable.- London, 1968.
14. Butler D., Sloman A. British Political Facts 1900-1979.- Basingstoke, 1980.
15. Büchmann G. Geflügelte Worte. Der Citatenschatz des deutschen Volkes.- Berlin, 1898.
16. Caubuliņa D., Ozoliņa Ņ., Plēsuma A. Latviešu-krievu frazeologiskā vārdnīca.- Rīga, 1980.
17. Chambers 20th Century Dictionary./ Edited by E.M. Kirkpatrick.- Bungay, 1983.
18. Ciardi J. A Second Browser's Dictionary and Native's Guide to the Unknown American Language.- New York, 1983.
19. Collins. A Book of English Idioms with Explanations.- London, 1958.
20. A Dictionary of American Idioms./ Edited by A.Makkai.- Woodbury, 1975.
21. Dictionary of American Politics./ Edited by E.C.Smith, A.J.Zurcher.- New York, 1966.
22. A Dictionary of Commonly Used English Idioms and Phrases.- Pekin, 1982.
23. Dauzat A. Dictionnaire étymologique de la langue française.- Paris, 1962.

24. Elliot T., Summerskill M. A Dictionary of Politics.- Baltimore, 1961.
25. Evangelien und Episteln ins Lettische Übersetzt von Georg Elger.- Lund, 1961.-Bd.1.Texte.
26. Geflügelte Worte.- Leipzig, 1985.
27. Guinagh K. Dictionary of Foreign Phrases and Abbreviations.- New York, 1966.
28. Harbobottle Th.B. Dictionary of Quotations (classical).- New York, 1958.
29. Heywood J. A Dialogue of Proverbs.- Berkley, 1963.
30. Holt A. Phrase and Word Origins.- New York, 1961.
31. Hyamson A.M. A Dictionary of English Phrases.- Detroit, 1970.
32. Hyman R. A Dictionary of Famous Quotations.- London, 1973.
33. The Great Russian-English Dictionary of Idioms and Set Expressions by P.Borkowski.- London, 1973.
34. The Kenkyusha Dictionary of Current English Idioms./ Edited by S.Ichikawa.- Tokyo, 1969.
35. Klein E. A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language.- Amsterdam, 1971.
36. Kokare E. Divu tautu dzīves gudrība. Rīga, 1967.
37. Kokare E. Latviešu un lietuviešu sakāmvārdu paralēles.- Rīga, 1980.
38. Latviešu literārās valodas vārdnīca.- Rīga, 1972.-1990.
39. Latviešu sakāmvārdi un parunas.- Rīga, 1957.
40. Mancelius G.Lettus. Das ist Wortbuch... -Riga, M.DC. XXXVIII.
41. Morris Dictionary of Word and Phrase Origins.- New York, 1977.

42. Mülenbacha Latviešu valodas vārdnīca I-IV./ Rediģējis, papildinājis, turpinājis J.Endzelīns.- Rīga, 1923.-1932. J.Endzelīns un E.Hauzenberga. Papildinājumi un labojumi K.Mülenbacha Latviešu valodas vārdnīcai. I-II.-Rīga, 1934-1946.
43. Olivier R., Militz H.M. Französische idiomatische Redewendungen.- Leipzig, 1978.
44. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English.I-II.- Oxford, 1984.
45. The Oxford Dictionary of English Proverbs.- Oxford, 1970.
46. The Oxford English Dictionary in XII Volumes with a Supplement./ Edited by J.A.H.Murray, H.Bradley, W.A. Craigie, C.T.Onions.- Oxford, 1961.
47. Partridge E.A. Dictionary of Clichés.- London, 1980.
48. Plano J.C., Greenberg M. The American Political Dictionary.- New York, 1965.
49. Proverbs. Compiled and Edited by J.Gluski.- Amsterdam, 1971.
50. Proverbs, Sentences and Proverbial Phrases from English Writings Mainly before 1500.- Cambridge, Mass., 1968.
51. Quitard P. Dictionnaire étymologique, historique et anecdotique des proverbes et des locutions proverbiales de la langue française.- Paris, 1842.
52. Radford E. Unusual words and how they came about.- Leningrad, 1964.
53. Raškevičs J., Sauka O., Vējš J., Zālīte T. Angļu-latviešu-krievu frazeoloģiskā vārdnīca.- Rīga, 1977.
54. Rat M. Dictionnaire des locutions françaises.-Paris,1957.

55. Seidl J. English Idioms and How to Use Them.- Oxford, 1978.
56. Smith L.P. Words and Idioms.- London, 1948.
57. Smith W.G. The Oxford Dictionary of English Proverbs.- Oxford, 1963.
58. Sperber H., Trittschuh Tr. American Political Terms.- Detroit, 1964.
59. Svešvārdu vārdnīca.- Rīga, 1978.
60. Vācu-latviešu frazeoloģiskā vārdnīca.- Rīga, 1980.
61. Vega V. Diccionario ilustrado de frases célebres y citas literarias. 2-a ed.- Barcelona, 1955.
62. Wood Fr. Dictionary of English Colloquial Idioms.- London, 1979.
63. Wood Fr. English Verbal Idioms.- London, 1979.

AIZGŪTĀ FRAZEOLĒGIJA LATVIEŠU VALODĀ

Frazeologiskā vienība ir stabila vārdu kopa ar daļēji vai pilnīgi pārnestu nozīmi.

Latviešu frazeoloģijā ir gan pašvalodas cilmes, gan aizgūtas vienības. Mūsdienu lietojumā attiecība starp šīm grupām ir apmēram 10:50, lai gan dzimtās frazeoloģijas krājums dabiski ir daudz lielāks. Var uzskatīt, ka latviešu frazeoloģijai ir izteikti heterogēns raksturs.

Dzimtā frazeoloģija sakņojas latviešu tautasdziesmās, sarunvalodā un literatūrā.

Latviešu tautasdziesmās, kā senākajā laicīgajā literatūrā esošā frazeoloģija acīmredzot jāuzskata par latviešu cilmes: autu dēls, vīrs kā ozols. Tiesa gan, tūlīt jāpiemin, ka tautasdziesmās nav daudz frazeologisku un daudzu veidojumu rezultatīvā nozīmē vēl nav pilnīgi atbrīvojušies no konteksta. Taču tautasdziesmās atrodami daudzu topošo frazeologismu aizmetņi.

Senā sarunvaloda ir vāji atspoguļota rakstos. Sakarā ar vērojamās nacionālās literatūras izveidi un trūcīgajiem leksikografiskajiem avotiem līdz pat 20 gs., spriest par daudzu sarunvalodas frazeologismu cilmi ir iespējams tikai retos gadījumos.

Tiesa, jau 1638. gadā publicētajā Mancela vārdnīcas pielikumā "Phraseologia Lettica" sastopami vairāki frazeologismi: ekšas apgriežas, kauli un āda, un arī turpmākajās vārdnīcās atrodami atsevišķi frazeologismi.

Trešo latviešu cilmes frazeologismu grupu veido literārās vienības, kas balstās uz literatūras populārāko darbu nosaukumiem vai to tēliem: atraitnes dēls, putni bez spārniem, gaismas pils. Vēl daži frazeologismi saistās ar latviešu tautas vēsturei un kultūrai raksturīgām, piemēram, kalendāru nemieri, dziesmu karš, Kurzemes katls, stūra māja.

Aizgūtā frazeologija veido ievērojamu latviešu frazeologijas krājuma daļu. Šādu stāvokli radījuši latviešu valodas kontakti ar kaimiņu vai attālām valodām. Tieši un pastāvīgi kontakti bijuši ar krievu, vācu, poļu, lietuviešu un somugru frazeologiju. Taču lielu iespaidu atstājušas arī citas valodas ar literatūras tulkojumu un masu informācijas līdzekļu starpniecību. Sevišķi 19 un 20 gs. šī ietekme ir bieži vien spēcīgāka nekā etniskajiem kontaktiem.

Darbā aplūkoti valodas kontaktu jēdzieni (tiešie un netiešie, etniskie un kultūras kontakti) kā arī dažādas divvalodības formas un to nozīme.

Aplūktas arī galvenās aizgūšanas teorijas (G. Pauls, B. Unbegauns, V. Bēcs, Š. Ballī, K. Šūmans, N. Molnars, E. Haugens, T. Veids, L. Ponomarenko, E. Soloduho).

Pētījuma rezultātā izveidota frazeologisko aizguvumu klasifikācija, kas sevī ietver trīs aizgūšanas paņēmienus. Paši frazeologiskie aizguvumi iespējami četros veidos:

1) netulkotais aizguvums - pārņemot no citas valodas frazeologismu bez izmaiņām, piemēram, hot dog, Sturm und Drang, finita la commedia;

2) frazeologiskais kalks - tulkojot frazeologiskos komponentus, piemēram, puķu bērni no angļu flower children,

zem katras kritikas no vācu unter aller Kritik;

3) transkriptīvais aizguvums - transkribējot un mehāniski izmainot citas valodas frazeologismu, piemēram, šerloks holms no angļu Sherlock Holmes, dons Kihots no spāņu Don Quijote;

4) frazeologiskais puskalks - aizgūstot frazeologismu, vismaz viens komponents tiek tulkots un vismaz viens tiek transkribēts, piemēram linča tiesa no angļu Lynch Law.

Visi frazeologiskie aizguvumi latviešu valodā pieder pie kāda no šiem aizguvumu veidiem.

Darbā izstrādāta frazeologisma prototipa, aizguvējvalodas un donorvalodas noteikšanas teorija. Piedāvāta aizguvumu cilmes noteikšanas kritēriju sistēma, kas ietver gan intralingvistisku, gan ekstralingvistisku informāciju.

Aizgūšanas procesu nopietnākai aplūkošanai ir derīgi iedalīt divās stadijās.

Pirmajā, svešais frazeologisms tiek lietots okazionāli - vai nu valodā trūkst apzīmējuma kādam jaunam jēdzienam, vai tā lietojumu nosaka psihologiski vai stilistiski iemesli. Ļoti bieži šāds lietojums ir vienkārša svešvalodas interferen-
ce.

Otrā ir asimilācijas stadija, ko parasti nosaka citi motīvi - gan intralingvistiski, kā, piemēram, jaunā vairojuma atbilstība latviešu valodas izrunas, struktūras normām, gan ekstralingvistiski, no kuriem galvenie ir jaunā jēdziena aktualitāte, vēsturiskā situācija, donorvalodas prestižs u.c. Tā, piemēram, frazeologismam dzelzs priekškars (iron curtain), ņemot vērā vēsturisko situāciju, tā radītāja V. Čērčila personību un tā

aktualitāti, bija nepieciešamas tikai divas nedēļas, lai pilnīgi nostiprinātos latviešu valodā.

Aizgūtai frazeologijai latviešu valodā ir visdažādākie avoti un arī sarežģīti aizgūšanas ceļi. Tā, piemēram, aizgūvumi no grieķu valodas parasti ienākuši ar divu starpniekvalodu - latīņu un vācu vai krievu - palīdzību. Šajā darbā, lai arī pievēršam uzmanību starpniekvalodas nozīmei, frazeologismiem tiek aplūkoti saistībā ar to pirmavotu.

Somugru elementi latviešu valodā ir pētīti samērā plaši, taču galvenokārt leksikas līmenī. Frazeologisko aizgūvumu noteikšana ir stipri sarežģītāka, jo rakstu avotu trūkuma dēļ varam balstīties tikai uz salīdzināšanu. Vēsturiski baltu cilšu saskarsme ar somugru ciltīm ir vispārzināma un šī saskarsme etniskā līmenī beidzas tikai pašlaik ar līvu asimilāciju. Šķiet, pastāv tiešs sakars starp tādām vienībām kā nākt zemē un igauņu maha tulema, dabūt rokā un kätte sama. Tāpat, liekas, ka frazeologismi uz grūtām kājām, mutes dot, zobus vadzī kārt, kāzas dzert, ēst ar saldu muti varētu būt aizgūti no somugru valodām, taču šāds spriedums ir balstīts uz faktu, ka vācu, krievu un prūšu valodās līdzīgu konstrukciju nav. Tādejādi varam secināt, ka latviešu frazeologijā katrā ziņā ir somugru elementi, bet precīzi noskaidrot atsevišķas vienības, šķiet, nav iespējams.

Tāpat kā lielākajai daļai moderno valodu, latviešu valodas attīstībā milzīgu ieguldījumu deva Bībeles tulkojums. Glikā tulkojums ir arī pirmais lielais I7. gs. rakstu valodas pieminekļis. Salīdzinot daudzos Bībeles izdevumus, varam secināt, ka to frazeologija maz mainījusies kopš Bībeles pirmā izdevuma pirms

300 gadiem. Arī mūsdienu frazeoloģijā daļēji saglabājušās pirmā izdevuma arhaiskās iezīmes: vaiga sviedros, aiz septiņiem zieģeļiem, pēc (sava) ģimja un līdzības.

Tā kā Bībele rakstīta senebreju un grieķu valodā, un tulkota no oriģināla, frazeoloģismi ir tieši aizgūti no attiecīgās valodas. Protams, ir arī gadījumi, kad viena un tā paša frazeoloģisma prototipu var atrast divos variantos - Vecajā un Jaunajā derībā, piemēram, mazgāt rokas nevainībā - mazgāja rokas un sacīja: Es esmu nevainīgs (Mat., 27,24). Es mazgāju rokas iekš nenoziedzības (Ps., 26,6).

Ir arī daudz tādu frazeoloģismu, kuriem Bībelē nav īsta prototipa, bet kas ir sava veida alūzija uz Bībeles motīviem, piemēram, Bābeles tornis, Noasa šķirsts, sūtīt no Pontija pie Pilāta. Pēdējais balstās uz nepareizu Bībeles sižeta interpretāciju, jo Pontijs Pilāts ir viena persona. Šajā un daudzos gadījumos vienības aizgūtas ar starpniekvalodu palīdzību. Piemēram, Bībeles latviešu tulkojumā nav frāzes alfa un omega. Tā vietā atrodam A un O (Jāņa atkl., I,8). Arī frazeoloģisma kalpot mamonam tulkojumos nav, tā vietā atrodam kalpot mantai (Mat., 6,24). Acīmredzot šeit par starpniekvalodu kalpojusi vācu valoda (dieneren dem Mammon).

Bībeles frazeoloģiju valodā nostabilizēja neskaitāmas reliģiska satura grāmatas, taču jau 19. gs. sākumā fiksēts neregulārs reliģiska satura frazeoloģijas lietojums.

Paralēli aizguvumiem no Jaunās derības no grieķu valodas aizgūta frazeoloģija, kas saistīta ar grieķu mitoloģiju, literatūru, citātiem, piemēram, Ahileja papēdis, Ariadnes pavediens, Augeja stalle, Damokla zobens, gulbja dziesma. Šie

frazeologismi parādījās valodā 19. gs. vidū un nevis no grieķu literatūras tulkojumiem, bet mērķtiecīgas klasiskās literatūras un domāšanas popularizācijas rezultātā.

Līdz ar aizguvumiem no grieķu valodas ieplūda arī latīņu frāzes. Latīņu valodas ietekmei raksturīgi daudz netulkoti frazeologismi un tiem paralēli kalki. Jau 19. gs. otrajā pusē netulkotie frazeologismi tekstā vairs netiek izskaidroti, kas liecina par to asimilāciju, piemēram, errare humanum est, ubi bene, ibi patria, qualis rex, talis grex. Aizgūti arī daudzi frazeologiskie puskalki, piemēram, pirra uzvara, pāriet rubikonu, u.c.

Šķiet, vislielākā ietekme uz latviešu frazeologiju ir bijusi vācu valodai. Jau sākot ar 13. gs., baltu ciltīm ir bijusi saskare ar vācu valodas variantiem. Vairāk vai mazāk šis kontakts turpinājās līdz 20. gs., vidum. Vācu valoda bija ne vien galvenā kontaktvaloda, bet arī galvenā starpniekvaloda aizgūšanā. Vēl vairāk, tā kā vācu mācītājiem bija liela nozīme veclatviešu rakstu valodas izveidē, tiem bija arī liela loma latviešu frazeoloģijas izveidē un noregulēšanā. Liekas, ka pat frazeoloģiskās metaforas modelis latviešu valodā lielā mērā iepludināts no ārpusē - tieši no vācu valodas vai arī tās starpniecību.

Abās valodās eksistē daudz frazeoloģisko paralēļu, daudz aizguvumu, kas saglabā vācu semantikas un sintakses iezīmes: nošaut buku - einen Bock schiessen, tur tas suns aprakts - da ist der Hund begraben, runāt caur puķēm - durch die Blume sprechen. Citi frazeologismi mūsdienu valodā pārveidojušies vai no valodas izzuduši, bet, piemēram, 19. gs. tādu bija milzums: dzīt veikalu - Geschäft treiben, krist svarā - ins

Gewicht fallen, u.c.

Valodā aizgūti arī daudz literāru vācu izcelsmes frāžu: moris savu darbu padarījis, moris var iet - der Mohr hat seine Arbeit getan der Mohr kann geben, no Fr. Šillera lugas, vairāk gaismas - mehr Licht, J. Gētes pēdējie vārdi, u.c.

Nenoliedzami spēcīgs latviešu valodā ir krievu frazeoloģijas iespaids, kas vismaz kopš 18. gs. aktīvi papildina latviešu frazeoloģijas fondu. Pašlaik krievu valoda ir arī galvenā starpniekvaloda. Aizguvumi no krievu valodas veido vairākas grupas. Ir literārie aizguvumi, raksturīgi galvenokārt tikai 20. gs.: mirušās dvēseles (no Gogoļa romāna), tēvi un dēli (no Turgeņeva romāna).

Ir frazeologismi, kas liecina par abu tautu vēsturisko saskarsmi - logs uz Eiropu, melnā sotņa.

Plaši aizgūta sarunvalodas un žargona frazeoloģija - karāties gaisā, pie lampiņas, slapja lieta, nemaz nerunājot par t.s. "piecstāvīgo" izteicienu sfēru, kurā pilnībā valda krievu valoda.

Vēl kāda krievu valodas ietekmei raksturīga īpatnība ir tādu vienību ieplūšana, ko varētu saukt pa birokrātisko frazeoloģiju - izteicieni, kam raksturīga kancelejiski oficiāla nokrāsa, piemēram, šaurā vieta, sist ar rubli, iznest lēmumu. Krievu netulkoto frazeologismu latviešu valodā nav, lai gan okazonāli veidojumi bieži dzirdami. Kā izņēmums būtu minami "piecstāvīgie" izteicieni.

Angļu valodas iespaids latviešu frazeoloģijā ir samērā jauns (kopš 19. gs. beigām), taču nozīmīgs un pieaugošs. Ja 19. gs. aizgūšana noritēja galvenokārt ar starpniekvalodu -

(vācu un krievu) palīdzību, tad 20. gs. veidojas tiešie kontakti. Daudzās sfērās angļu valoda ir visdinamiskākais jauno frazeologismu avots, piemēram, hat trick, play off, tumšais zirdziņš, būt vienā laivā.

Franču valodas ietekme uz latviešu frazeologiju apjoma ziņā ir līdzīga angļu valodai, taču vērtējama kā pagātnes parādība. Jaunu vienību praktiski nav, bet vecais fonds ir stabils un pārstāv visus aizguvumu veidus, piemēram, cherchez la femme, zelta jaunatne, pēc mums kaut ūdens plūdi. Vairākumam aizguvumu no franču valodas ir literāra izcelsme, bet ir arī sarunvalodas vienības: taisīt scēnu - faire une scène, uz visu banku - va banque.

Citas romāņu valodas pārstāvētas daudz mazāk. Itāļu valoda devusi dažus frazeologiskos kalkus, piemēram, mērķis attaisno līdzekļus - il fine giustifica i mezzi, un tomēr viņa griežas - eppur si muove, un samērā daudz netulkotos aizguvumus: salto mortale, tutti frutti, fata morgana.

Spāņu valoda devusi tādas vienības kā piektā kolona - quinta columna, zilās asinis - la sangre azul, u.c.

Atsevišķi frazeologismi aizgūti no dāņu, norvēģu, holandiešu, čehu, arābu, flāmu, portugāļu valodām.

Darbā analizēta arī frazeologijas internacionalizācija un tās saikne ar frazeologijas aizgūšanu. Abi procesi ir savstarpēji saistīti un veicina viens otru.

Aizgūšana veido un papildina internacionālo frazeologismu krājumu, savukārt internacionālais frazeologismu krājums veicina jaunu vienību aizgūšanu.

Latviešu valodā aizgūtajā frazeoloģijā apmēram 90% la-
tīņu un grieķu valodas aizgūvumu ir internacionāli frazeolo-
gismi, apmēram 75 % no Bībeles frazeologismiem ir interna-
cionāli; turpretī tikai 5-8 % no vācu un krievu valodas aizgū-
tajiem frazeologismiem ir internacionāli. Ir skaidrs, ka kul-
tūras kontakti vairāk veicina internacionālo frazeologismu
krājuma vairošanos, bet etniski kontakti galvenokārt ietekmē
sarunvalodu, kurā internacionalizācija nav tik izteikta.

Frazeoloģijas internacionalizācija rada dažādu valodu
frazeoloģisko krājumu konvergenci, tomēr katra valoda saglabā
tai raksturīgo nacionālo frazeoloģiju, kas balstās uz dzimtās
valodas idiomātiku un valodas struktūru.

Šajā darbā pētīti 4000 frazeologismi, no kuriem 1560
tiek atzīti par aizgūvumiem. Šķiet, šie kvantitatīvie rādī-
tāji ir pietiekami, lai izdarītos secinājumus varētu attieci-
nāt uz visu aizgūto frazeoloģiju latviešu valodā.

SUMMARY

BORROWED PHRASEOLOGY IN LATVIAN

A phraseological unit (idiom) is a stable word combination with a fully or partially transferred meaning.

Latvian phraseology consists both of native and borrowed phraseological units. Considering its modern usage the ratio of native and borrowed phraseology is roughly 50:50, though the stock of native phraseology is naturally considerably greater than that of borrowed phraseology. Thus it can be said that Latvian phraseology has a distinctly heterogeneous character.

The native stock of Latvian phraseology has three main sources - Latvian folksongs, colloquial language and Latvian literature.

The idioms which originate in Latvian folksongs (dainas) are of native origin, e.g. tautu dēls, vīrs kā ozols. However the folksongs do not abound in idioms. Moreover, the phraseological formations found in them, though being metaphorical, appear to be unstable contextual units, which can hardly be considered idioms. Yet, the modern units formed on the basis of these contextual formations are certainly idioms of native origin.

Obviously most of the old colloquial idioms are of native origin, too, e.g. iekšas apgriežas, kauli un āda first noted in Mancelius' *Phraseologia Lettica* (1638). However, due to the late development of national literature and scanty lexicographical sources it is next to impossible to ascertain the

origin of most of the early colloquial units.

The third source of native idioms is of a literary character. These units are based on Latvian literature in the form of popular allusions to the titles, characters and events described in them, e.g. atrāitnes dēls, putni bez spārnēm. There are also a few historical and cultural allusions in form of idioms, e.g. kalendāru nemieri, dziesmu karš, Kurzemes katls, stūra māja.

Borrowed phraseology constitutes a considerable part of the phraseological stock of Latvian. The historical proximity of other peoples, wars, migration and other processes have found their reflection in Latvian phraseology. Apart from permanent direct contacts with different ethnic groups - Russians, Germans, Poles, Lithuanians, Estonians, there have been indirect language contacts through literature translations and mass media enriching the phraseology. Though the latter are 19 and 20th century phenomena their influence upon the language is often much stronger than the ethnic influence. The concepts of language contacts (direct and indirect, ethnic and cultural) as well as the different forms of bilingualism have been viewed in the paper as applied to different languages.

The main theories and concepts of borrowing have been explored (G. Paul, B. Unbegaun, V. Betz, Ch. Bally, K. Schumann, N. Molnar, E. Haugen, T. Wade, L. Ponomarenko, E. Soloduho, etc) and as a result we distinguish three ways of borrowing idioms and four types of borrowed idioms.

Complete phraseological loan is a borrowed unit reproduced in the target language letter for letter, e.g. hot dog,

Sturm und Drang, finita la commedia used in Latvian speech and writing.

Phraseological translation loan is an idiom consisting entirely of target language components, it is a unit created by translating the prototype, e.g. puķu bērni from flower children, zem katras kritikas from unter aller Kritik.

Phraseological transcription loan is a borrowed unit whose components have not been translated, yet have undergone some morphemic changes, i.e. it is transcribed and adapted to the norms of the target language, e.g. šerloks holms from Sherlock Holmes, dons Kihots from Don Quijote.

Mixed phraseological loan is a borrowed idiom at least one of whose components has been translated while at least another one has been transcribed, e.g. linča tiesa from Lynch law.

All the phraseological loans borrowed in Latvian are clearly each of one of the above types.

A theory for determining the prototype, source language, target language, etymology of the idiom has been worked out. A system of criteria of the loans' origin is offered combining intra-linguistic and extra-linguistic information.

The process of borrowing has been divided into two stages. The first is the occasional use of a foreign idiom with the purpose of nominating a new concept absent in the language, motivated by psychological, stylistic reasons. Or in many cases it is simple interference of a different language unit.

The second stage of assimilation is governed by different

conditions and motives. Here most important are the following intralinguistic factors - correspondence of the new unit to the norms of the target language in all aspects (the unit should be lexically and semantically acceptable, preferably easy to pronounce and rhythmic, etc.). The extra-linguistic factors are of most importance, too, especially the topicality of the new concept, the historical conditions, even the personality of its creator, the prestige of the source language. Thus, for example the idiom dzelzs priekšgars used by W. Churchill in 1946 in a couple of days gained a place in Latvian.

Borrowed phraseology has a great variety of sources as well as quite a complicated pattern of influx into Latvian. Thus, for example, borrowing from Greek normally proceeded with two intermediary languages - Latin and German or Russian. However the influences upon Latvian are viewed concerning the language of the original prototype.

Finno-ugric elements in Latvian are well-known though mainly on the lexical level. It is much more difficult to investigate the phraseological loans as we have practically no written sources from the early periods of the development of Latvian. Historically Baltic tribes have come into contact with Finno-ugric tribes perhaps since the 3rd millennium BC. However, it is the latest contact starting in the 6-8th centuries of this era and ending in the present century with the full assimilation of the Līvi that we can partly deal with. There seems to be direct correspondence between phrases like nākt zemē and Estonian maha tulema, dabūt rokā - kätte sāma, etc. It seems probable that units like uz grūtām kājam,

mutes dot, zobus vadzī kārt, kāzas dzert, ēst ar saldu muti might also have been borrowed from Finno-ugric languages, however this supposition is based only on the fact that there are no corresponding equivalents in German, Russian and Prussian. Thus while theoretically Finno-ugric influence on Latvian phraseology is beyond doubt, when coming to separate idiom it remains hypothetical.

As in most of modern languages the translation of the Bible was of great importance for the development of Latvian. Glück's translation is also the first vast written monument of the language of the 17 century. Having compared the many editions and reprints of the Bible it can be said that biblical phraseology has hardly changed since the first edition exactly 300 years ago. Also part of the phraseology in use still preserves archaic traces of the first variant, e.g. vaiga sviedros, aiz septiņiem zieģeļiem, pēc (sava) ģimja un līdzības.

As the translation was carried out from the original languages, Hebrew and Greek, the units are respectively borrowed directly from these languages. Of course there are kind of mixed cases when the prototype of the same unit is found in two variants in the Old and the New Testaments, e.g. mazgāt rokas nevainībā - mazgāja rokas un sacīja: Es esmu nevainīgs (Mathew, 27, verse 24). Es mazgāju rokas iekš nenoziedzības (Psalms, 26, verse 6).

There are also units of biblical origin, for which there are no real prototypes in the Bible, which are allusions to biblical motives, e.g. Bābeles tornis, Noasa

Škirsts, sūtīt no Pontija pie Pilāta, the latter being logically wrong for Pontius Pilatus is one person. In many cases these and other units have been borrowed from other languages. For example, the Latvian translation of the Bible does not even contain a phrase like alfa un omega instead we see A un O. (Revelation, 1, verse 8), or instead of kalpot mamonam stands kalpot mantai (Mathew, 6, 24). Most probably it is the German influence - dienen dem Mammon.

The biblical units were stabilized in language by the numerous books of religious character, however already at the beginning of the 19th century their use in nonreligious context can be traced.

Apart from the Greek loans from the New Testament there is a whole group of loans connected with Greek mythology and literature. To mention just a few: Ahileja papedis, Ariadnes pavediens, Augeja stālī, Damokla zobens, gulbja dziesma. These appeared in Latvian in mid 19th century with the formation of the national language and not so much as a result of particular translations from Greek (which came only in the 20th century), as a deliberate attempt to introduce elements of classical literature and thinking into Latvian.

Alongside with loans from Greek came Latin phrases. Latin influence is characterized by numerous complete loans with parallel translation loans. Already in the second half of the 19th century many untranslated complete loans are not supplied with translations in the text any more which testifies to their assimilation, e.g. errare humanum est, ubi bene, ibi

patria, qualis rex, talis grex. Apart from these there are also quite a few mixed loans, e.g. pirra uzvara, pāriet rubikonu, etc.

It seems that German has had the biggest influence on Latvian phraseology, for already since the 13th century there has been a direct contact with German speaking people. With its ups and downs German retained the role of the main contact language of Latvian up to mid-20th century. German functioned also as the main intermediary language in borrowing. Even more, as the beginnings of Latvian written language and to a large extent the formation of Old Latvian was in the hands of Germans, it is natural that they have left a considerable impact on the formation and regulation processes of Latvian phraseology in general. It seems that the model of the phraseological metaphor itself was to a certain extent taken over from German.

There are numerous parallels in the two languages, numerous loans that preserve syntactic and semantic traces of German, e.g. nošaut buku - einen Bock schießen, tur tas suns aprakts - da ist der Hund begraben, spēlēt lielu lomu - grosse Rolle spielen, runāt caur puķēm - durch die Blume sprechen. That is not taking into account those numerous units that were part and parcel of Latvian in the 19th century but have either disappeared, deliberately eliminated or changed since then, e. g. nākt priekšā - vorkommen, krist svarā - ins Gewicht fallen, uz to labāko - aufs beste. There are also many literary German phrases connected with German literature and culture absorbed in Latvian, e.g. moris savu darbu padarījis, moris var iet -

der Mohr hat seine Arbeit getan der Mohr kann gehen - from Schiller's play, vairāk gaismas - mehr Licht - Goethe's last words, etc.

The second biggest influence on Latvian phraseology has been that of Russian. Language contacts have existed for centuries and since the end of the 18th century when all Latvia became part of the Russian empire the influence has been growing. At present Russian is also the main intermediary language of Latvian. All the loans from Russian form as it were several groups. There are literary loans which are practically 20th century phenomena, e.g. mirušās dvēseles - originating from Gogol's novel, tēvi un dēli - from Turgenev's novel.

There are also phraseological units that bear evidence of common or similar history of the two peoples, e.g. logs uz Eiropu, melnā sotna.

Numerous phraseological units have infiltrated Latvian colloquial language, slang and jargon - karāties gaisā, pie lampiņas, slapja lieta, not to mention the sphere of taboo phrases which in Latvian is totally dominated by phrases of Russian origin.

And finally there is still another field of Russian influence - it is a layer of phraseology that could be called bureaucratic - management phraseology bearing a strong cliché colouring, e.g. šaurā vieta, sist ar rubli, iznest lēmumu. There are no complete phraseological loans in Latvian borrowed from Russian, though occasional loans are quite widespread. The only exception might be the taboo phrases.

Borrowing from English in Latvian phraseology started at the end of the 19th century. In the 19th century borrowing proceeded mainly through the two intermediary languages - Russian and German, however the 20th century sees direct language contact with English. In many spheres English is the most dynamic source of new loans borrowed, just to mention the latest borrowings - hat trick, play off, tumšais zirdziņš, būt vienā laivā, etc.

The extent of borrowing from French is similar to that from English, however at the present moment new borrowing has almost ended. The French loans, being older have their very stable place in Latvian phraseology and also represent all the types of loans, cherchez la femme, zelta jaunatne, pēc mums kaut ūdens plūdi. In general French loans are of distinctly literary character, with a few exceptions that might be characterized as colloquial - taisīt scēnu - faire une scène, uz visu banku - va banque.

Other Romanic languages have affected Latvian to a much smaller extent, there are a few Italian loan translations mērķis attaisno līdzekļus - il fine giustifica i mezzi, un tomēr viņa griežas - eppur si muove, and complete loans salto mortale, tutti frutti, fata morgana.

The Spanish language has given Latvian a couple of units, like piektā kolona - quinta columna, zilās asinis - la sangre azul, etc.

There are a few loans from Danish, Norwegian, Dutch, Czech, Arabic, Flemish, Portuguese and others.

The problem of internationalization of phraseology and its

connection with borrowing has been analysed. Both processes are interconnected and enhance one another. Borrowing promotes formation of the international phraseological stock, and the international phraseological stock in its turn enhances borrowing of new idioms.

Concerning Latvian the borrowed units from Latin and Greek are about 90% international, biblical phraseology is about 75% international, while among the borrowed units from German and Russian only 5 to 8% are international. It can be seen clearly that cultural contact leads to much more international stock of phraseology, while ethnic contacts affect mainly the colloquial language where the process of internationalization is not so pronounced.

Internationalization of phraseology leads to a convergence of the phraseological stock of different languages, yet each language retains its specific national phraseology based on the native idiom and structure of the language.

The research was conducted on the basis of 4000 idioms of which 1560 are considered borrowed. It can be supposed that the conclusions drawn would be valid concerning all borrowed phraseology in Latvian.